

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.
ЯНВАРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXVIII. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлгородской съ сучевіями. Проф. Амф. С. Лебедева. (1-21).
- II. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Е. Ѳ. Юнге. (22-34).
- III. Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. А. А. Востокова. (35-46).
- IV. Старинная южно-русская гравюра. Г. (47-59).
- V. Культурныя переживанія. Проф. Н. О. Сумцова. (60-90).
- VI. Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Проф. А. А. Потебни. (91-94).
- VII. Беата и Гальшна. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. Як. Каро. (Переводъ съ нѣмецкаго). Н. М. (95-116).
- VIII. Документы, извѣстія и замѣтки въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 г. А. Л. Гетманскіе проповѣди. Мысль императора Александра объ учрежденіи въ Малороссіи козацкихъ полковъ. А. Л. Изъ бумагъ М. П. Миклашевскаго. Къ статьямъ проф. Н. О. Сумцова „Культурныя переживанія“. Нв. М—ра, Н. Левитскаго. Объявленія. (1-10).
- Нѣсколько данныхъ о состояніи кievскаго учебнаго округа въ 1835 году. В. Н. Паумешка. Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. Хр. Ишуржинскаго. Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки? Н. А. Липниценко. (117-134).
- IX. Генеральный писарь Андрей Безбородко. А. Л. (135-140).
- X. Библиографія. 1) Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ кievскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. II. М. В. К. Гульдманъ. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія. Ц. Неймана. В. В. Докучаевъ. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи. М. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. Н. М. Обзоръ газетъ и журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. (141-174).
- ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ генеральнаго писаря Андрея Безбородко.
2) Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчака-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго**.—Судъ и казнъ Григорія Самойловича **А. А. Востокова**.—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Θ. Сумцова**.—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачета**.—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску**.—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**.—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка**.—Воспоминанія **Н. И. Усковой** о **Т. Г. Шевченкѣ**, съ прил. **М. Чалаго**, **Н. Зарянки**.—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго**.—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**.—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**.—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**.—Памяти **Θ. Г. Лебединцева**. Проф. **Н. Θ. Сумцова**. Очерки изъ исторіи кiev. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги ея по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалтя**. Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуни или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волины и Украины. **О. И. Левицкаго**. Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Θ. И. Успенскаго**. Нанашеніе гайдамаковъ на карантины въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго**. Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. **М. С. Щепкинъ**, какъ артистъ и человекъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго**. Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**. Два намѣстника. **А. Е. Рекрутчина** въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф. очеркъ). **М. К. Васильева**. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Марневича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. Θома Падурра. (Критическій очеркъ) **Равиты**. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи **И. И. Малышевскаго**: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида**. Полтавскій полковникъ **Иванъ Черныкъ**. **А. А. Востокова**. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Курковскаго договора. **Θ. Д. Николайчина**. Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой**. Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго**. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева**. О статьяхъ **Богдана Хмельницкаго**. **П. А. Шафранова**. Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или **А. Темризовъ**). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**. Александръ Степановичъ Лашкевичъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волинской хроники. **Николая Сарнецкаго**. (Переводъ съ польскаго). **Н. М.** Отвѣтъ на полемическую замѣтку **В. Г. Васильевскаго**. Проф. **Θ. И. Успенскаго**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. **П. А. Лашкарева**, **Н. Θ. Бѣляшевскаго**, **П. Л.**, **И. С. Листовскаго**, **А. Л.**, **В. А.**, **П. Т.**, **Мирона**, **К. В. Болсуновскаго**, **Ив. Манжуры**, **И. Бѣньковскаго**, **О. Л.**, **В.**, **Н. М.**, **М. К. Чалаго**, проф. **Н. И. Петрова**, **Хр. П. Яшуржинскаго**, **А. А. Савича**, **В. П. Науменка**, **А. Ш.**, **Н. Н. Оглоблина**, **Я. П. Новицкаго**, **Н. Д. Н.**, **Б. С. Познанскаго**, **А. С. Л.**, **Г.**, **Вл. Ляскоронскаго**, **А. Андр.**, **Г. Залюбовскаго**

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

	СТР.
I. О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. Проф. Амф. С. Лебедева.	1—21
II. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Е. Θ. Юнге. . .	22—34
III. Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. А. А. Востокова.	35—46
IV. Старинная южно-русская гравюра. Г.	47—59
V. Культурныя переживанія. Проф. Н. Θ. Сумцова 60—90,	320—333
VI. Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Проф. А. А. Потебни.	91—94
VII. Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско- русской жизни XVI в. Ян. Каро. (Переводъ съ нѣ- мецкаго). Н. М.	95—116, 305—319, 485—525
VIII. Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ. (Изъ разсказовъ моей матери). Над. М. Кибальчичъ.	175—184
IX. Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. Я. Н. Шуль- гина	185—210, 381—418
X. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Богдана Хмельницкаго. I—VII. О. И. Ро- говой.	221—254, 419—443
XI. Александръ Андреевичъ Беклешовъ. (1743—1808), малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кiev-	

- скій военный губернаторъ, генераль-прокуроръ. Проф.
В. С. Иконникова 255—304
- XII. Илья Ивановичъ Квитка, неизвѣстный писатель
 конца прошлаго и начала текущаго столѣтїя. **Н. В.
 Шугурова**. 444—453
- XIII. Голосъ «Малороссїи» конца XVIII в. (Стихи по по-
 воду назначенїя Кречетникова малорос. ген.-губерн.) 454—457
- XIV. «Вояжъ по Малой Россїи г. генерала отъ инфантерїи
 Беклешова». 458—463
- XV. VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Проф.
Д. И. Багалтя. 458—484
- XVI. Документы извѣстїя и замѣтки. Въ какой обстановкѣ
 гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссию въ 1752
 году **А. Л.** Гетманскіе проповѣдники. Мысль импе-
 ратора Александра объ учрежденїи въ Малороссїи
 козацкихъ полковъ. **А. Л.** Изъ бумагъ **М. П. Микла-
 шевского**. Къ статьямъ проф. **Н. О. Сумцова** «Куль-
 турныя переживанїя». **Ив. М—ры** и **Н. Левитскаго**.
 Нѣсколько данныхъ о состоянїи кїевского учебнаго
 округа въ 1835 году. **В. П. Науменка**. Остатки язы-
 ческихъ обрядовъ, сохранившїеся въ малорусскомъ
 погребенїи **Хр. П. Ящуржинскаго**. Въ какомъ году впер-
 вые появились на Русь пушки? **И. А. Линниченко**.
 Къ біографїи **Т. Г. Шевченка**. **И—й**. Письмо 1781 г.
 глуховскаго адвоката изъ Петербурга, о тамошней
 жизни. Убїйство ушыря въ Кїевщинѣ во время чумы
 1770 г. **Я. Ш.** Запорожскій старшина **Антонъ Го-
 ловатый** въ Кїевѣ. Сообщ. **А. Андр.** Отрывокъ изъ
 записокъ русскаго паломника первой половины XVII
 вѣка о Кїевѣ. **Архимандрита Леонида**. Память объ
Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ, тираспольскаго
 уѣзда. Сообщ. **Н. Кирица**. Замѣтка объ археологи-
 ческой выставкѣ VIII съѣзда въ Москвѣ. **Х.** Всепод-
 даннѣйшїй рапортъ о состоянїи университета св.
 Владимїра въ 1835 г. **В. П. Науменка**. Изъ бумагъ
 сенатора **М. П. Миклашевскаго**. **Л.** Будто бы домъ

- Богдана Хмельницкаго. **А. Л.** Неудачная археологическая экскурсія **Н. Д. Иванншева.** **Л.** Письмо и стихи Варлаама Яспискаго. Сообщилъ **О. Л.** Письмо 1801 г., изъ Чернигова, о тамошнихъ новостяхъ. Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи. **Н. В. Стороженка.** Сатира на пановъ въ началѣ 60-хъ годовъ. **В. П. Науменка.** 117—134, 322—355, 526—546
- XVII. Генеральный писарь Андрей Безбородко. **А. Л.** . . . 135—140
- XVIII. Къ рисункамъ Шевченка. 356—858
- XIX. Мих. Бороховичъ, гадяцкій полковникъ (1687—1704). Къ портрету. **А. Л.** 547—551
- XX. Библиографіи. Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ кіевского института благородныхъ дѣвицъ **М. М. Захарченко.** **Н. М. В. К. Гульдманъ.** Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія **Ц. Г. Неймана.** **В. В. Докучаевъ.** Методы изслѣдованія вопроса: Были ли лѣса въ южной степной Россіи. **М. Едлинскій.** Анатолій Мартыновскій, архіепископъ моголевскій, и его литературные труды. **Н. М. Гиляревскій А.,** свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ **Василій Григоровичъ Барскій.** **Ив. Новицкаго.** Кубанское казачье войско. 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ **Н. М. Д. И. Эварницкій.** Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и Новороссійскаго края. **И. Ж. Волинскій** народный календарь на 1890 г. Годъ второй. **Ари Л—нка.** Памятная книжка волынской губерніи на 1890 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей члена секретаря комитета **И. Ф. Мацкевича.** **Ари Л—нка.** Харьковскій Сборникъ. Литер.-науч. приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1890 годъ. **П. Г.** Обзоръ журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. Русскія древности въ памяти. искусства. Проф. **Ф. Г. Мищенко.** Священникъ **Арсеній Рождественскій.** Южнорусскій штун-

дизмъ. Изслѣдованіе. Н. М. Сборникъ лѣтописей,
относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси.
Ив. Новицкаго. П. Голубовскій. Половцы въ Венгріи.
Историческій очеркъ. Н. М. Бѣлорусскія древности.
Арк. Ляценка 141—174, 359—380, 552—576

XXI. Объявленія. 1—6

Приложенія: 1) Портретъ генеральнаго писаря Андрея Безбородко.
2) Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.
3) 4 рисунка Т. Г. Шевченка.
4) Лѣтописныя замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи.
5) Портретъ Михайла Бороховича.

Открыта подписка на 1890 годъ

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ).

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

Въ 1890 году „КІЕВСКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить по прежней программѣ, при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ половинѣ каждаго мѣсяца книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ. При книжкахъ будутъ прилагаться портреты и рисунки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ. НА ПОЛГ.

Съ пересылкой и доставкой . 10 р. — 5 р.

Безъ доставки 8 р. 50 к. —

За границу.. . . . 13 р. — —

Подписка принимается въ редакціи: Кіевъ, Театральная ул., домъ № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXVIII.

1890 г.

КІЕВЪ.

Литографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 20-го Января 1889 г.

Григорій Степанович Астафьевъ

О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями ¹⁾.

Епархія бѣлогородская, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней губерніи харьковской и частию курской (изъ послѣдней входили въ нее четыре уѣзда: бѣлогородскій, обоянскій, курскій и оскольскій), учреждена въ 1667 году. До того же времени жители этого района по духовному управленію зависѣли частию отъ Москвы, частию отъ Кіева.

Духовенство въ этой области, какъ и вездѣ на Руси, издавна стремилось къ искорененію тѣхъ народныхъ обычаевъ, въ которыхъ оно видѣло печальное наслѣдіе изычества и которые во всякомъ случаѣ находило суевѣрными и несогласными съ духомъ истинной вѣры Христовой. Еще въ 1648 году жителямъ города Бѣлгорода, по представленію московскаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго находился тогда Бѣлгородъ по церковному управленію, дается царская грамота, которою строго внушается: „чтобы скомороховъ съ домрами, и съ гуслими, и съ волынками, и со всякими играми, и ворожей, мужиковъ и бабъ, къ больнымъ и младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первый день луны и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домамъ не умывались, и олова и воску не лили, и зернью, и картами, и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и никакихъ бѣсовскихъ игръ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, и сами не плясали, и въ ладоши

¹⁾ По архивнымъ документамъ курской и харьковской духовныхъ консисторій.

не били, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ никакихъ не качались, и личинъ (масокъ) на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали“. Ослушниковъ грозили бить батогами и подвергать ссылкѣ. Тѣ же обычаи обличаетъ, позднѣе—въ 1676 году, въ окружномъ посланіи къ духовенству митрополитъ бѣлогородскій Мисанлъ, называя ихъ также бѣсовскими, именно: кулачные бои, колыханье на качеляхъ, сходбища о Рождествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дня на бѣсовскія игры, накладываніе на себя личинъ и платья скоморошескаго, безчинное скаканье и плесканье на свадьбахъ, также хожденіе къ чародѣямъ и волхвамъ и призваніе ихъ къ себѣ на домъ—къ малымъ дѣтямъ и больнымъ младенцамъ, отчего, по замѣчанію посланія, многіе люди, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру, тѣмъ прелестникамъ скоморохамъ послѣдствуя, внезапною смертію умирають и съ качелей убиваются“... (Русск. Вивлююника. Полеваго, стр.27—32). Окружная грамота преосвященнаго Досифея Любимскаго—въ 1732 году—ко всей его паствѣ увеличиваетъ счетъ этихъ обычаевъ еще однимъ, который спеціально и обличается въ грамотѣ, какъ бѣсовское же дѣло, именно—слѣдующимъ свадебнымъ обрядомъ: „теща выѣдетъ на встрѣчу (новобрачнымъ, только что получившимъ церковное благословеніе) на вилахъ, козюхъ вывернетъ, парядся въ шапку; и овсомъ посыпаетъ, да еще нѣкоторые и огонь на воротахъ зажигаютъ, и чрезъ тотъ огонь нововѣнчанные идутъ и Богъ вѣсть, — съ ужасомъ замѣчаетъ архипастырь, — нѣтъ ли тутъ какихъ приговорокъ бабьихъ, или чародѣяній дьявольскихъ, что весьма въ правовѣрныхъ христіанахъ срамно и богопротивно“. Преосвященный ставитъ своей паствѣ на видъ, что „творящіе такъ недовольствуются Божиимъ благословеніемъ, а еще требуютъ онаго отъ діавола, и діавола такимъ образомъ почитаютъ паче Бога“, и приглашаетъ духовенство по всѣмъ воскреснымъ днямъ увѣщаніями отвращать отъ такого суевѣрія. (Историко - статистич. опис. харьк. епарх. отд. 1, стр. 14—16).

Знаменитый въ исторіи бѣлогородской іерархіи ревнитель благочестія Іоасафъ Горленко (1748—1754) пополняетъ этотъ,

уже довольно сложный, индексъ запрещенныхъ обычаевъ еще нѣкоторыми другими, доселѣ ускользавшими, повидимому, отъ іераршей цензуры, между прочимъ—и вечерницами, подводя ихъ также, прямо и рѣшительно, подъ категорію идолопоклонства. „Усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ—писаль онъ въ наставленіи духовенству отъ 10 ноября 1750 года,—что народъ, языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня, дѣлаетъ колыски, называемыя рѣли, и въ недѣли св. Пасхи, въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, на нихъ качаются такожъ въ недѣлѣ св. Троицы празднуетъ бѣсовскій праздникъ березы, и въ день св. Іоанна Предтечи—купала и вечерницы, и пѣсни скверныя; вся же слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумія своего, а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняють“. Обличая священниковъ за такое нерадѣніе ихъ къ исполненію своего долга, преосвященный строго предписываетъ имъ учить народъ, „чтобы въ приходахъ идолопоклонническія жертвы не праздновались, какъ то: колыски, называемыя рѣли, березы, купала, вечерницы и клики“.

По призыву архипастыря, духовенство ревностно ополчилось на истребленіе слѣдовъ идолопоклонства. Какъ именно понимало оно въ этомъ случаѣ и исполняло свой долгъ и какъ отвѣчалъ народъ на пастырскую ревность вразумить его насчетъ неразумнаго чествованія игрищами бѣса,—объ этомъ понятіе можетъ дать слѣдующее доношеніе, въ 1750 году, священника Потапа, харьковскаго уѣзда, городка Ольшанной, воскресенской церкви, въ харьковское духовное правленіе.

„Сего 750 года ноября 6 дня указъ Ея И. В. изъ консисторіи мною полученъ, въ которомъ, между прочимъ, въ 8 пунктѣ о искорененіи языческихъ идолослуженія слѣдовъ изображено; а понеже въ моемъ приходѣ у дѣвицы Ксеніи Олейниковой вечерницы собирались, то я по должности своей оную дѣвицу о несобираниіи оныхъ вечерницъ персонально и чрезъ нарочно посланныхъ многаяжды увѣщеваль, и городка Ольшанной сотнику Ивану Ковалевскому, дабы запретилъ оной дѣвицѣ въ свою избу вечерницы собирать, я докладываль; но она дѣвица Ксенія какъ моего совѣта, такъ и сотникова запрещенія не слушала;

того ради я, по должности моей, сего декабря 26 дня причетниковъ изъ онаго собранія молодцовъ и дѣвокъ разогнать послалъ, что и учинено; и сего жъ декабря 27 дня, будучи мнѣ у вышепомянутаго сотника Ивана Ковалевского, невѣдомо съ какого умысла, харьковского полку подпрапорный Василій Самородскій, напавъ на меня нахально, безъ всякой моей предъ нимъ виновности, матерно бранилъ и посылалъ скверными словами и къ грудямъ моимъ съ тростию прискакивалъ и въ глаза и по главѣ ударить замѣрялся, скажу: „на что ты вечерницы разгоняешь?“,—и ежели бы я отъ его злаго намѣренія подъ столъ не схоронился, то мнѣ главу бы разбилъ, или глаза бы выткнулъ, отъ чего мнѣ учинилось немалое безчестіе и впредь во исполненіи указовъ опасность; того ради харьковское духовное правленіе покорно прошу сіе мое доношеніе принять и впредь для вѣдома записать?“

Объ обидчикѣ священника правленіе опредѣлило въ харьковскую полковую канцелярію сообщить промеморією; о самомъ же священникѣ не сдѣлано никакого опредѣленія, конечно, потому, что и съ точки зрѣнія правленія священникъ, посылавшій причетниковъ разгонять молодцовъ и дѣвокъ, собравшихся на посидѣлки, дѣлалъ не иное что, какъ исполнялъ прямой свой пастырскій долгъ. Мы говоримъ: *конечно*—потому, что такова именно была точка зрѣнія того времени; ее раздѣляли, возносясь иногда въ этомъ направленіи еще и выше, нѣкоторые изъ самихъ іерарховъ; по крайней мѣрѣ объ одномъ изъ нихъ, именно,—преемникѣ Іоасафа Горленка, Іоасафъ же Миткевичъ (1758—1763 г.), человекъ при томъ для того времени очень просвѣщенномъ, мы знаемъ, что онъ одобрялъ даже собственноручную расправу пастырей съ пасомыми за совершеніе бѣсовскихъ игрищъ, какъ показываетъ это слѣдующая, для насъ курьезная, а для того времени, нужно полагать, совершенно серьезная резолюція этого преосвященнаго по дѣлу о дракѣ пастыря съ людьми его паствы. Дѣло было въ 1761 году и состояло въ слѣдующемъ. Валковскаго уѣзда, села Тарасовки черкашенинъ Никита Долговъ подалъ жалобу на своего приходскаго священника Никиту же Самородскаго въ томъ, что священникъ въ

день Нового года, по отправленіи божественной литургіи, выскоча изъ дома своего съ топоромъ, напалъ на его, просителя, брата Ѳедора и раздробилъ ему „топоровымъ обухомъ“ голову до мозга. Преосвященный опредѣлилъ произвести слѣдствіе, а на время слѣдствія воспретилъ священнику священнодѣйствіе. Слѣдствіе, производившееся, конечно, лицами изъ духовенства же, выяснило, что голова Ѳедора пробита не попомъ, а попадьей, да и то не до мозга, а слегка, самъ же священникъ билъ „топоровымъ обухомъ“ лишь по спинѣ и по плечамъ, при томъ же не безъ причины, а именно: еще съ 25 декабря, то есть съ праздника Рождества Христова, братья Долговы со множествомъ другихъ черкасъ того же села Тарановки стали собираться близъ попова гумна, чтобы чинить здѣсь зрѣлище, называемое „катель“, для чего таскали съ одонка гумна снопы пшеницы, при томъ же „по своему овчарному обычаю въ дуду играли и всякія неприличныя чинили шалости“; священникъ неоднократно отсылалъ чинившихъ игрище, но его не слушали, а Ѳедоръ Долговъ, въ отпоръ этому требованію объ удаленіи, ударилъ даже священника дрюкомъ по головѣ; тогда священникъ, купно съ попадьей своею, и поучилъ бездѣльника, попадья—тѣмъ самымъ дрюкомъ, которымъ черкашенинъ Ѳедоръ ударилъ попа въ голову и который онъ тотчасъ же бросилъ, увидавъ кровь на головѣ, а самъ священникъ—„топоровымъ обухомъ“.—На основаніи такого дознанія, консисторія приговорила: „братьямъ Долговымъ за дѣланіе игрища и прочихъ неприличныхъ забавъ, а Ѳедору, сверхъ того, и за бой священника въ кровь и досадительныя ему слова и брань, дабы и другимъ чинить того было неповадно, и прочіе отъ такихъ непотребныхъ шалостей воздерживались и имѣли страхъ и предосторожность,—учинить въ консисторіи жестокое плетью наказаніе и затѣмъ—отпустить ихъ въ дома; о священникѣ же Никитѣ, который по прописанному дѣлу виновнымъ не окажется, а находится долгое время въ запрещеніи, относительно разрѣшенія его отъ запрещенія консисторія передаетъ въ полное благоразсмотрѣніе его преосвященства“.—Преосвященный же далъ такую резолюцію: „учинить по сему; а попъ Никита отъ запрещенія разрѣшается, ибо *хотя*

и оказывается, что онъ Ѳедора топорщикомъ билъ, но то сдѣлалъ въ ревности, которая и во всякомъ священникѣ быть должна“. (Замѣчательно, что означенный приговоръ консисторіи и такая резолюція преосвященнаго даны послѣ обычной въ такихъ случаяхъ справки съ церковными правилами, въ которой на первомъ планѣ приведено изъ Кормчей книги правило: „Святитель, вѣрнаго или невѣрнаго бивъ, да извержется“, съ слѣдующимъ оттуда же взятымъ толкованіемъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ, аще бьетъ досадившаго ему вѣрнаго или невѣрнаго,—таковой, яко творить противно евангельскому закону, повелѣвающему: аще кто ударить въ ланиту, обрати ему и другую,—да извержется, понеже отъ гордости и неудержной ярости нанесе рану на искренняго“).

Дѣйствуя съ такою ревностію противъ „бѣсовскихъ“ игрищъ, духовенство, понятно, еще менѣе могло щадить разные виды волшебства и чародѣній, какъ болѣе прямое служеніе тому же бѣсу.

Въ 1750 году въ харьковскомъ духовномъ правленіи, а затѣмъ и въ консисторіи бѣлгородской производилось слѣдующее любопытное дѣло объ одномъ изъ жителей села Люботина (валковскаго уѣзда), выдававшемъ себя за знахаря, способнаго узнавать дѣла сокровенныя. Допрошенный въ духовномъ правленіи обвиняемый показалъ: „имя ему Несторъ; отецъ его Леонтій бондарь, мать Евфросинія, живутъ въ харьковскомъ полку въ себѣ Люботинѣ, и при нихъ онъ воспитанъ; лѣтъ ему отъ роду 15; въ церковь Божию ходилъ съ правовѣрными; онъ *утыръ родимый*; какъ скоро родился, то, по сказкѣ его восприемной бабки Евдокіи Петренковой, у отца и матери просилъ пить; дѣйствуетъ онъ ночью, въ полночь встаетъ, и идетъ къ водѣ, и смотритъ, и тамъ видитъ одну здѣзду, въ которой звѣздѣ, ежели у какого человѣка учинится воровство, покажется“... Отецъ и мать порознь допрашиваны и показали, что „какъ родился онъ, то мать его отъ бабки, которая при рожденіи его была, не слыхала, чтобы онъ просилъ пить воды, а родился онъ обыкновенно, какъ и прочія ея дѣти; восприемная бабка не та была, которую онъ показалъ, а Зиновья Стрѣльцова, которая

въ 745 году умре. А въ прошломъ 748 году, за неимѣніемъ у отца его и матери, чѣмъ дѣтей прокормить, жилъ онъ Несторъ у люботинскаго жителя Петра Сасенка, и тамъ невѣдомо какимъ случаемъ объявилъ про себя, что онъ родимый упырь, за что взятъ былъ къ люботинскому сотнику въ домъ; и по той огласкѣ, яко бы онъ упырь, многіе бывало приходятъ къ нему люди, чтобъ онъ имъ объявилъ, что у кого пропало,—и по требованіямъ людскимъ ходитъ, бывало, по разнымъ мѣстамъ, за что они отецъ и мать многожды его бивали, токмо онъ за своими корыстями и прихотями уняться не могъ.—Наконецъ Несторъ объявилъ, что прежнія показанія его ложны, что „онъ не упырь, а обыкновенный человѣкъ, волшебническаго знанія и бѣсовскаго откровенія о тайныхъ вещахъ никакого не имѣетъ, но манить народъ ради единого прибытка съ прошлаго 748 года въ голодный годъ ради прокормленія“.—Консисторія, не найдя въ донесеніи правленія, отъ своего ли умысла Несторъ выдавалъ себя за упыря, или наученъ кѣмъ либо мнимому волшебству, вытребовала его къ себѣ. 1751 года 11 марта онъ переспрошенъ въ консисторіи и показалъ: „Въ прошломъ 748 году жилъ онъ, Несторъ, въ с. Люботинѣ въ домѣ отца своего и матери, и въ Петровѣ постѣ живущая въ томъ же селѣ вдова Евдокія Алексѣева, жена Пятернева, прислала за нимъ, Несторомъ, въ домъ сына своего малолѣтняго Василия, и какъ онъ пришелъ къ ней, тогда она спросила его: хочешь ли выучиться смотрѣть на звѣзды и оттого угадывать о пропажѣ какой нибудь, у кого сыскать? На что онъ къ тому свое желаніе объявилъ. И тогожь времени въ пятницу въ самый полдень стала его научать. Во-первыхъ вывела его на дворъ и посадила на избный уголъ; а сама стала на земли подъ угломъ и свиснула трижды и созывала всякій гадъ съ такимъ приговоромъ: азъ есмь гадъ. И тогда собралось гаду до 20 и болѣе.—И былъ тотъ гадъ часа съ два. А потомъ она бабка и другой разъ свиснула. И тотъ гадъ разползся врознь. И сняла его, Нестора, съ угла, повела въ избу. И въ той избѣ, взявъ склянку съ горѣлкою, налила въ чарку и шептала надъ чаркою и дала ему напитокъ, которую онъ и выпилъ. Тогожь числа въ полночь выводила его, Нестора,

къ мельничному ставу на дворъ и пускала его на латакахъ плыть противъ воды и плыль; а потомъ, взявъ его изъ воды, стала надъ ставомъ и воткнувъ веретено тонкимъ концемъ въ землю, а на другомъ концѣ веретена, на которомъ прядывала въ Георгіевъ день для волшебства, пускалась подъ небеса и сняла звѣзду и спустилась назадъ съ тою звѣздою, которая подобіемъ такова, какъ бываетъ полунощная ясная, и дала ему въ руки поддержать; а потомъ, взявъ отъ него, пошла съ нимъ въ домъ, и ту звѣзду положила въ сѣняхъ подъ кадушку. Переночевавъ ту первую ночь, по утру налила горѣлки въ чарку и наговаривала и дала ему пить, которую и пилъ. На другую ночь вывела его на дворъ въ полночь и приказала смотрѣть на звѣзды, на которыя и смотрѣлъ. И показывались ему на звѣздѣ чловѣческія имена, у кого пропало и кѣмъ украдено. Бабка его, Нестора, и звѣзду снятую держала въ домѣ своемъ цѣлую недѣлю, а потомъ отпустила его въ домъ, а звѣзду пустила въ небо“.—Консисторія посылала нарочнаго за показанною бабкою Евдокією Пятерневою. Но въ отвѣтъ сказано, что такой нѣтъ въ Люботинѣ. Несторъ указаль по именамъ сосѣдей дома, гдѣ она живетъ. Но и въ другой разъ отвѣчали, что такой волшебницы нѣтъ на мѣстѣ.—Консисторія опредѣлила: „какъ Несторъ еще несовершеннолѣтній, то отослать его въ Святогорскій монастырь къ архимандриту Фаддѣю Какуйловичу и содержать его въ монастырской работѣ неисходно, и смотрѣть, чтобъ онъ никому никакихъ суевѣрныхъ бредней не объявлялъ и дѣйствія никакого не чинилъ, а ходилъ бы въ церковь Божию для слушанія чтенія и пѣнія и повсягдно исповѣдывался и сообщался Божественныхъ тайнъ; а какого онъ будетъ состоянія, въ консисторію репортовать“. (Историко-стат. оп. харьк. еп. Отд. II, стр. 286—290).

Въ 1752 г. харьковскій житель Рибасовъ, запьянствовавшись въ шинкѣ—въ Харьковѣ же, остался ночевать въ коморѣ у шинкарки Морозихи. Мѣстный атаманъ, вторгшись съ казаками часа за два до разсвѣта въ комору, забралъ Рибасова и Морозиху и препроводилъ ихъ въ харьковскую полковую канцелярію; тамъ арестованные показали, что спали они явно, и

что Рибасовъ потому единственно и остался у шинкарки, что крѣпко захмѣлѣлъ. Канцелярія „приличности“ въ прелюбодѣяніи за ними не признала и потому Рибасовъ былъ отпущенъ; но у Морозихи въ кошелекѣ нашлась сушеная жаба, о которой Морозиха сказала, что дала ей ту жабу нѣкая баба Агаѣя, дабы успѣшнѣе торговать винными напитками, и еще частицы священнаго артоса, о которыхъ Морозиха заявила, что она выпросила ихъ у своей матери для своей больной дочери. Держаніе у себя сушеной лягушки было уже важное дѣло о чародѣяніи, по которому Морозиха съ Агаѣей и отправлены были въ харьковское духовное правленіе „для учиненія съ ними по духовнымъ правамъ“. Въ духовномъ правленіи опредѣлено: „хотя Агаѣя въ дачѣ Морозихѣ жабы и запиралась, но такъ какъ изъ нея же словъ усмотрѣна ея виновность, то повелѣть ей ходить въ церковь соборную въ теченіи недѣли съ набитою на ногу колодкою; а Морозихѣ опредѣлить отъ отца духовнаго епитимію—молитву, постъ и колѣнопреклоненіе; а имѣющуюся у нея въ платкѣ часть артоса въ притворѣ церковномъ спалить, и жабу бросить въ скрытое мѣсто. Марину отдать подъ росписку на поруки, кто похочетъ взять, съ тѣмъ, чтобы поставить въ духовное правленіе, по требованію“.

Того же 1752 г. бригадира Θεодора Костюрина дворовая жонка Марфа Королева взята была въ курскую воеводскую канцелярію по обвиненію ея въ томъ, что она портила господина своего и госпожу волшебствомъ.—На допросѣ въ канцеляріи Марфа, повидимому сама вполне убѣжденная въ губительной силѣ своего волшебства, показала: „находящаяся при ономъ бригадирѣ дочь ея дѣвица Василиса жила съ дворовымъ онаго бригадира человѣкомъ Иваномъ Музыринымъ блудно, за которое блудное паденіе онаго бригадира жена означенную дочь ея Василису била батожемъ, и за то злая, она, Марфа, въ 752 году въ іюлѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ послѣ Петрова дня, въ бытность онаго господина ея миропольскаго уѣзда въ деревни Герги, чинила волшебство и вынимала у онаго господина своего слѣдъ на землѣ съ приговоромъ, чтобъ оный господинъ ея былъ всегда боленъ, отъ котораго ея волшебства съ того времени

оний господинъ ея и понынѣ находится въ болѣзни; да она жъ Марфа волшебствомъ своимъ показаннаго помѣщика своего дворовую жонку Домну испортила, наговаривала на водѣ, чтобъ оная Домна всегда была скорбна, отъ которой ея порчи означенная жонка скорбна и понынѣ; къ тому же она, Марфа, въ полѣ посѣянному ржаному хлѣбу чинила заломъ, чтобъ тому ржаному хлѣбу не было урожая“. По снятіи этого показанія, канцелярія препроводила Марфу подъ конвоемъ въ консисторію—тоже для учиненія съ нею по правамъ духовнымъ. Но [консисторія, усмотря въ дѣяніяхъ Марфы преступленіе, которое по силѣ указа Императрицы Анны Іоанновны 1731 г. мая 20 дня („ежели впредь кто, гнѣва Божія не боясь и сего Ея И. В. указа не страшась, станутъ волшебниковъ къ себѣ призывать, или къ нимъ въ дома для какихъ волшебныхъ способовъ приходить, или на путѣхъ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть и ученію ихъ послѣдовать, или какіе волшебники учнутъ собою на вредъ или мнѣе якобы на пользу кому волшебства чинить, и за то оныя обманщики казнены будутъ смертію, сожжены; а тѣмъ которые для мнимой себѣ душевредной пользы станутъ ихъ требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе, биты будутъ кнутомъ, а иные по важности винъ и смертію казнены будутъ“¹⁾] подлежить наказанію смертною казнію, опредѣлила: „жонку Марфу Королеву съ прописаніемъ вышеписаннаго обстоятельства отослать въ бѣлоградскую губернскую канцелярію для учиненія съ нею по указамъ разсмотрѣнія, и что съ нею учинено будетъ, требовать въ консисторію увѣдомленія“.—Конецъ неизвѣстенъ.

1758 года, изъ курской воеводской канцеляріи прислана была въ бѣлогородскую духовную консисторію курской помѣщицы вдовы Анисы Амосовой дворовая жонка Татьяна Аникѣва, которая какъ въ курской воеводской канцеляріи распросомъ показала, такъ и въ консисторіи въ подтвержденіе тоже объявила, что въ бытность ея въ домѣ госножи своей означенной Амосовой она, Татьяна, по наученію крестьянской жонки

¹⁾ П. С. З. т. VIII, 5761.

Екатерины, на небо въ тучи смотрѣла, и что она скоро ли замужъ выйдетъ, и кому умереть, или, будучи въ болѣзни, свободу отъ той болѣзни получить или умереть, примѣчала съ простоты своей, о чемъ нынѣ покаяніе приносить и впредь того чинить не будетъ. Консисторія опредѣлила: „объявленную жонку Татьяну для покаянія послать въ хотмыжскій дѣвичій Покровскій монастырь при указѣ и велѣть ей въ томъ монастырѣ ежедневно къ вечерни, утрени и къ божественной литургіи ходить и о такомъ своемъ суевѣрномъ прегрѣшеніи приносить истинное Богу покаяніе и слушать божественное пѣніе внѣ церкви на паперти, и содержать ее въ томъ монастырѣ впредь до указа, и о состояніи ея и какое покаяніе приносить будетъ, въ консисторію ежемѣсячно репортовать“.

1767 года подканцеляристъ Петръ Малютинъ въ обоянской воеводской канцеляріи показалъ, что, „желая склонить къ блудодѣянію дѣвицъ Анну Лобочеву и Марфу Ельникову, онъ съ чародѣйныхъ писемъ дѣлалъ наговоры на яблокахъ и пряникахъ и давалъ тѣмъ дѣвицамъ, но чрезъ это къ блуду ихъ привлечь не могъ, такмо послѣ того даванія онъ ѣлъ самъ оставшіеся у него пряники и яблоки наговоренные, отъ чего великую тоску имѣлъ“. Консисторія опредѣлила: „означеннаго Петра Малютина, который чрезъ дьявольское призываніе, наговаривая на яблокахъ, старался склонить дѣвокъ въ любовь, но склонить ихъ къ тому не могъ и такмо самъ такіе наговоренные яблоки ѣлъ и отъ того чувствовалъ въ себѣ тошноту,—отослать въ сумскій Успенскій монастырь во всякіе труды монастырскіе на три года, и ходить ему ежедневно къ вечерни, утрени и литургіи и стоять внѣ церкви и о своемъ согрѣшеніи приносить Господу Богу истинное покаяніе, и чрезъ оное время, кромѣ смертнаго случая, Божественныхъ таинъ его не сообщать; а по прошествіи онаго термина, ежели по исповѣди отца духовнаго явится достоинъ, Божественныхъ таинъ сообщить и отпустить въ домъ его“.

При Петрѣ I духовному чину, какъ извѣстно, вмѣнено было въ непремѣнную обязанность изыскивать, „не обрѣтаются ли гдѣ кликуши, не проявляетъ ли кто для скверноприбытка ложныхъ

чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ, при источникахъ?“ (Духов. Реглам. Москва, 1861 г. стр. 42), также—слѣдить за появленіемъ всякихъ лъстцовъ и пустосвятовъ и таковыхъ ловить и отсылать къ епархіальной, или прямо даже къ гражданской власти (ibid. стр. 113. П. С. З. VI, 4012). При Аннѣ Іоанновнѣ на основаніи указа Ея И. В. отъ 15 ноября 1737 г. Святѣйшему Синоду даннаго, въ которомъ, между прочимъ, изъяснялось что Ея И. В. была въ несомнѣнной надеждѣ, что указы Петра I объ искорененіи суевѣрій во всей имперіи точно исполняются, а нынѣ уже имѣть основаніе сомнѣваться въ томъ, и думается, не преданы ли тѣ указы забвенію, понеже, къ великому Ея И. В. неудовольствію, извѣстно ей учинилось, что въ церквахъ и монастыряхъ являются многія кликуши, которыя отъ того не токмо не унимаются, но и наипаче имъ въ той притворности и шалости свободы дается и сверхъ того надъ ними и молитвы отпращиваются“—Св. Синодъ указомъ отъ 25 ноября того же 1737 года строжайше предписалъ всѣмъ архіереямъ о недопущеніи и искорененіи подобныхъ суевѣрій, согласно указамъ Петра. (П. С. З. X, 7450). Въ силу этого указа, духовнымъ управителямъ въ бѣлогородской епархіи предписано было ежегодно два раза—въ іюнѣ и декабрѣ—репортовать, „не дѣлается ль гдѣ какихъ суевѣрій, не проявляетъ ли кто для скверноприбытства какихъ при иконахъ святыхъ, при кладезяхъ и источникахъ ложныхъ чудесъ и мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ тѣлестъ, не разглашаютъ ли къ почитанію ихъ за мощи истинныхъ святыхъ, не являются ли гдѣ притворно юродцы и босые, также съ колтунами“, и о прочихъ „непотребствахъ“; а духовные управители должны были требовать такихъ же репортовъ отъ подвѣдомственныхъ имъ священниковъ.—Изъ дѣлъ консисторіи видно, что духовенство исправно писало такіе репорты до самаго конца 18 вѣка. Но не видно, чтобы оно расположено было преслѣдовать „непотребства“ этого рода съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ преслѣдовало разныя „бѣсовскія“ игрища и волхвованія. Напротивъ, духовенство имъ замѣтно покровительствовало—прежде всего, думается, потому, что для его простодушной вѣры, которая едва ли много возвышалась надъ

вѣрою самаго народа, эти запрещаемыя указами суевѣрія въ большинствѣ случаевъ вовсе не казались непотребствами, а во вторыхъ потому, что въ то же время они были и не безвыгодны для него.

1764 г. харьковскаго коллегіума архимандритъ и ректоръ Іовъ, во время осмотра имъ церквей благочинія харьковскаго вѣдомства, въ вотчинѣ полковника Матвѣя Куликовскаго—въ селѣ Рокитномъ, въ церкви архангела Михаила замѣтилъ на престолѣ въ небольшомъ деревянномъ новомъ кіотѣ древнюю икону нерукотвореннаго образа, о которой священникъ той церкви Іоаннъ Кондратьевъ и сынъ его Григорій, священникъ же, показали: „апрѣля 27 дня 1764 года одинъ прихожанинъ, пришедъ къ нимъ, священникамъ, объявилъ, что означенная икона нерукотвореннаго образа въ дому его отъ очей испускала слезы, которую взявъ оный прихожанинъ принесть въ домъ означеннаго помѣщика полковника Куликовскаго, и по принесеніи той иконы они, священники, и жена помянутаго полковника Пелагея Степанова и дочь его же, а также изъ домашнихъ многіе, истекающія оной иконы отъ очей слезы видѣли, и ту икону помѣщица приказала дочери своей внести въ церковь, и стояла икона сначала при иконостасѣ, а потомъ поставлена харьковскаго полка полковымъ священникомъ Ѳеодоромъ Сребреницкимъ на престолъ“. И сама полковница Куликовская также объявляла архимандриту, что она заподлинно истекающія тоя иконы отъ очей слезы видѣла и что окольные люди, о семъ увѣдавши, пріѣзжаютъ для моленія, и означенную икону священникъ выносить изъ алтаря въ церковь и отправляетъ акаѣисты и молебны, яко чудотворной“.—Преосвященный (Порфирій), узнавъ о семъ изъ донесенія названнаго архимандрита Іова, предписалъ ему немедленно отправиться въ село Рокитное и, взявъ тамъ означенную икону и запечатавъ въ ящикъ, выслать ее въ консисторію вмѣстѣ съ священникомъ Иваномъ при доношеніи, а по присылкѣ священника въ надлежащемъ допроситъ обстоятельно и доложить. — При допросѣ священникъ показалъ: „24 апрѣля (1764 г.) въ обѣденное время села Рокитнаго житель, харьковскаго полка полковника Матвѣя Куликовскаго подданный чер-

кашенинъ Михайло, Григорьевъ сынъ, Попруга привесъ въ домъ къ нему, священнику, икону нерукотвореннаго образа Спасителя и объявилъ ему на оной иконѣ истекающія слезы; икона при разсмотрѣніи имъ священникомъ оказалась вся въ пыли, такъ что лика и письма почти было невозможно признать, и въ очесахъ съ лѣвой стороны стояла капля слезъ, а съ правой стороны мокрота имѣлася; взявъ икону, священникъ понесъ оную въ полковничій домъ; полковникъ въ то время съ домашними имѣлъ отлучку въ городъ Харьковъ, а находился въ домѣ его прикащикъ черкашенинъ Андрей Леонтьевъ и дворовые изъ черкасъ же люди Григорій Полюбицкій и кляшница Агриппина, и по приносѣ ту икону поставилъ въ особой свѣтлицѣ, и въ то время означенный прикащикъ съ помянутыми дворовыми людьми стоящія на очахъ той иконы слезы видѣли; а по прїѣздѣ жены полковника Пелагеи Степановой, онъ священникъ съ тою полковницею и дочерьми ея дѣвцами, Елизаветою—20 лѣтъ, Татьяною—15 и Евдокією—12 лѣтъ, означенную икону смотрѣли и слезы въ такой же пропорціи видѣли, и во время отправления имъ священникомъ того дня вечерняго служенія та икона съ дозволенія полковницы дочерію ея принесена въ церковь. Консисторія по резолюціи преосвященнаго опредѣлила: допросить всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ показаніи священника Ивана, на которыхъ онъ въ своемъ показаніи ссылался,—каждаго порознь, а также и сына его, священника же Григорія; а его самаго (священника Ивана) отпустить въ домъ. Дальнѣйшее теченіе и окончаніе дѣла неизвѣстны.

Въ 1769 г. въ городѣ Курскѣ много надѣлало шуму и много хлопотъ мѣстному духовенству доставило дѣло о „нѣкоей женѣ, притворяющей святость“. Курское духовное правленіе репортомъ въ консисторію (отъ 19 іюня 1769 г.) доносило, что въ городѣ Курскѣ и уѣздахъ съ 1-го декабря по 1-е іюня означеннаго года никакихъ притворно юродцевъ суетвѣрныхъ не имѣется; а между тѣмъ его преосвященству извѣстно учинилось, что въ городѣ Курскѣ имѣется нѣкоторая женка, которая, притворяя себѣ святость и удаляясь отъ народа, живетъ за городомъ въ подземныхъ пещерахъ, якобы ея собственными руками

сдѣланныхъ, куда почти всякаго дня немалое число народа собирается, чрезъ что малоразсудныхъ и простыхъ людей таковою своею пустосвятостію приводить въ развращеніе, а инымъ подаетъ немалый соблазнъ. Преосвященный приказалъ обоянскаго Знаменскаго монастыря игумену Сильвестру“ въ самой скорости отправиться въ Курскъ и благопристойнымъ образомъ изыскать, подлинно ли вышепрописанное суевѣрное дѣйствіе производится и чья именно та женка, гдѣ и въ которомъ она мѣстѣ роетъ пещеру, съ кѣмъ именно и какъ давно, и кто въ томъ ей именно имѣются вспомогатели, и съ какимъ намѣреніемъ, и ходитъ ли она въ церковь, исповѣдуется ли и сообщается ли Божественныхъ таинъ, и кто именно ее исповѣдавшуюся видѣлъ, и въ чемъ точно приходѣ, и для чего отъ правленія объ оной не донесено, и въ прочихъ къ тому потребныхъ обстоятельствахъ въ подробность развѣдать, и буде оная жена въ городѣ Курскѣ или въ близости того города сыщется, то ему игумену потребовать отъ курской воеводской канцеляріи служилыхъ людей потребное число, а доколѣ отъ оной канцеляріи такое число людей дано будетъ, потребовать отъ курскаго духовнаго правленія церковниковъ, сколько надобность укажетъ, и оную обманщицу женку съ ея помощниками изымавъ отдать для содержанія подъ крѣпкимъ карауломъ въ курскую воеводскую канцелярію впредь до разсмотрѣнія“. Найденная и взятая слѣдователемъ женка, по учиненіи ей допроса, показала: Зовутъ ее—Ирина Игнатова, дочь Калугина, отъ роду ей 55 лѣтъ, родилась она курскаго уѣзда, усожскаго стана въ селѣ Троицкомъ, что на Сучкахъ, отецъ ея былъ однодворецъ Игнатъ, Петровъ сынъ, Асѣвъ; жительство имѣлъ въ томъ же селѣ Троицкомъ и выдалъ ее замужъ того жъ усожскаго стана въ деревню Лубажи за однодворца Якова, Мамонтова сына, Башкотова, съ коимъ она жила въ замужествѣ пять лѣтъ и прижила двухъ дочерей Февронію и Мавру...; а по смерти перваго мужа своего жила вдовой въ городѣ Курскѣ въ покровскомъ приходѣ у однодворца Ивана Жеронина въ услуженіи, а потомъ вышла за другаго мужа курскаго уѣзда деревни Соколовой однодворца Оадея, Савина сына, Калугина, съ коимъ жила 15 лѣтъ и прижила двоихъ

дѣтей—сына Ивана и дочь Евдокію...; и по смерти онаго другаго мужа своего оставшійся дворъ его проданъ отъ пасынковъ ея Василю да Ивана Калугиныхъ, и она ходила по усердію своему для богомолія чрезъ десять лѣтъ съ даваемыми изъ курской воеводской канцеляріи пашпортами въ Соловецкій монастырь четырежды; въ первый разъ въ 759 году одна собою, и пришедъ въ городъ Архангельскъ соборной Тихвинской церкви къ священнику Θεодору, у котораго она и зимовала, и пошедъ отъ него, пришла того же города Архангельска къ кузнецу Алексѣю Кошкину, просила его сдѣлать ей желѣзные вериги, костыль и на голову колпакъ—желѣзный же, которымъ кузнецомъ оное и подѣлано, и по сдѣланіи наложивъ оны, Кошкинъ, оныя вериги на нее, замкнулъ замкомъ, а ключъ оставилъ у себя, а на тѣхъ веригахъ на груди приковалъ мѣдную небольшую икону съ изображеніемъ трехъ святителей, а на плечахъ мѣдный же крестъ небольшой, кои вериги и колпакъ съ того времени и понынѣ носить и съ желѣзнымъ костьюлемъ вездѣ ходила и нынѣ ходитъ; и будучи въ вышеписанномъ Соловецкомъ монастырѣ, возвратилась въ городъ Курскъ паки, и поживъ въ домѣ сына своего малое время пошла вторично въ оный же Соловецкій монастырь обще города Курска съ жителькою Еленою, Ивановою дочерью, а прозванія не знаетъ, а еще двукратно ходила она въ тотъ же Соловецкій монастырь одна собою, такожь и въ Кіевъ ходила десять кратъ и въ прочія мѣста, и то хожденіе имѣла лѣтомъ и зимою въ волосяныхъ черныхъ рубашкѣ и свиткѣ, босая, и въ прохожденіе свое какъ въ Соловецкій монастырь, такъ и въ городъ Кіевъ и въ прочія мѣста живала у разныхъ жителей, и во время бытія своего въ ономъ же Соловецкомъ монастырѣ и въ городѣ Кіевѣ исповѣдывалась и святыхъ таинъ сообщилась, и имѣла отъ отцовъ своихъ духовныхъ письменныя свидѣтельства, кои украдены у нея изъ пещеры незнаемо кѣмъ, а кромѣ отлучки, въ бытіе свое въ городѣ Курскѣ у исповѣди и святаго причастія у приходскаго своего курской Покровской церкви священника Петра ежегодно бывала и въ церковь ходила, также и въ нынѣшнемъ 769 году въ прошедшую святую четьредесятницу у онаго священника Петра въ великую суб-

боту исповѣдалась въ дому его, а не въ церкви, а отъ сообщенія святыхъ таинъ оный священникъ Петръ ей за многими причастниками отказалъ; а какъ она была на исповѣди, видѣли ее того жъ покровскаго прихода однодворецъ Игнатъ Утеинъ, однодворка Марія Мишкина и солдатская жена Елена Фетисова. А въ прошломъ 767 году, будучи она въ послѣдній разъ въ Соловецкомъ монастырѣ, оттолъ пошла въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, и пришедъ прошлаго 768 года въ февралѣ мѣсяцѣ подъ городъ Курскъ, ночевала близъ Ямскаго моста въ ямахъ, гдѣ роютъ самородныя каменья, двѣ ночи, и переночевавъ пошла къ имѣющейся за онымъ городомъ горѣ, что на камушкахъ стоящей въ пушкарскихъ дачахъ, и за неимѣніемъ собственнаго своего двора начала рыть единственно для житія своего, а не для чего другаго, пещеру имѣющимся у нея желѣзнымъ костьюлемъ, и рыла два дня, и вырывъ нѣсколько, стояла ночью на молитвѣ и слышала гласъ: „копай, трудись, не бойся ничего“, по которому гласу возмимѣла она крайнее для рытія желаніе, и потому наки тѣмъ же костьюлемъ рыла два дня, и на пятый день сыскала неподалеку оной же пещеры въ лѣсу деревянную лопатку, и тою лопаткою ту пещеру рыла до Троицына дня, и съ начала рытія той пещеры какъ она Ирина никуда и ни къ кому въ домъ не ходила, такъ и къ ней никто въ домъ не приходилъ, а питалась она единою землею и водою, и въ томъ 768 году во святую четыредесятницу у исповѣди и святаго причастія не была за тѣмъ, чтобы не дать о себѣ людямъ знать, а исповѣдывалъ ее того же года въ Петровъ постъ, когда о ней уже люди увѣдали, города Курска Покровской церкви священникъ Петръ Далматовъ, и въ тѣхъ пещерахъ сообщалъ ее болъную Божественныхъ таинъ въ одной епитрахили, а въ чемъ святыя дары приносилъ не упомянуть, и съ онымъ священникомъ никто другой не приходилъ; увѣдали жъ о ней люди на Троицынъ день, когда имѣлось въ полѣ изъ города Курска множество народа для гулянья, и усмотрѣтъ ту ея пещеру, пришедъ и вытащивъ ее изъ оной пещеры, спрашивали, для чего здѣсь роется, на что она имъ отвѣтила: „за неимѣніемъ себѣ пристанища“; и съ того времени, взявъ у зятя своего одно-

дворца Пантелея, Никифорова сына, Латышева, жительствовавшего въ городѣ Курскѣ въ Покровскомъ приходѣ,—дверь, поставила въ той пещерѣ и сдѣлала печь, а кирпичъ купила у посадскаго человѣка, а какъ его звать и прозванія не знаетъ; и потомъ, совершенно узнавъ объ ней Иринѣ, города Курска многіе жители начали ежедневно, а паче въ воскресные и праздничные дни приходить и подавать въ милостыню деньги, хлѣбъ, соль, рыбу, и на таковыя подаваемые деньги купила она желѣза 12 фунтовъ и съ того желѣза по просьбѣ ея сдѣлалъ ей три мотыки да топоръ живущій въ Покровскомъ приходѣ курскій одноворецъ Алексѣй Арефьевъ, а скобель далъ ей того же прихода курскій купецъ Иванъ Ветчинкинъ, а ножъ сдѣлалъ ей для очищенія стѣнъ купецъ Иванъ, Степановъ сынъ, Калошинъ, и тѣми инструментами вдаль пещеру рыла одна, и другой никто рыть ей не пособлялъ и не совѣтывалъ. А подаваемые какъ отъ приходящихъ, такъ и отъ проѣзжающихъ изъ разныхъ сторонъ многихъ людей въ милостыню деньги употребляла она на покупку серебряныхъ малыхъ трехъ крестовъ, также на сдѣланіе церковныхъ вещей, которыя розданы ею въ церкви, тако жъ изъ тѣхъ подаваемыхъ денегъ употребляла она въ раздачу въ тюрьмы и по богадельнямъ на милостыню, а дѣтямъ и родственникамъ своимъ никогда ничего не давала, и по начатіи ею рыть пещеры дѣти и родственники ея никогда къ ней не приходили; сего же года на свѣтлой недѣлѣ въ субботу просила она города Курска Вознесенской церкви священника Захарія, чтобъ пришелъ къ ней въ ту пещеру для отправленія молебна съ образами, который обще съ діакономъ Василиемъ и съ причетники и со множествомъ народа къ ней приходилъ, и въ той пещерѣ молебенъ Пасхи отправлялъ; да и кромѣ онаго священника приходили къ ней въ оную пещеру Флоровской церкви два діакона Матвѣй да Димитрій съ женой своей, одноворецъ Покровскаго прихода Василій Кобозевъ съ женой своей, курскаго магистрата бургомистръ Петръ, Васильевъ сынъ, Полевой; а другихъ, приходившихъ къ ней въ пещеру, какъ звать и прозванія за множественнымъ ихъ числомъ не знаетъ; записные же и потаенные раскольники къ ней никогда не приходятъ, и она ихъ не знаетъ,

и сама она раскола и никакого суевѣрія не содержитъ, и никто ее тому не училъ, а содержитъ она вѣру православную греко-россійскаго исповѣданія, въ церковь ходитъ и крестное знаменіе изображаетъ на челѣ трое-перстнымъ сложеніемъ“.—Духовныя лица, которыхъ называла въ своемъ показаніи Ирина, показали, что они дѣйствительно о Калугиной знали, были у нея и имѣли къ ней то или другое, указанное въ ея показаніи, отношеніе, но что рыть пещеру ей совѣтовъ не давали и ничѣмъ ей въ томъ не помогали; духовному жъ правленію не доносили потому, что какъ о ней, Иринѣ, всему городу было извѣстно, то уповали они—и духовному правленію вѣдомо; а діаконъ Матвѣй, сверхъ того, пояснилъ, что не доносилъ онъ духовному правленію о Калугиной потому, что все дѣло это „почиталъ онъ за ничто“. По разсмотрѣнію дѣла консисторія постановила и преосвященный утвердилъ: 1) Женку Ирину Калугину за ношеніе ею по суевѣрному тщеславію на тѣлѣ желѣзныхъ веригъ, а на головѣ колпака и въ рукахъ—костыля—желѣзныхъ же, съ коими она публично ходила, оказывая мнимые труды свои и тѣмъ прельщать народъ отважилась, но видя, что оное прельщеніе ея тщетно и не успѣла къ полученію тунеядной корысти, выдумала въ городѣ Курскѣ во всекрайнѣйшее народу простому прельщеніе копать пещеры въ февралѣ мѣсяцѣ (что почитать надлежитъ зимою и оное утвердить за вѣроятное невозможно, ибо въ то время не токмо костылемъ, но ниже прочимъ къ тому пріуготовленнымъ инструментомъ онаго вырыть за всегда случающеся великою стужою и морозомъ невозможно), къ тому же отъ того времени до Троицына дня будто питалась землею и водою, и какъ чрезъ оное, такъ и то, что будто она, стоя на молитвѣ, слышала гласъ: „копай, трудись, не бойся ничего“, происшедшее въ народѣ разглашеніе не токмо простой народъ, но и тамошнихъ гражданъ, а паче города Курска священниковъ соблазнила...,—дабы болѣе отъ нея соблазна народнаго происходить не могло, снявъ съ нея желѣзныя вериги, въ силѣ прописаннаго имяннаго Ея И. В. 737 года ноября 14 дня указа для учиненія ей надлежащаго наказанія отослать въ бѣлоградскую губернскую канцелярію при промеморіи, и оныя вериги (снявъ

только съ оныхъ мѣдную икону и крестъ для оставленія въ консисторіи), такожъ колпакъ и костыль желѣзные отправить съ нею жъ въ оную губернскую канцелярію и что съ нею учинено будетъ за то, требовать увѣдомленія. 2) Курскаго духовнаго правленія присутствующіе протопопы Михаилъ Спасскій, Василій Сахновскій, да курской протопопѣи намѣстникъ священникъ Андрей Кречетовъ за таковое поущеніе оной женкѣ Калугиной чинить противныя указамъ суевѣрія въ городѣ Курскѣ, гдѣ они сами жительство имѣютъ, и за слабое въ томъ смотрѣніе, въ силѣ прописаннаго 737 года ноября 14 дня указа не одному изверженію сана своего, но и тѣлесному наказанію подвергли себя, а за ложный репортъ и вящшему истязанію; но какъ указомъ 767 года іюня 30 дня тѣлесное наказаніе духовнымъ лицамъ чинить воспрещено, для того оное имъ оставить, а вмѣсто изверженія изъ сана, отрѣшить всѣхъ ихъ троихъ отъ курскаго духовнаго правленія, и на мѣсто ихъ назначить другихъ. 3) Священниковъ Покровской церкви Петра Далматова, Вознесенской — Захарія, діакона Василя, дьячка Данила Булгакова, Флоровской церкви діаконовъ Матвѣя да Димитрія, дьячка Ивана Кречетова, кои сами не запирались, что посѣщали Калугину, токмо де духовному правленію не доносили за тѣмъ, что какъ де всему городу извѣстно, такъ уповательно и духовному правленію было вѣдомо, и оное ихъ неправильное показаніе въ томъ извинить ихъ не можетъ, понеже по должности своей всеконечно имъ о томъ слѣдовало дать знать непремѣнно оному курскому духовному правленію письменно, но оное ими упущено по единой къ означенной женкѣ Калугиной понаровкѣ, — дабы впредь въ томъ были предосторожны и такія вымышленныя суевѣрія прекращать не оставляли, сослать подъ началь.... (въ разные монастыри). Указъ конс. авг. 1 дня 1769 г. № 365.

Борясь съ суевѣріями, духовенство, какъ мы видѣли, изыскивало, ловило, судило и карало, или отсылало для наказанія къ гражданскимъ властямъ суевѣровъ или кого считало за суевѣровъ. Борьба такимъ образомъ имѣла по преимуществу чисто внѣшній характеръ. Такого рода дѣятельность духовенства по

истребленію суевѣрій была, конечно, совершенно въ духѣ времени—на нее уполномочивалось, къ ней даже обязывалось духовенство и закономъ. Борьба собственно духовная едва замѣтна. Духовенство, призываемое къ борьбѣ съ суевѣріями, само—въ массѣ по крайней мѣрѣ—было мало образовано и въ достаточной степени суевѣрно. Достаточно сказать, что преосвященный Самуилъ въ 1769 г. находилъ нужнымъ *циркулярно* поучать духовенство бѣлогородской епархіи, чтобы не давали молитвъ родившимъ женамъ заглазно—въ шапку. Понятно, что, при такомъ собственномъ состояніи, духовенство едва ли и могло многое сдѣлать по части просвѣщенія темнаго и суевѣрнаго люда.

Амф. Лебедевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ.

4 апрѣля исполнится пятилѣтіе со дня смерти Николая Ивановича Костомарова. Ёдкое чувство горя объ утратѣ нашего славнаго историка начинаетъ переходить въ болѣе тихую грусть, въ памяти возстають картины прошлаго, невольнo является желаніе присоединить и мое слово къ цѣлому ряду уже появившихся въ печати воспоминаній о покойномъ, тѣмъ болѣе, что я знала Н. И. не только, какъ ученаго и художника, но и была знакома съ нимъ лично съ моихъ отроческихъ лѣтъ. Однако меня невольнo беретъ раздумье: будетъ ли въ моемъ простомъ разсказѣ, почерпнутомъ большею частью изъ дѣтскихъ воспоминаній, достаточно интереса для публики? Я не критикъ и не писатель, потому не могу высказывать своего мнѣнія о дѣятельности Н. И. Костомарова; жизнь его со всевозможными подробностями описывается уже давно въ нашихъ журналахъ, личность его слишкомъ знакома всѣмъ нашимъ современникамъ и мнѣ остается только одно: передать то впечатлѣніе, которое Н. И. производилъ на меня, и сдѣлать это вполнѣ искренно и правдиво. Въ этой правдивости—и мое извиненіе, и моя единственная заслуга.

Много говорили о Костомаровѣ по прибытіи его въ Петербургъ изъ Саратова и съ нетерпѣніемъ ожидали начала его профессорской дѣятельности. Въ салонѣ моего отца ¹⁾ собирався тогда кружокъ изъ самыхъ выдающихся личностей въ художественномъ мірѣ. Кружокъ этотъ вовсе не имѣлъ политическаго

¹⁾ Графа Ѳ. П. Толстаго.

оттѣнка; туда попадали люди не потому, что они принадлежали къ тому или другому кружку по своему образу мыслей, но потому, что были умны или талантливы. Бывали у насъ люди ретроградныхъ и крайне либеральныхъ воззрѣній, но всѣ были чѣмъ нибудь отмѣчены въ ученomъ, литературномъ или художественномъ мѣрѣ и, несмотря на горячіе споры, всѣ уживались подъ обаяніемъ безпристрастной, высоко честной и доброй личности отца моего и въ той атмосферѣ художественности и поэзіи, которую онъ умѣлъ создать около себя. Въ этотъ то дружескій кружокъ хотѣлось намъ притянуть и новую восходящую въ Петербургѣ звѣзду: Н. И. Костомарова.

Живо помню этотъ день; приходитъ къ намъ Т. Г. Шевченко, „звалъ, говоритъ, къ вамъ Костомарова—нейдетъ, упирается, да и только, чудакъ! А я вотъ что выдумалъ: онъ всегда занимается въ публичной библіотекѣ, пойдемте туда, я васъ тамъ познакомлю“. Мы такъ и сдѣлали и я увидѣла Н. И. въ первый разъ въ самой подходящей для него обстановкѣ, окруженнымъ рукописями и фоліантами. Мнѣ кажется, я съ первой минуты, какъ только взглянула на Костомарова, стала съ нимъ въ тѣ дружескія отношенія, въ которыхъ была всегда; едва я успѣла прислушаться къ его разговору, къ его задушевному смѣху, какъ мнѣ уже казалось, что я давно знакома съ нимъ. Н. И. сталъ бывать у насъ очень часто, полюбилъ всю нашу семью и всегда высоко цѣнилъ отца моего, что было исполнѣ взаимно.

Всѣ, кто помнитъ начало дѣятельности Костомарова въ Петербургѣ, знаютъ, что это было время какого то опыненія: его выносили на рукахъ, большая зала университета, въ которой онъ долженъ былъ читать вслѣдствіе недостатка мѣста въ аудиторіяхъ, была переполнена народомъ такъ, что слушатели сидѣли и на окнахъ и по двое на одномъ стулѣ; дамы дѣлали ему оваціи, на улицахъ поминутно слышалось его имя. Его отношеніе къ этому всеобщему восторгу и то, какъ онъ держалъ себя все это время, болѣе всего характеризуетъ Н. И., какъ человѣка. Онъ былъ такъ простъ и скромнъ, такъ мало упоенъ успѣхомъ; когда ему въ глаза высказывали лестные отзывы,

онъ какъ то уходилъ въ себя и перемѣнялъ разговоръ, даже наединѣ съ нами никогда иначе какъ въ шутку не упоминалъ объ дѣлаемыхъ ему оваціяхъ, никогда не выразилъ ни однимъ намекомъ какое нибудь самодовольство, оставался крайне требовательнымъ къ себѣ и продолжалъ сильно работать, но чувствовалось, что онъ былъ счастливъ; я думаю, это былъ одинъ изъ лучшихъ годовъ его жизни.

Для меня этотъ годъ былъ какимъ то душевнымъ праздникомъ: мнѣ минуло 16-тъ лѣтъ, жизнь радостно открывалась передо мной и въ ней, пока, первое мѣсто занимали Н. И. Костомаровъ и университетъ. Послѣдній казался мнѣ какимъ то священнымъ храмомъ, въ который я, недостойная, входила съ трепетомъ, а Костомаровъ наполнялъ его новой струей молодой науки. Живое было это время, полное иллюзій, упованій и надеждъ! Желанія наши осуществлялись подъ рукою Царя-Освободителя, будущее казалось свѣтло и ясно, неподавленные силы просились наружу, и вотъ является человѣкъ, пострадавшій между прочимъ и за тѣ идеи, которыя теперь торжественно вступали въ свои права и въ торжествѣ своемъ возносили и его; онъ являлся какъ бы примѣромъ и залогомъ, что не будетъ болѣе розни, всѣ пойдутъ рука объ руку на одно общее дѣло — благо родины и человѣчества. Такія мысли бродили не въ одной только моей шестнадцатилѣтней головѣ, всѣ были какъ то особенно настроены и Костомаровъ былъ нашимъ героемъ дня. Смѣшно теперь и какъ то трогательно вспомнить о нашихъ волненіяхъ во время знаменитаго диспута Погодина съ Костомаровымъ. Н. И., хотя и принималъ къ сердцу свою полемику о началѣ Руси, но о самомъ диспутѣ говорилъ у насъ болѣе въ шуточномъ тонѣ, но мы, молодежь, относились къ этому событію серьезно и страстно. Съ замираніемъ сердца отправляясь на этотъ диспутъ, мы чувствовали то же, что должны были чувствовать молодые романтики, идя на первое представленіе Эрнани; для насъ Костомаровъ, какъ Викторъ Гюго, какъ когда то Жоффруа Сентъ-Илеръ, былъ носителемъ идеи свободы и движенія въ наукѣ и искусствѣ. Жмудъ, такъ мало извѣстная намъ до тѣхъ поръ, стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ,

за торжество ея мы ничего бы не пожалѣли, пораженіе ея вызвало бы у насъ слезы... Ученость Погодина таки пугала насъ. „Погодинъ навѣрно приготовилъ какое нибудь вѣское, рѣшающее возраженіе“, говорили въ университетѣ.—„Что жъ, это будетъ пріобрѣтеніе для науки, Н. И. первый порадуетъ этому“, утѣшали мы себя.

Какъ студенты понимали и любили Костомарова, показываетъ тотъ фактъ, что сначала они хотѣли въ случаѣ побѣды вынести его на рукахъ и, вернувшись въ залу, освистать Погодина, но рѣшили этого не дѣлать, такъ какъ это будетъ непріятно Н. И., рѣшили даже аплодировать Погодину, если это будетъ можно, чтобъ сдѣлать удовольствіе его оппоненту. Послѣ безумно шумной оваціи диспута, Н. И. сидѣлъ у насъ въ кругу друзей за бокаломъ шампанскаго и на вопросъ: отчего онъ какъ будто не радуется выражаемому ему сочувствію, отвѣчалъ съ обычной своей скромностью: „потому что отъ меня слишкомъ многого ожидаютъ“.

Но не на каедрѣ, окруженный восторгомъ толпы, рисуется Н. И. всего чаще въ моихъ воспоминаніяхъ. Я вижу его добрымъ знакомымъ, внесшимъ въ нашу частную жизнь массу своихъ свѣдѣній, живописность своей рѣчи, блескъ своего остроумія, заразительную искренность своего смѣха, теплоту своего участія. Какой безыскусственной и оригинальной прелестью дышали его рассказы,—каждая личность въ нихъ была такъ мѣтко очерчена нѣсколькими словами, что являлась типомъ. Не имѣя претензіи передать ихъ въ той художественной формѣ, въ которой они являлись въ устахъ Н. И., я приведу нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ ради самихъ передаваемыхъ изъ нихъ фактовъ, заимствованныхъ большею частью изъ жизни самаго Костомарова. Такъ, съ необыкновеннымъ юморомъ рассказывалъ онъ, какъ, бывши въ московскомъ пансіонѣ, 10—11 лѣтъ отъ роду, онъ, начитавшись Вальтеръ Скотта, задумалъ возобновить рыцарскія затѣи и устраивалъ турниры. Одѣвшись въ бумажный панцырь и шлемъ, подпоясавшись мечомъ, выходилъ онъ на поединокъ съ товарищемъ втрое сильнѣйшимъ.—Только что я готовлюсь, говорилъ Н. И., по всеѣмъ рыцарскимъ правиламъ,

занесу копьё, чтобъ ударить въ него всею силой, а онъ выхватитъ копьё, переломитъ объ мою спину, да за чубъ, за чубъ меня, донъ-Кихота! Кто меня только не билъ, и всегда я самъ задѣваль: вспылю, подлечу и всегда то меня побьютъ... Но я никогда не жаловался, за то меня все таки товарищи любили“. Въ воронежской гимназіи учитель научилъ Н. И. снести директору голову сахара. Мальчикъ въ простотѣ сердца, съ головой сахара отправился прямо въ гостинную директора, да еще при гостяхъ. Директоръ распушилъ его и прогналъ. Вышелъ мальчикъ совсѣмъ озадаченный, а за нимъ бѣжитъ горничная: „вы, говорить, не туда зашли, барину отсюда, съ чернаго крыльца, носить“.

Слѣдующій, припоминаемый мною, рассказъ относится къ юношескому періоду жизни Н. И. Когда ему было 22 года, онъ влюбился въ одну дѣвушку, которая предпочла ему другаго. Костомаровъ позабылъ и думать о ней, когда узналъ, что этотъ другой бросилъ ее въ несчастіи и нуждѣ. Былъ тогда у Н. И. одинъ товарищъ П., добрый малый, но большой гуляка. Узнавши о горькой судьбѣ дѣвушки, этотъ послѣдній спрашиваетъ у своего друга, что онъ намѣренъ дѣлать. „Право не знаю, подлость ужасная, надо бы заставить жениться, да какъ?“ Неужели же ты оставишь такую возмутительную вещь безнаказанной“, восклицаетъ П. „такъ то ты стоишь за правду? Ну, такъ я за это дѣло возьмусь“. И отправляется устраивать дуэль. „Ты будь спокоенъ, говоритъ онъ Костомарову, если онъ тебя убьетъ, такъ и ему съ мѣста не сойдти“. Вызывая отъ имени Н. И. того господина, онъ предупреждаетъ его: „если вы не хотите драться, то мы васъ все равно до смерти поколотимъ. Вамъ смерти не миновать; если вы застрѣлите К., то я все равно васъ убью, лучше ужъ вы женитесь на оскорбленной вами дѣвушкѣ“. Все это дѣлалось только за идею, такъ какъ, по выраженію Костомарова, „эта дѣвушка была у него давно донной Эльвирой“, а П. и не зналъ ея. Дуэль, однако, не состоялась: противникъ предпочелъ донести губернатору и Н. И. долженъ былъ, вслѣдствіе этой исторіи, оставить Харьковъ.

Съ разрабатываемою имъ въ его лекціяхъ или сочиненіяхъ эпохою Н. И. сживался такъ, что, слушая его, казалось, слы-

пишъ очевидца передаваемыхъ событій: добродушно подтрунивая иногда надъ своими героями, онъ какъ будто говорилъ о близкихъ знакомыхъ. Легенды о бѣсахъ, одно время занимавшія его, получали въ устахъ его оригинальный характеръ; его бѣсы были такъ милы, граціозны, такъ полны жизни, что, казалось, онъ самъ вѣритъ въ нихъ. Особенно одинъ „бѣсъ Зеѳеусъ“, котораго специальность была „творить пакости мнихамъ“, а за неимѣніемъ оныхъ—ученымъ, пріобрѣлъ мою симпатію и занялъ у насъ большую роль. Перемѣнять ли любимую оперу, помѣщаетъ ли погода предполагаемому катанью,—„каковъ бѣсъ Зеѳеусъ? Это все оны!“ восклицаемъ мы. Всякія мелкія событія передавались языкомъ легендъ. Разъ приходитъ къ намъ Н. И. и рассказываетъ: „во едину изъ средъ пріиде ко мнѣ бѣсъ лукавый во образѣ знаемаго моего и глагола: „хощеши, брате, стяжаніе веліе имати? Возьми акціи саратовской желѣзной дороги“. Азъ же, по незлобію и добросердечію своему, поидохъ и взяхъ акціи сіи. Протекшимъ же дванадесятію седмицамъ, услышахъ, яко акціи сіи упалоша въ цѣнѣ. И грядохъ азъ къ знаемому моему и рѣкохъ ему: „почто, брате, обманулъ мя еси?“ И отречеса и рече: „не вѣмъ, что глаголеши, се не азъ бы“. И тогда азъ прозрѣхъ и уразумѣхъ, яко се бѣсъ бѣ во образѣ человѣческомъ, иже пріидохъ искусить мя. И абіе пріиде бѣсъ во образѣ знаемаго моего и рече ми: „веліе ли, брате, стяжаніе имаши?“ Азъ же, прозрѣвый, рекъ ему: „вѣмъ, кто еси“. И отвѣща, глаголя: „во истину есмь бѣсъ Зеѳеусъ, ненавидай добро и родъ человѣческій, паче же премудрости твоя ради, пріидохъ пакости ти творити“.

Давно обѣщаль Н. И. показать намъ, какъ дѣлаются настоящіе вареники, и вотъ однажды, прямо изъ университета, Н. И. отправляется къ намъ въ кухню, подпоясывается передникомъ и, взявъ въ руки ложку, предварительно читаетъ намъ полукомическую, полусерьезную лекцію о вареникахъ и приступаетъ къ дѣлу, но о дальнѣйшемъ пусть онъ самъ расскажетъ: „Бѣ мужъ нѣкій, имя же ему Никола, и восхотѣ онъ, гордости своея ради, яство, вареники нарицаемое, сотворити. И взявъ муки гречневыя и сотворивъ брашно, и вложивъ въ оное тво-

рогу, и посыпавъ солью, ввергну въ укропъ. И возсѣдоша домочадцы и присные его за трапезу и, подану сущу яству сему, никто же не може ясти! И уразумѣхъ мужъ сей, яко се бѣсть лукавый, ненавидай добра и рода человѣческаго, соврати его и *отзиде посрамленъ*“.

Эта способность переходить отъ дѣла, отъ серьезныхъ разговоровъ, полныхъ учености и глубокихъ мыслей, къ такой ребяческой веселости, эта широта души, отзывчивой ко всему, отъ философскаго мышленія до лепета ребенка, для которой ничто въ человѣкѣ и природѣ не чуждо, дѣлали проведенное съ Н. И. время обаятельнымъ и незабвеннымъ. Полное отсутствіе важности, тщеславія, самомнѣнія и безконечная снисходительность къ людямъ—привязывали къ этому человѣку. Желчности, горечи я никогда не замѣчала у Н. И.; въ немъ было что-то ясное, спокойное, какъ у всѣхъ тѣхъ, кто созерцаетъ міръ съ нѣкоторой высоты. Непониманіе или несправедливость къ нему людей ложились глубокой раной въ его сердце, но онъ всегда старался находить извиненіе и объясненіе ихъ поступкамъ; къ нападкамъ нечести относился добродушно, отстаивая право каждого высказывать свои мысли. Иногда даже досадно было, какъ спокойно принималъ онъ разныя инсинуаціи. По поводу такъ часто раздававшихся обвиненій его въ разрушеніи идеаловъ и развѣнчиваніи народныхъ героев, онъ, смѣясь, говорилъ: „чѣмъ же я тутъ виноватъ, когда я этого не вижу, не нахожу въ источникахъ? Что есть въ источникахъ, то я знаю; чего нѣтъ—того не знаю, я такъ и говорю: „этого я не знаю или этого нѣтъ въ источникахъ“; что жъ я тутъ могу подѣлать!“ Онъ зналъ, что онъ искалъ только истины, неумолимой истины и безбоязненно шелъ по пути, который ему указывала совѣсть. Правдивость, доведенная даже до крайности, была отличительной чертой Н. И. и въ частной жизни. Я знаю нѣсколько случаевъ изъ его жизни, гдѣ онъ сильно повредилъ себѣ изъ страха, чтобъ какъ нибудь не покривить душой. Для близкихъ людей эта отчасти утрированная правдивость бывала въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже тяжела: безъ всякаго желанія обидѣть кого нибудь, онъ говорилъ людямъ въ глаза непріятныя истины и не хотѣлъ понять, что

слѣдуетъ иногда воздержаться отъ выраженія своихъ впечатлѣній: „да вѣдь это правда, говорилъ онъ, а правда всегда хороша, всегда полезна“. Онъ былъ въ этомъ случаѣ очень послѣдователенъ, цѣнилъ правдивость въ другихъ, самъ никогда не обижался, когда были съ нимъ откровенны и, если былъ неправъ, тотчасъ же соглашался съ этимъ. „Костомаровъ, писала я въ то время кому то, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ всѣ ихъ хорошіе и благородные поступки такъ врожденны и естественны, что кажутся имъ чѣмъ то совсѣмъ простымъ и обыкновеннымъ, вовсе не заслуживающимъ похвалы. Они поступаютъ благородно не вслѣдствіе какого нибудь разсужденія, а потому, что иначе поступить не могутъ. Это очень рѣдкіе люди, ихъ можно сравнить съ гениями въ искусствѣ; когда встрѣчаешь ихъ въ жизни, то невольно благоговѣешь передъ ними“.

Н. И. былъ вспыльчивъ отъ природы, но горячность его выражалась въ рѣдкихъ случаяхъ и обыкновенно обрушивалась на голову его „Лепорелло“, его преданнаго Юмы, который, хорошо зная своего барина съ дѣтства, относился къ этому, какъ добрая, старая няня—къ вспышкамъ ребенка. Объ его горячности я знала изъ разсказовъ самого Н. И. и она казалась мнѣ естественной при его впечатлительномъ и живомъ характерѣ; видѣла же я его всегда ровнымъ, привѣтливымъ и добрымъ. Особенно замѣчательна была его сдержанность во время спора. Въ Н. И. такъ глубоко было развито уваженіе къ человѣческой личности, что онъ выслушивалъ всякаго, даже того, кто далеко ниже его стоялъ по уму и по развитію, стараясь въ словахъ его отыскать не слабыя стороны, но какой нибудь проблескъ истины. Споры его съ Шевченкомъ были моимъ наслажденіемъ; контрастъ между этими двумя друзьями во время спора былъ въ высшей степени интересенъ и оба противника были очень милы, каждый въ своемъ родѣ: невозмутимое спокойствіе Костомарова выводило кипящагося Шевченка изъ себя, такъ что онъ, подъ конецъ, къ нашему полнѣйшему удовольствію, начиналъ бранить Н. И. по малорусски.

Если это только возможно, я еще болѣе сошлась съ Н. И. во время нашего лѣтняго пребыванія въ Финляндіи, куда онъ

часто приѣзжалъ къ намъ. Величественная тишина сосновыхъ лѣсовъ навѣвала на насъ какое то поэтическое настроеніе. Цѣлыми днями бродили мы по полямъ и лѣсамъ, утомляя нашихъ, менѣе насъ впечатлительныхъ къ красотамъ природы, спутниковъ; взлѣзали на вершины скалъ, любовались разнообразіемъ мховъ, доставали въ лѣсныхъ озерахъ бѣлые ненюфары. Рѣчи Н. И., казалось мнѣ, сливались съ окружающей природой въ одну общую гармонію; онъ посвящалъ меня въ таинство звѣздаго неба, разбирая лепестки полевыхъ цвѣтовъ въ нашихъ букетахъ, онъ говорилъ о метаморфозахъ растений, переходилъ къ преданьямъ народовъ, едва выходящихъ изъ мрака доисторическихъ временъ, и передавалъ, какія минуты наслажденія испытывалъ онъ, бесѣдуя съ мужиками и объясняя имъ солнечную систему.

Не обходилось и у насъ съ Н. И. безъ препирательствъ. Темою обыкновенно служило отношеніе къ природѣ и пейзажная живопись, которую Н. И. ставилъ ниже другихъ жанровъ и которую я защищала съ горячностью, подобающей пейзажисткѣ. Я упрекала Н. И., что онъ болѣе дорожить историческими воспоминаніями, связанными съ какой нибудь мѣстностью, чѣмъ красотой ея; природа такъ хороша сама по себѣ, что наслаждаться ею надо всецѣло, не примѣшивая ничего другаго. Н. И. напротивъ доказывалъ, что одно должно дополнять другое, что природа мертва безъ людей, что природа располагаетъ къ тому, чтобы любить людей, что некрасивую историческую мѣстность онъ не назоветъ красивой, но прекрасная, соединенная съ историческими воспоминаніями, кажется ему еще лучше. Съ своей стороны онъ ставилъ мнѣ въ вину, что я смотрю на природу слишкомъ съ художнической точки зрѣнія.—Вамъ нравится то только, что картинно, говорилъ онъ; такъ на природу нельзя смотрѣть, это слишкомъ односторонне; кто дѣйствительно любитъ природу, тотъ любитъ каждый клочекъ ея, тотъ восхищается каждымъ листочкомъ“. Наши споры однако кончались весьма миролюбиво; относительно пейзажной живописи мы приходили къ компромиссамъ, а когда я заявляла, что финляндская природа, если и лишена интересныхъ воспоминаній, все же не ли-

шена людей, которыхъ можно изучать и любить, и что „я гораздо лучше всѣхъ его историческихъ личностей, умершихъ тысячу лѣтъ тому назадъ“, то, конечно, съ такой женской логикой Н. И. могъ только, смѣясь, соглашаться. Потомъ, сидя на берегу,

Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золота...,

Н. И. признавался, что въ своей молодости и онъ испытывалъ все, о чемъ я часто говорю, эти восторги передъ картинами природы, доходящіе до слезъ и до молитвы, это желаніе воспринять въ себя, удержать на вѣкъ эти впечатлѣнія—и я была вполне удовлетворена.

Мы иногда катались верхомъ, но самая интересная изъ нашихъ прогулокъ было маленькое путешествіе на Иматру, которое ознаменовалось такой сильной грозой и при такой эффектной обстановкѣ, что я никогда потомъ не видѣла ничего подобного. Мы укрылись въ стеклянномъ павильонѣ надъ водопадомъ. Молнія сначала дрожала и блестѣла вдали, потомъ гроза стала быстро приближаться: на горизонтѣ поднимался огненный столбъ и, какъ въ фейерверкѣ, выбрасывалъ снопы стрѣлъ; легкія облачка черными силуэтами рисовались на ярко освѣщенномъ небѣ; водопадъ рвался и бушевалъ, равномерный ревъ его, какъ аккомпаниментъ, вторилъ страшнымъ, повтореннымъ эхо раскатамъ грома, бѣлая пѣна подымалась, озаренная фосфорическимъ блескомъ, и огненные брызги рассыпались кругомъ. Была минута какого то страшнаго безмолвія и вдругъ гроза разразилась почти надъ нами, разомъ озаряя нашъ стеклянный домикъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно.

— Вамъ не страшно? спросилъ меня Н. И.

— Нѣтъ.

— Это рѣдко, чтобъ молодая дѣвица не боялась грозы.

— Я прежде ужасно боялась, но сегодня это слишкомъ хорошо. Нѣтъ такого страха, который оторвалъ бы меня теперь отъ окна. Я уже никогда не буду бояться, всякая гроза будетъ напоминать мнѣ эту чудную ночь.

На обратномъ пути Н. И. неожиданно сказалъ мнѣ: „пишите стихи, а то вся ваша поэзія обратится въ жизнь, берегитесь этого, это не принесетъ вамъ счастья“.

Костомаровъ сильно увлекался даже мелочами, заинтересовавшими его; такъ, онъ серьезно сталъ изучать со мной англійскій языкъ и прилежно читалъ Шекспира съ лексикономъ и комментаріями. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ одинъ разъ насъ, возвращавшихся съ прогулки, засталъ дождь. Всѣ наши, конечно, поспѣшили добраться до дому, но мы съ Н. И. были заняты англійскимъ діалектомъ и ко всему другому оставались равнодушны. Употребить Н. И. невѣрное выраженіе,—я останавлиюсь, чтобы поправить его; я скажу что нибудь непонятное для Н. И.,—онъ остановится, бьетъ себя въ голову и, пока я не переведу ему моихъ словъ, мы стоимъ другъ противъ друга посреди дороги, а дождикъ льетъ на насъ, какъ изъ ведра. Не менѣе увлекался Н. И. музыкой: мы съ сестрой должны были несчетное количество разъ играть ему въ четыре руки „Аделаиду“ Бетговена, а одна наша знакомая всего „Донъ-Жуана“. Эту оперу, также какъ „Жизнь за Царя“, Н. И. любилъ какою то фанатическою любовью и, никогда не игравши на фортепіано, захотѣлъ выучиться „La ci darem la mano“. Съ грѣхомъ пополамъ я и сестра выучили его и тогда это сдѣлалось настоящею мономаніей, онъ повторялъ эту пьесу во всякое время: идемъ мы, напримѣръ, завтракать мимо фортепіанъ, нельзя не остановиться и не сыграть „La ci darem“. „Попробуйте теперь въ четыре руки“, проситъ Н. И. „Да когда же вы, наконецъ, придете, все простыло“, раздается голосъ моей матери, и только благодаря тому, что нѣтъ на дорогѣ втораго рояля, мы достигаемъ благополучно балкона.

Наканунѣ Иванова дня мы устроили что то вродѣ языческаго праздника: дѣвушки сплели себѣ вѣнки, мужчинъ украсили гирляндами изъ хмѣля, пѣли пѣсни, переводили коня черезъ колоду и Н. И. первый перепрыгнулъ черезъ востеръ. Его примѣру тотчасъ же послѣдовали мѣстные крестьяне, у которыхъ это до сихъ поръ въ обычаѣ. Въ слѣдующее воскресенье, мы, въ угоду Н. И., устроили балъ для крестьянъ. Оркестръ состоялъ

изъ трехъ скрипокъ, угощенье—изъ пива и сластей; я прошлась въ первой парѣ съ нашимъ кучеромъ. Н. И. и мой отецъ тоже приняли участіе въ танцахъ. Еслибъ недоброжелатели Костомарова видѣли, какъ живо интересовался онъ народными пѣснями, танцами и обрядами чухонъ, то навѣрное упрекнули бы его въ финноманствѣ.

Наше веселое лѣто кончилось и мы уѣхали за границу. Н. И. провожалъ насъ до Пскова, гдѣ мы выпили бокаль шампанскаго, сидя на городской стѣнѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вѣчевой колоколь, и разстались. Во время двухлѣтняго путешествія я переписывалась съ Н. И. Письма его крайне интересны по той окраскѣ, которую онъ умѣлъ придать передаваемымъ событіямъ дня, но я не считаю возможнымъ напечатать ихъ, такъ какъ въ нихъ много говорится объ общихъ знакомыхъ и событіяхъ, касающихся нашей семьи; одно изъ нихъ, написанное церковно-славянскимъ языкомъ, есть болѣе пространный вариантъ напечатаннаго уже г. Мордовцевымъ „Сказанія о представленіи оперы Пророкъ“.

Послѣ моего замужества, я сравнительно рѣдко видѣлась съ Н. И., но дружескія отношенія наши не измѣнились и я всегда возвращалась отъ Костомарова съ наполненнымъ сердцемъ и умомъ.

Въ тяжелую минуту моей жизни Н. И. и его жена на дѣлѣ доказали мнѣ свою дружбу, ихъ ласку и участіе мнѣ не забыть до гроба. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я провела у нихъ мѣсяцъ въ ихъ малороссійскомъ имѣніи. Н. И., несмотря на посѣдѣвшіе волосы, на удушье, мучившее его, и нервность, развившуюся вслѣдствіе болѣзни, былъ все такимъ же, какимъ я знала его прежде: также работалъ, также острить и рассказывать, заставляя удивляться его замѣчательной памяти, также молодо восхищался дивными ночами Украины. (Помню одну такую ночь. Въ усадьбу зашелъ кобзарь Вересай. Мы усѣлись на заваленку и на ступеньки какого то сарая, пришли откуда то дивчины въ своихъ граціозныхъ костюмахъ; всѣ мы были залиты серебристымъ сіяніемъ мѣсяца, а слѣпой старикъ, со слезами въ дребезжащемъ голосѣ, пѣлъ про древнюю славу

козачества... \ Послѣ обѣда, когда солнце близилося къ заката, мы отправлялись на одинъ изъ ближнихъ холмовъ, съ котораго открывался широкій видъ на окрестности. Цѣлая толпа ребятишекъ высыпала намъ вслѣдъ. На горѣ устраивался хоръ, подъ управленіемъ одной изъ старшихъ дѣвочекъ; Н. И. заставлялъ ихъ пѣть чисто народныя пѣсни, которыя теперь, къ сожалѣнію, начинаютъ уже замѣняться солдатскими или лакейскими, и замѣчательно стройно и хорошо пѣли эти дѣти. Послѣ импровизированнаго концерта артистамъ раздавались леденцы. До самаго дома провожали насъ звонкіе дѣтскіе голоса, а тамъ ожидалъ насъ вкусный деревенскій ужинъ, послѣ котораго мы усаживались вокругъ лампы и принимались за чтеніе „Мазепы“, надъ которымъ трудился тогда Н. И. Какое то обаятельное впечатлѣніе производилъ весь складъ этой семьи: общеніе съ Костомаровымъ невольно заставляло работать мысль, почти материнская заботливость, съ которой жена его ухаживала за нимъ, пробуждала лучшія стороны души и какъ то тепло дѣлалось на сердцѣ...

Въ началѣ января 1885 года я была на короткое время въ Петербургѣ и нашла Н. И. страшно измѣнившимся физически; особенно поразилъ меня его ослабѣвшій голосъ. Когда я, передъ отъѣздомъ, ужъ совсѣмъ простилась съ нимъ, Н. И. вдругъ сказалъ мнѣ: „приходите ко мнѣ еще разъ“. Что то сжалось въ груди моей, у меня мелькнула мысль: „малѣйшая воля этого человѣка должна быть священна для меня“—и тотчасъ же смѣнилась другою: „такъ думаютъ объ умирающемъ“. Я разсѣяла эти грустныя мысли, но предчувствіе не обмануло меня; когда я исполнила желаніе Н. И. и посѣтила его,—я увидѣла въ послѣдній разъ моего добраго, стараго друга.

Екатерина Юнге.

Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая.

Въ наказѣ московскимъ посламъ, которые назначены были участвовать въ избраніи гетмана на переяславской радѣ, въ 1659 г., боярину А. Н. Трубецкому, В. Шереметеву, Гр. Ромодановскому, дьякамъ А. Лопухину и Оед. Грибоѣдову, между прочимъ предписывалось требовать отъ новоизбраннаго гетмана и всей старшины, чтобы главныхъ заводчиковъ малороссійскихъ смуть, всѣхъ Выговскихъ, полковниковъ: Ивана Нечая, Гр. Гуляницкаго, Оед. Лободу, Гр. Лѣсницкаго, судью Самойла Богданова и Антона Жданова, немедленно они судили по своимъ войсковымъ правамъ, и впредь бы имъ въ войскѣ запорожскомъ не быть. На это требованіе московскихъ пословъ какъ гетманъ, такъ и вся старшина отвѣтили въ свою очередь просьбой, чтобы государь означенныхъ лицъ, кромѣ Выговскихъ, всѣхъ простилъ, обѣщаясь при этомъ не допускать ихъ въ войсковую и секретную раду, а Выговскихъ доставить въ Москву. Московскіе послы согласились. Тѣмъ не менѣе гетманъ Юрій Хмельницкій тотчасъ же, 20 окт. 1659 г., билъ челомъ государю о полномъ прощеніи Грицка Лѣсницкаго и о дозволеніи ему участвовать въ радѣ и быть избираемымъ на уряды. Челобитье было уважено и началась ловля Выговскихъ и Нечая. 26 октября корсунскій полковникъ Яковъ Петровичъ (Петренко) извѣстилъ князя Трубецкаго о захватѣ въ Лисянахъ Данила Выговскаго: „противъ воли и розказанья вельможнаго его милости пана Юрія Хмельницкаго, гетмана войска Е. Ц. В. запорожскаго, который мнѣ велѣлъ, чтобъ я Данила Выговскаго гдѣ могъ найти, чтобъ самого поймавши до вельможности вашей отослалъ; тогда я посылаю до ва-

шей милости Данила Выговскаго, при которомъ посылаемъ товарищей вѣрныхъ и желательныхъ Е. Ц. В., именемъ Ждана Дмитровича и Пахома Свиридовича, Оську Василевича, Романа Ивановича Шпака, котораго тамъ ранили, какъ онаго добывали въ замкѣ лисянскомъ, и Яско Гончаринко, Игнатъ Савченко и иные товарищи, Яцко Дикимонтъ, за которыми вашей милости, добродѣя нашего, вельми прошу, чтобъ вельможность ваша, панъ нашъ милостивый, на оныхъ призрѣнье имѣть изволилъ“. Но прежде, чѣмъ Трубецкой получилъ въ свои руки Данила Выговскаго, гетманъ Юрій Хмельницкій уже ходатайствовалъ предъ нимъ за своего зятя, прося обойтись съ нимъ милостиво; „зятя моего, Данилу, въ Лисянцахъ сыскавши чрезъ пана полковника корсунскаго, впредь до твоей милости и до пресвѣтлаго Е. Ц. В. ѣхати ему позволяю, которому чтобъ милость твоя, для великой милости его пресвѣтлаго царскаго величества, любовь свою и желательство объявити изволилъ и до пресвѣтлаго Е. Ц. В. лучшее свое боярское внести прошеніе, дабы оному милость свою милостивую, яко милостивый государь, оказать изволилъ. Богъ кающагося пріемлетъ и Е. пресвѣтлое Ц. В. милостию своею подлинно есте что Данилу, зятя моего, пожалуетъ: кровь моя, для крови прошеніе приношу. Буди милость твоя въ томъ моемъ прошеніи помочный и до его пресвѣтлаго Ц. В. за зятя моего просительнымъ, для чего Е. Ц. В. истиннымъ подданствомъ, а твоей милости повольными услугами работать готовъ есмь....“

Неизвѣстно, какъ бы отнеслось московское правительство къ Данилу Выговскому вслѣдствіе ходатайства за него гетмана, такъ какъ Данило до Москвы не доѣхалъ. „Гетманъ Юрій Хмельницкій“, писалъ кн. А. Н. Трубецкой въ Москву, „по своему и всего войска запорожскаго договору, прислалъ къ намъ Данилу Выговскаго; и до твоего великаго государя указа велѣли мы везти его, Данилка, за приставомъ въ стрѣleckихъ приказѣхъ, и везли его въ Семеновѣ приказѣ Полтева да въ Артамоновѣ приказѣ Матвѣева, перемѣняясь, а въ приставѣхъ у него были сотники со стрѣльцами поденно. И ноября въ 21 д., какъ мы пошли изъ Болхова, и Данилка Выговской занемогъ, и везли его больнаго ноября жъ по 30-е число, а ноября въ 30 числѣ на

дорогѣ, отъѣхавъ отъ Калуги 10 верстѣ, онъ умеръ, и мы велѣли погребсти его въ селѣ Горнемъ...“ Получивши такое донесеніе, царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ отправить тѣло Данила Выговскаго къ гетману; для сопровожденія тѣла былъ назначенъ путивлецъ Иванъ Мосалитиновъ, а священнику села Горняго послана память о дозволеніи вырыть тѣло Данила и отпустить его въ Малороссію. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ государя 10 декабря была послана къ гетману грамота, въ которой онъ выражалъ глубокое сожалѣніе о смерти гетманскаго зятя ¹⁾.

Жена Данила Выговскаго была захвачена 14 ноября 1659 г. въ Чигиринѣ нѣжинскимъ полковникомъ Василиемъ Золотаренкомъ и отдана въ Суботовъ за пристава.

Другой зять Хмельницкаго, полковникъ Иванъ Нечай, съ братомъ Юрьемъ былъ захваченъ при взятіи Стараго Быхова 4 декабря 1659 г. Оба они были сосланы въ Тобольскъ; жалованье имъ назначено—Ивану по гривнѣ на день, а Юрью по 10 денегъ. Отъ 22 февраля 1660 г. тобольскій воевода, князь Иванъ Хилковъ, писалъ о нихъ: „по твоей государевѣ грамотѣ велѣно полковника Ивашка Нечайка и брата его Юшку посадить въ тюрьму; и полковника Ивашка Нечайка и брата его Юшку въ тюрьму посадить было не мочно, потому что въ тюрьмѣ сидятъ многіе ссыльные люди, литва и нѣмцы. И мы велѣли тогожъ дня поставить въ тюрьмѣ, въ томъ же острогѣ, особую избу и велѣли изъ-за пристава полковника Ив. Нечая и брата его Юшку посадить въ тюрьму, въ тое особую избу, февраля въ 21 д. и велѣли у нихъ быть по пяти человекѣмъ караульщикомъ, тобольскимъ служивымъ людямъ, да по атаману казачью днемъ и ночью; да у нихъ же велѣли быть и ихъ надсматривать по вся дни тѣмъ же прежнимъ приставомъ, тобольскимъ дѣтемъ боярскимъ, Данилу Аршинскому да Ѳедору Черницыну, и велѣли ихъ въ тюрьмѣ держать съ великимъ береженьемъ. И дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ, и караульщикомъ, и дворскому и тюремнымъ сторожемъ приказали съ великимъ подкрѣпленьемъ, чтобъ они Ивашка и Юшка, изъ тюрьмы никуда не ушли, и дурна какого

¹⁾ Сибир. пр. столб. № 6436.

надъ собою не учинили, и ножей бы у нихъ не было, и къ нимъ, Ивашку и Юшку, въ тюрьму и близко тюрьмы польскихъ, и литовскихъ и нѣмецкихъ людей припущать и рѣчей съ ними разговаривать, и чернилъ и бумаги имъ въ тюрьму давати не вѣлѣли некоторыми дѣлы...“ ¹⁾

Изъ приведенныхъ свѣдѣній о судьбѣ Данила Выговскаго и Нечая видно, что московское правительство вовсе не оказывается такимъ жестокимъ по отношенію къ нимъ, какъ это представляетъ панъ Беневскій въ письмѣ къ Юрью Хмельницкому въ январѣ 1660 года: „Вы толкуете о непріятельскихъ мучительствахъ, которыя вы претерпѣвали отъ поляковъ... А царь не потому ли кажется вамъ добръ, что полна Украина мучительства? Когда бы мой большой и любимый пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ одного зятя своего на крюкѣ, дочь въ плѣну и безчестьи; когда бы увидѣлъ другаго зятя неслышанно замученнаго; когда бы увидѣлъ тѣло его истерзанное кнутомъ, пальцы отрѣзанные, глаза выпутые и серебромъ залитые, уши буравомъ просверленные и серебромъ залитые; когда бы увидѣлъ другую дочь, умирающую надъ тѣломъ мужа..., если бы Богданъ Хмельницкій увидѣлъ все это, то не только бы принялся за оружіе, но и въ огонь ринулся бы... Панъ Ковалевскій пишетъ мнѣ, что царь простилъ всѣхъ; но если простилъ, то зачѣмъ же челоувѣкъ замученъ? Не только печаль, но безчестье всему войску—прислать къ нему такъ замученнаго зятя гетманскаго...“ Такого же мнѣнія о смерти Данила Выговскаго придерживается и С. М. Соловьевъ ²⁾.

Князь А. Н. Трубецкой съ товарищами, съ которыми ѣхалъ въ Москву Данило Выговскій, не имѣли никакого права, никакого приказа *дорогою* пытать его; несомнѣнно, въ ихъ отпискѣ, которая назначалась въ разрядъ, былъ хотя бы малѣйшій намекъ на причину смерти Данила, если бы причиною была пытка. Между тѣмъ воеводы эпически просто говорятъ: „и ноября въ 21 д., какъ мы пошли изъ Болхова, и Д. В. занемогъ и везли его больнаго...“ Отчего занемогъ? Если бы не общая какая нибудь

¹⁾ Столб. слбпр. нр. № 6622.

²⁾ Ист. гос. рос. т. XI, прим. 21.

болѣзни, то несомнѣнно былъ бы указанъ тотъ частный случай, который произвелъ болѣзнь и смерть. Такимъ образомъ о пыткахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Да и то можно сказать, что если бы московское правительство, или, по приказанію его, князь Трубецкой измучилъ Выговскаго пытками, то было бы дѣйствительно крайне неумѣстно посылать искалѣченный трупъ къ гетману: правительство имѣло полную возможность не отпускать трупа Данила къ гетману, тѣмъ болѣе трупа неразложившагося (декабрь) съ явными признаками пытки. Наконецъ *память* священнику села Горняго, сохранившаяся до нашего времени, о дозволеніи выкопать тѣло Данила, точно доказываетъ, что Выговскій не доѣхалъ до Москвы; о пыткѣ же дорогою, какъ сказано, не можетъ быть и рѣчи.

Остальные родственники Выговскаго: овруцкій полковникъ Василій, и полковники жъ Юрій и Илья Выговскіе, захваченные черниговскимъ полковникомъ Аникіемъ Силичемъ, вмѣстѣ съ другими измѣнниками, пойманными переяславскимъ полковникомъ Тимоѣемъ Цецурую, всѣ были присланы въ началѣ сентября мѣсяца въ Кіевъ къ боярину Василию Шереметеву, а изъ Кіева 12-го сентября отосланы къ Москвѣ со стражчимъ Иваномъ Свѣзевымъ. Съ нимъ же вмѣстѣ отправилось посольство отъ полковниковъ: нѣжинскаго Василя Золотаренка, черниговскаго—Аникія Силича, прилуцкаго Ѳедора Прилуцкаго, переяславскаго—Тимоѣя Цецеры, для челобитья о сохраненіи ихъ правъ и вольностей. Свѣзевъ съ измѣнниками и съ посланниками, пріѣхавъ 4 октября къ Москвѣ, согласно данному ему бояриномъ Шереметевымъ наказу, остановился въ селѣ Семеновскомъ и оттуда послалъ отписку въ разрядъ о своемъ прибытіи. Въ отвѣтъ на отписку Свѣзевъ получилъ изъ разряда *память*; „.... какъ къ тебѣ ся *память* придетъ, и ты бѣ съ тѣми посланцы и съ измѣнники изъ Семеновскаго пріѣхалъ къ Москвѣ завтра, октября въ 6 д., а пріѣхать бы тебѣ съ ними къ Москвѣ въ четвертомъ часу дня въ началѣ; а ѣхати бѣ съ посланцы и измѣнники къ Москвѣ въ Калужскія ворота, и измѣнниковъ велѣтъ везти въ телѣгахъ связанныхъ, а стрѣльцомъ московскимъ, которые посланы съ тобою, велѣтъ ѣхати около тѣлѣгъ съ ружь

емъ....“ Приѣхавши въ Москву, Свйазеву предписывалось явиться съ посланцами и съ измѣнниками въ посольскомъ приказѣ. Въ тотъ же день, 6 октября, по государеву указу, изъ посольскаго приказа была послана память въ разбойный приказъ „держати тѣхъ измѣнниковъ на тюремномъ дворѣ въ опальной тюрьмѣ однихъ, а своего государева жалованья давать имъ корму по шти денегъ на день; и береженье къ нимъ держать большое, чтобъ они куда не ушли и дурна какого надъ собою не учинили...“¹⁾ На тюремномъ дворѣ у Выговскихъ описали все платье и деньги, какія были при нихъ: „Василій Выговской; на немъ платья: кафтанъ овчинной, другой тафтяной, штаны суконныя, у него жъ пятьдесятъ золотыхъ польскихъ, по его сказкѣ, имѣтся всякой золотой по шти алтынъ, шапка вишневая, полазиска, да подушка, да книжка-каноникъ, да кафтанъ червонной. Юрій Выговской; на немъ кафтанъ вишневый суконный, да кафтанъ суконной же короткой, штаны красныя суконныя, у него жъ польскихъ двѣнадцать золотыхъ, да шапка зеленая бархатная, да кушакъ гарусной. Илюшка Выговской; на немъ кафтанъ вишневой, другой овчинный, двѣнадцать золотыхъ польскихъ...“²⁾.

На другой день по прибытіи Выговскихъ съ товарищами въ Москву, имъ былъ сдѣланъ распросъ; Выговскихъ велѣно было допросить, въ какомъ они родствѣ къ Ивану Выговскому и въ какихъ были урядахъ, а остальныхъ—объ ихъ службѣ и о вѣстяхъ.

Юрій да Илья Выговскіе въ распросѣ сказали: служили де они въ Польшѣ въ коронномъ войскѣ, а потомъ у гетмана Павла Сопѣги; съ гетманомъ Иваномъ Выговскимъ не видались пятнадцать лѣтъ. Ему, Юрью, Иванъ братъ двоюродный, а Ильѣ дяди. А какъ Немиричъ приѣхалъ къ королю на сеймъ и присягу на подданство королю принялъ, и король имъ присягнулъ и они изъ Польши поѣхали къ гетману Ивану Выговскому, чтобъ повидаться; и какъ къ гетману въ обозъ подъ Быково³⁾

¹⁾ Мал. пр. столб. № 5845.

²⁾ Ibid. столб. № 5853.

³⁾ Теперь село Быковъ, черниг. губ. козелецк. у.—Ред.

пріѣхали, то его, Юрѣя, гетманъ сдѣлалъ полковникомъ, а Илья былъ рядовымъ товарищемъ. Изъ-подъ Быкова гетманъ съ войскомъ пошелъ подъ Конотопъ, встрѣтился съ ханомъ на Крупинѣ полѣ ¹⁾ и тутъ заключили между собою договоръ, чтобы гетману со всѣмъ войскомъ быть съ ханомъ заодно: на кого ханъ войною пойдетъ, и имъ идти съ нимъ, а хану съ ордою потому жъ помогать гетману противъ всякаго непріятеля; договоръ былъ подкрѣпленъ присягою съ обѣихъ сторонъ и затѣмъ ханъ, раздавши запорожской старшинѣ 'халаты, пошелъ вмѣстѣ съ гетманомъ подъ Конотопъ. Изъ-подъ Конотопа пошли подъ Гадячъ, а оттуда ханъ съ татарами пошелъ подъ государевы украинные города, а Выговскій съ заднѣпровскимъ войскомъ, да съ двадцатью тысячами татаръ, съ двумя хорунгами ляховъ и тремя хорунгами драгунъ пошелъ въ Чигиринъ; а ихъ, одиннадцать хорунгъ ляхскихъ же, гетманъ послалъ съ Немиричемъ въ Нѣжинъ, въ Переяславль и въ Черниговъ, для кормленія. Спустя восемь дней по прибытіи ихъ въ Черниговъ, Немиричъ поѣхалъ къ гетману въ Чигиринъ, и въ тотъ же день ихъ всѣхъ въ Черниговѣ побили, а Немирича на дорогѣ убили, а ихъ изъ Чернигова полковникъ Аникій Силинъ послалъ въ Кіевъ. А по договору Немирича король долженъ былъ придти съ казацкимъ войскомъ къ Бѣлой Церкви для подкрѣпленія, послѣ того, какъ съ шведами мирный договоръ поставитъ. Потоцкой съ короннымъ войскомъ пришелъ въ Васильковъ по королевскому приказанью для помощи Выговскому противъ царскихъ войскъ; а нынѣ Потоцкой и Выговской стоятъ подъ Бѣлою Церковью. Юрасъ Хмельницкой съ Даниломъ Выговскимъ тоже стоятъ недалеко отъ Бѣлой Церкви, но отдѣльно отъ Выговскаго, а сколько при нихъ казацкаго войска, того не вѣдаютъ...

Василій Выговскій о своемъ родствѣ съ Иваномъ Выговскимъ далъ отвѣтъ, что онъ Ивану Выговскому дядя, а отцу его, Остафью, братъ въ третьемъ колѣнѣ, такъ какъ отецъ его, Васильевъ, Григорій Выговской, Остафьеву отцу Выговскаго,

¹⁾ Въ малоросс. мѣстностяхъ оно называется *Крупичполе*, нынѣ село борз у. черниг. губ. — *Прим. ред.*

Игнатью, братъ былъ двоюродный. Былъ онъ, Василій, наказнымъ атаманомъ отъ Данилы Выговскаго за Днѣпромъ, на польской границѣ, въ Овруцкѣ, а въ полку у него было 500 чел. пияхты; а до того времени жилъ онъ между Волыни и Полѣсья на границѣ, въ маестности своей въ Выговѣ, служилъ польскому королю и былъ въ посполитомъ рушеньѣ съ королемъ противъ Хмельницкаго, и взятъ былъ въ полонъ въ Крымъ; выйдя изъ полона чрезъ три съ половиною года, онъ не больше года жилъ въ своей маестности; а такъ какъ его маестность недалеко отъ Овруцка, то Данила и велѣлъ ему въ Овруцкѣ быть полковникомъ. А какъ въ 1659 г. бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ Данилу Выговскаго съ его войскомъ подъ Кіевомъ разбилъ и приказалъ около Кіева всѣ мѣстечки пожечь, чтобъ пристани не было, то Данило Выговской, имѣвшій маестность въ 7 миляхъ отъ Кіева, Мотовиловку, писалъ къ нему, Василью, чтобы онъ съ своимъ полкомъ шелъ изъ Овруцка въ Мотовиловку для обереганья ея отъ пожара; и онъ, Василій, по тому письму Данилы пошелъ въ Мотовиловку. Бояринъ В. II. Шереметевъ, узнавши объ его приходѣ въ Мотовиловку, прислалъ къ Мотовиловкѣ ратныхъ людей и Выговской сѣлъ было въ осаду; но ратные люди къ городу не приступали, а, пожегши посады, пошли къ Кіеву. Въ это время Данила Выговской, собравши войско, стоялъ подъ Бѣлой Церковью, отъ Мотовиловки въ пяти миляхъ, и услыша, что государевы ратные люди пришли подъ Мотовиловку и посады жгутъ, прислалъ къ нему на выручку брата своего, Константина Выговскаго, да полковника Ивана Сербина, да бѣлоцерковскаго полковника Половца съ черкасами и съ татарами, всего съ тремя тысячами человекъ. Константинъ Выговской, не заставши ратныхъ людей подъ Мотовиловкой, собравши отрядъ Василья Выговскаго и его самого, пошелъ догонять государевыхъ людей. Тѣ и другіе войска сошлись въ Васильковѣ, отъ Мотовиловки двѣ мили и отъ Кіева въ двухъ же миляхъ. На бою, который затѣмъ произошелъ, государевы люди черкасъ и татаръ сбили и убили на томъ бою человекъ съ триста, а въ языкахъ взяли его, Васнлья, да браславскаго полковника Ивана Сербина, да татаръ девять чел., и отвезли

ихъ всѣхъ въ Кіевъ, гдѣ онъ, Василій, и жилъ до отправки его въ Москву. Что касается до прихода Ивана Выговскаго со всѣмъ войскомъ подъ Кіевъ, до боя подъ Конотопомъ, до соединенія Ив. Выговскаго съ ханомъ и до посылки Немирича въ польскому королю для згоды, ничего того онъ не знаетъ; только до его поймки ему было извѣстно, что у Ив. Выговскаго былъ лядскій посланникъ Биневской. А про то, что Немиричъ, а съ нимъ Костя Выговской да изъ всякаго полка наказные полковники у короля были и присягу ему учинили, слышалъ онъ уже въ Кіевѣ. Да въ Кіевѣ же слышалъ онъ, что пришелъ было въ Васильковъ Данила Выговской, а съ нимъ черкасы, ляхи и нѣмцы, да и Юрасъ Хмельницкій былъ тутъ же, а какъ узнали, что заднѣпрскіе полки: переяславской, нѣжинской, черниговской и прилуцкой великому государю добили челомъ и учинились въ подданствѣ по прежнему, и Данила со всѣмъ войскомъ, пожегши таборы, пошли къ Бѣлой Церкви...

Показанія маіора Яна Зумира, шляхтича Степана Гавратинскаго, шляхтича Яна Душинскаго и шляхтича Василья Ластки касаются ихъ происхожденія, службы и тѣхъ вѣстей, которыя сообщены Васильемъ Выговскимъ.

Тѣмъ и кончились всѣ допросы Выговскихъ. Они продолжали сидѣть въ тюрьмѣ, пока холодъ и голодъ не заставилъ ихъ обратиться къ царю съ челобитной, поданной ими 13 октября, въ которой писали: „по твоему великаго государя указу посажены мы, семь человекъ, на тюремномъ дворѣ въ опальной тюрьмѣ одни, а изба большая и время приходитъ студепое, а людишки мы безодежные; да на насъ де цѣпь и кандалы; да намъ же бѣднымъ твоего государева жалованья корму не дано, и сидимъ бѣдныя, со всякія нужи вконецъ погибаемъ“. На челобитной ихъ помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова: „168 г., октября въ 13 д. государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ чѣпи снять, а держать въ кандалахъ до уѣзду; а о корму послать память въ большой приходъ, велѣть кормъ давать по 6 д. на день человѣку“.

Памяти въ большой приходъ и въ разбойный приказъ посыланы того же 13 окт.

Этими памятниками кончаются все мнѣ извѣстные документы о Выговскихъ; но въ современной описи, приложенной къ этимъ документамъ, значатся еще нѣсколько документовъ о нихъ, это: 1) письмо окольного и оружничего Богдана Матвѣевича Хитрово къ думному дьяку Семену Заборовскому объ отсылкѣ трехъ чел. Выговскихъ въ Сибирь; 2) выписка объ измѣнникахъ Васкѣ Овруцкомъ, да Юшкѣ да Илюшкѣ Выговскихъ. Помѣта на выпискѣ думнаго дьяка Алмаза Иванова такова: „168 г. (1659) декабря въ 12 д. указалъ великій государь измѣнниковъ: Васку, полковника овруцкаго, и Юшку и Илюшку Выговскихъ сослать въ Сибирь въ дальные города; 3) память въ сибирскій приказъ о приѣмѣ Васки овруцкаго, да Юшки и Илюшки въ сибирскій приказъ и о ссылкѣ ихъ въ Сибирь ¹⁾).

Изъ документовъ сибирскаго приказа оказывается, что Выговскіе были сосланы въ Сибирь „на великую рѣку Лену въ якутской острогъ“; жалованья имъ велѣно выдавать по два алтына на день человѣку и изъ города посылать ихъ никуда не велѣно. Въ Тобольскъ они прибыли 27 февраля 1660 года, а на Лену 24 мая ²⁾.

А. Востоковъ.

Отъ редакціи. Въ дополненіе къ этимъ весьма интереснымъ свѣдѣніямъ о судьбѣ Выговскихъ, можемъ сообщить одинъ любопытный эпизодъ изъ дальнѣйшаго путешествія ихъ къ мѣсту ссылки.

Въ Тобольскѣ сосланные встрѣтились съ какимъ то боярскимъ сыномъ Гавриломъ Костелецкимъ, служившимъ здѣсь приказнымъ. Былъ ли это шляхтичъ изъ Волыни, или природный полякъ, и какъ онъ попалъ сюда—неизвѣстно; но только, будучи самъ „родомъ иноземецъ“, онъ захотѣлъ чѣмъ нибудь облегчить участь, быть можетъ, земляковъ своихъ и приказалъ снять съ нихъ кандалы, въ которыхъ они прибыли изъ самой Москвы. Но воевода нарымскій Олешка Лодыженской, свѣдавъ о томъ „воровствѣ“ Костелецкаго, послалъ на него доносъ—и

¹⁾ Малор. пр., столб. № 5853.

²⁾ Сиб. прик., столб. № 6622.

песчастный приказный жестоко поплатился за свою доброту. Вотъ подлинная переписка по этому дѣлу, сообщенная изъ моск. архива мин. юстиціи сотрудникомъ нашего журнала г. Н. О.

а) *Отписка нарымскаго* воеводы въ сибирскій приказъ, въ маѣ 1660 года:

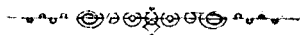
„Государю царю... и... царевичу... бьетъ челомъ холопъ вашъ Олешка Лодыженской: по вашему, великихъ государей, указу посланы съ Москвы въ Сибирь до Тобольска ссыльные черкасы *полковники* Васька да Юшко да Илюшка *Выговскіе*, съ приставы, скованы въ кандалахъ, и изъ Тобольска тѣ полковники посланы въ Енисейской, въ кандалахъ же, съ приставы съ тобольскими: съ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Иевлевымъ да съ казаки съ Ваською Өоминымъ съ товарищи. И въ нынѣшнемъ, государи, въ 168 году, маія въ 11 день, тѣ приставы тобольскіе, сынъ боярской Иванъ Иевлевъ съ товарищи, тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ провезли мимо Нарыма въ Енисейской *роскованы* и кандалы съ нихъ сняты. И я, холопъ вашъ, приставовъ тобольскихъ, сына боярсково Ивана Иевлева съ товарищи, въ нарымскомъ острогѣ про нихъ въ сѣзжей избѣ роспрашивалъ: для чего тѣ ссыльные Васька и Юшко и Илюшка *Выговскіе* не скованы и кандалы съ нихъ сняты?—И въ роспросѣ мнѣ, холопу вашему, сказали, что-де тѣ ссыльные полковники присланы съ Москвы въ Тобольскъ скованы въ кандалахъ, и изъ Тобольска съ ними посланы скованы въ тѣхъ же кандалахъ, и безъ вашего великихъ государей указу имъ росковать-де ихъ не велѣно. А какъ-де они тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ привезли на Самаровской ямъ, и на Самаровскомъ-де яму приказной тобольской сынъ боярской Гаврило *Костелецкой* *велѣлъ* ихъ *росковать* и кандалы съ нихъ снять, и они-де Иванъ Иевлевъ съ товарищи, боясь отъ него, тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ росковали и кандалы съ нихъ сняли, и нынѣ-де ихъ везутъ роскованныхъ по его Гаврилову приказу. А тотъ-де тобольской сынъ боярской Гаврило *Костелецкой* родомъ *иноземецъ же*“.

б) *Приговоръ* сибирскаго приказа на воеводской отпискѣ:

„Писать въ Нарымской тотчасъ: будетъ тѣ ссыльные люди зачѣмъ изъ Нарымскаго не посланы—велѣтъ ихъ послать съ

приставы и съ провожатыми въ Енисейской *скованныхъ*, безо всякого задержанья. А въ Тоболескъ писать къ боярину и воеводамъ ко князю Ивану Ондрѣвичу Хилкову съ товарищи: велѣть Гаврилка *Костелецкаго* за его воровство, что онъ колодниковъ велѣлъ росковать—*бить кнутомъ* и съ приказу *перемѣнить*, а которые приставы тѣхъ колодниковъ и Гаврилка послушали—колодниковъ росковали—тѣхъ бить батоги нещадно, чтобъ впередъ неповадно было такъ воровать“.

в) 5 ноября 1660 г. отправлена была *грамота* кн. Хилкову съ товарищи—объ исполненіи приговора. Наказаніе Костелецкому и другимъ велѣно учинить въ Тобольскѣ. *Грамота* о томъ же Лодыженскому послана была еще въ октябрѣ (*моск. арх. мин. юст.: сибирскаго приказа столбецъ № 594, лл. 156—162*).

СТАРИННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ГРАВЮРА.

Изъ всѣхъ родовъ искусства, зачатки которыхъ существовали въ старой южной Руси во время самобытной ея исторической жизни, наибольшее число образцовъ, дошедшихъ до насъ, приходится на долю общедоступнаго и популярнаго, хоть и второстепеннаго, искусства гравированія. Очень большое, относительно, количество старыхъ южнорусскихъ гравюръ какъ въ отдѣльныхъ листахъ, такъ и въ книгахъ, главнымъ образомъ духовныхъ, даетъ возможность составить отчетливое понятіе о томъ, чѣмъ была и что изъ себя представляла старинная южнорусская гравюра. Чрезвычайно цѣпныя замѣтки и наблюденія по этой части собраны извѣстнымъ писателемъ по исторіи искусствъ въ Россіи Д. А. Ровинскимъ. Добросовѣстность и обстоятельность трудовъ этого ученаго оцѣнены давно по заслугамъ и не только интересующіеся дѣломъ, но и всѣ безпристрастные люди должны признать ихъ образцовыми.

Спеціально гравюрѣ посвящены два изслѣдованія г. Ровинскаго: „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія академіи художествъ“ (Спб. 1870 г.) и „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“. Последнее сочиненіе въ нынѣшнемъ году вышло вторымъ изданіемъ, въ совершенно обновленномъ видѣ, и представляетъ какъ бы новый трудъ. Насколько значителенъ этотъ трудъ, изданный академіей наукъ, видно ужъ изъ численнаго опредѣленія его состава: въ немъ перечислены портреты до 2000 лицъ и описано до 10000 гравированныхъ листовъ. „Русскіе граверы“ представляютъ единствен-

ное изслѣдованіе въ русской литературѣ по этому предмету. Книга эта, какъ почти всѣ изданія г. Ровинскаго, давно разошлась. Прекрасный разборъ этого сочиненія, сдѣланный г. Стасовымъ, дополняетъ книгу и введенъ въ значительной степени въ печатное изданіе ея, какъ добавочный матеріалъ.

Г. Ровинскій разсматриваетъ въ одной картинѣ судьбы русской гравюры, но разграничиваетъ дѣятельность различныхъ ея школъ, возникшихъ и существовавшихъ при различныхъ условіяхъ и подъ разными вліяніями. Разсмотрѣніе памятниковъ старой гравюры приводитъ его къ выводу о существованіи двухъ главныхъ, рѣзко отличныхъ между собою ея школъ: кіево-львовской и московской. Произведенія кіевскихъ и львовскихъ мастеровъ имѣютъ между собою все общее: и извѣстную свободу сочиненія, и несомнѣнное западное вліяніе, и общіе приемы, и даже однихъ и тѣхъ же гравировъ, работающихъ то тутъ, то тамъ. Мелкія школы: черниговская, могилевская, западно-русскихъ типографій, тѣсно примыкаютъ къ главной кіево-львовской школѣ и не представляютъ самостоятельности. Московская школа держится древнихъ образцовъ и византійскаго вліянія. Она не имѣла развѣтвленій, такъ какъ все печатное дѣло до Петра сосредоточивалось исключительно въ Москвѣ.

Первыя богослужебныя славянскія книги появились, какъ извѣстно, за чертою Руси: изданія Фѳоля въ Краковѣ, въ концѣ XV вѣка, и Скорины въ Прагѣ, въ началѣ XVI. Нѣсколько позже славянскія церковныя книги стали печататься въ Венеціи. Появленіе книгопечатанья и одновременно съ нимъ гравированья въ предѣлахъ нынѣшней Россіи относится къ первой половинѣ XVI вѣка. Самые начальныя гравюры извѣстны: въ виленскихъ изданіяхъ Скорины (напр. въ „Канонѣ“ 1525 г.; гравюра Благовѣщенія), въ московскомъ „Апостолѣ“ 1564 г. (изображеніе евангелиста Луки, появляющееся впоследствии въ львовскомъ изданіи того же „Апостола“ 1574 г. и виленскомъ 1591) и въ Евангеліи, вышедшемъ въ неизвѣстной южнорусской типографіи въ началѣ XVI вѣка. Гравюра этого Евангелія, очень плохо и грубо вырѣзанная, изображаетъ Іисуса Христа на престолѣ и подписана, связанными буквами, монограммой, которую можно

прочестъ *Монахъ Филиппъ*. Едва ли это не первый самостоятельный образецъ гравирования въ предѣлахъ Россіи. Московскую гравюру г. Стасовъ, не безъ основанія, подозрѣваетъ въ иностранномъ происхожденіи, т. е. „Апостолъ“ Оеодорова и Мстиславца напечатанъ „подъ смотрѣніемъ“ какого то копенгагенскаго уроженца Ганса.

Съ водвореніемъ книгопечатанія на югѣ Россіи и съ возникновеніемъ многихъ типографій, гравированныя изображенія, заставки и виньетки стали появляться въ очень большомъ числѣ и сдѣлались принадлежностью почти всякой книги. Несложныя гравюры древнѣйшихъ изданій дѣлались, какъ кажется, самими типографами, (судя напр. по монограммамъ Т. Л. (Тарасій Левковичъ Земка) Т. П. (Тимофей Петровичъ) и подписямъ могилевскихъ типографовъ—Воцанокъ, которые уже несомнѣнно сами были и рѣзчиками.) Но въ то же время появляются, и въ значительномъ числѣ, и особые мастера—граверы. Съ самаго начала ихъ существованія между южными и юго-западными типографіями установилась тѣсная связь, выразившаяся, по отношенію къ иллюстраціи книгъ, во взаимной передачѣ досокъ и копированіи съ одинаковыхъ образцовъ. Общность культуры и политической жизни объясняетъ конечно это явленіе. Иногда одинъ и тотъ же мастеръ работалъ для двухъ типографій, напр. плодовитый кievскій граверъ Илія, иллюстрировавшій книги, выходившія въ Кіевѣ и Львовѣ. Другіе граверы копировали кievскія доски для львовскихъ изданій и наоборотъ.

Кіево-львовская школа произвела громадное количество гравюръ, рѣзанныхъ на деревѣ. Рѣдкая книга выходила со станка здѣшнихъ типографовъ безъ картинокъ: служебники, тріодіоны, акафисты, евангелія наполнены лицевыми изображеніями. Мелкія картинки появляются въ первыхъ почти изданіяхъ львовскихъ. Первые кievскія изданія также наполнены ими. По наблюденіямъ г. Ровинскаго, западное вліяніе совершенно подчинило себѣ львовскихъ и кievскихъ мастеровъ. Критикъ сочиненія г. Ровинскаго г. Стасовъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ.

Любую кievскую и львовскую гравюру на деревѣ, пишетъ онъ, никто никогда не смѣшаетъ съ гравюрою дѣйствительно западною. При наибольшей подражатель-

ности нѣкоторыхъ изъ нихъ числа, все таки онѣ остаются настолько полны своихъ особенныхъ, характеристическихъ подробностей, что всякій признаетъ ихъ съ перваго же взгляда гравюрами одной изъ западныхъ православныхъ школъ. Византійская основа все таки постоянно остается въ нихъ чувствительна, а въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ съ такою силою, что никого не можетъ ввести въ заблужденіе на счетъ происхожденія той или другой гравюры и принадлежности ея къ той или иной школѣ. Сверхъ того по большей части мы встрѣчаемъ, что въ одномъ и томъ же изданіи рядомъ помѣщались и картинки съ чисто католическимъ, западнымъ характеромъ и картинны чисто въ характерѣ славяно-византійскомъ... Совершенно и работѣнно подчинившимся западному влиянію можно признать развѣ только изданія кутенійскія и почтаевскія.

По мнѣнію г. Ровинскаго, граверы юго-западныхъ типографій копировали западные образцы, копировали цѣликомъ нѣмецкихъ мастеровъ и копировали другъ съ друга. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ смягчаетъ свой приговоръ и признаетъ извѣстную самостоятельность за гравюрою на деревѣ. Разсматривая произведенія отдѣльныхъ мастеровъ, онъ еще больше сбавляетъ съ своего обобщенія.

Гравюра на мѣди появилась въ Россіи въ концѣ XVII вѣка. Въ то время, какъ въ Москвѣ произведены были первые ея образцы, въ южной Руси она стояла уже на извѣстной высотѣ, производясь въ типографіяхъ кіевской и черниговской. Южно-русскихъ мастеровъ вызывали въ Москву для производства работъ этого рода. Такъ вызванъ былъ для поднесенія своихъ работъ царевнѣ Софьѣ изъ Чернигова Леонтій Тарасевичъ съ помощникомъ своимъ Щирскимъ. Злополучный артистъ, благодаря этому, попалъ въ дѣло Шакловитаго, изъ котораго едва вышелъ цѣлъ. Тарасевичъ считается лучшимъ изъ всѣхъ мастеровъ-граверовъ старой Руси и первымъ южно-русскимъ граверомъ. Рисунокъ его простъ и правиленъ, гравировка (большей частью офортomъ) окончена съ большимъ вкусомъ и легкостью. Онъ первый награвировалъ нѣсколько портретовъ, на что до него не рѣшался ни одинъ граверъ въ Россіи. Ниже Тарасевича стоятъ современники его Иннокентій Щирскій, Даніилъ Галаховскій, Ив. Стржелбицкій и мастеръ NZ, всѣ работавшіе на мѣди и въ той же манерѣ.

Третій способъ гравированья—черной манерой появился у насъ только во второй четверти XVIII вѣка. Изъ работъ южно-

русскихъ граверовъ этимъ способомъ извѣстенъ только одинъ листъ кievскаго мастера Аверкія Козачковскаго, изображающій Распятіе съ предстоящими.

Работы кievской типографіи наиболѣе многочисленны, такъ какъ типографія эта была первенствующая и насчитываетъ наиболѣе лѣтъ своего существованія. Въ 1718 году, во время пожара, истребившаго Лавру, она выгорѣла до тла. Въ 1721 г., вмѣстѣ съ типографіями московскою, петербургскою и черниговскою, она подчинена была завѣдыванью Синода. Но и черниговская, и кievская типографіи продолжали печатать книги и продавать ихъ. По свидѣтельству Пекарскаго, требованья Синода отразились крайне тяжело на кievской типографіи и она стала приходить постепенно въ большій и большій упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно пало въ ней и гравированье на деревѣ.

Черниговскія изданія появляются съ 1646 года. Въ Черниговѣ въ 1679 году переведена новгородъ-сѣверская типографія, просуществовавшая самостоятельно всего девять лѣтъ (1670—1679 г.г.) Лучшею работою новгородъ-сѣверской типографіи считается *Анфолоионъ* 1678 года, гравюры котораго могутъ быть поставлены наравнѣ съ удачнѣйшими произведеніями типографій кievской и львовской за то же время.

Львовская и могилевской типографіи не были подчинены русскимъ властямъ. Въ Могилевѣ первая книга „Служебникъ“ напечатана въ 1616 году. Здѣсь иногда печатались сочиненія южно-русскихъ авторовъ, напр. „Небо новое“ Голятовскаго. Въ одной изъ могилевскихъ книгъ („Житіе святыхъ“ 1702 г.) на заглавномъ листѣ есть видъ Могилева очень хорошей работы. Львовская типографія въ 1708 году перешла къ уни.

Именъ и монограммъ граверовъ кievо-львовской школы, подписанныхъ подъ ихъ работами, дошло до насъ довольно много. Мастера этой школы дорожили своими произведеніями повидимому болѣе, чѣмъ московскіе, и очень часто подписывали ихъ. Въ „Словарѣ русскихъ граверовъ и перечнѣ ихъ произведеній“, занимающемъ большую часть книги г. Ровинскаго, перечислены эти имена и монограммы. Послѣднія воспроизведены вдобавокъ буквально въ особой главѣ. Нѣтъ сомнѣнья, что въ этотъ спи-

сокъ попали не всѣ кіево-львовскіе мастера и что находки въ этой области еще очень возможны. Приведемъ изъ книги г. Ро-винскаго нѣсколько свѣдѣній о выдающихся и значительнѣй-шихъ южно-русскихъ граверахъ.

Галаховскій Даниель. Кіевскій граверъ на мѣди XVIII вѣка. Его работы извѣстны священныя изображенія и два портрета: Петра I (при латинскомъ панегирикѣ, поднесенномъ Петру Прокоповичемъ въ 1709 г.) и Мазепы. Послѣдній сохранился въ единственномъ экземплярѣ и онъ то главнымъ образомъ и придаетъ интересъ имени Галаховскаго.

Илія, кіево-печерскій монахъ, работавшій въ началѣ XVII столѣтія и замѣчательный по своему трудолюбію. Работы этого мастера—неравнаго достоинства; есть довольно хорошо выпол-ненные и слабыя. Онъ награвировалъ огромное количество изо-браженій изъ Священнаго Писанія для кіевскихъ и львовскихъ изданій. Самый значительный его трудъ—изображенія изъ вет-хаго завѣта—Лицевая Библия 1645—1649 гг. Въ ней 134 из-ображенія, напечатанныхъ на отдѣльныхъ листахъ, безъ текста на другой сторонѣ. Имъ же иллюстрировано первое изданіе „Пе-черскаго Патерика“ 1661 года. Въ „Словарѣ граверовъ“ опи-сано всего 374 листа работы Иліи.

Л. М. граверъ на деревѣ, XVII вѣка, извѣстный только по монограммѣ, но одинъ изъ лучшихъ кіевскихъ мастеровъ. По замѣчанію г. Стасова, особенно хороши у него миниатюрные сю-жеты, которые вырѣзаны всегда изящно, тонко и отчетливо. Нельзя опредѣлить, его ли сочиненія всѣ награвированныя имъ картинки, довольно многочисленныя, изъ которыхъ однѣ обозна-чены его именемъ, а другія нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ онъ гравировалъ почти всегда съ композицій интересныхъ, не-сравненно болѣе изящныхъ и художественныхъ, чѣмъ большин-ство тѣхъ, которыя находятся въ изданіяхъ, гравированныхъ прочими современными граверами. Въ нихъ даже находится вѣ-которая фантазія. Гравюрокъ Л. М. всего болѣе находится въ „Кіевской Тріоди“ 1627 г. и онѣ перепечатаны почти всѣ въ другихъ изданіяхъ, напр. въ кіевскомъ Акафистѣ 1629 года и др.

Левицкий, священникъ, Григорій, кievскій граверъ на мѣди первой половины XVIII в. Изображенія священнаго характера и большіе тезисы и композиціи, гдѣ встрѣчаются виды кievскихъ зданій, группа студентовъ кievской академіи и пр.

Г. Ровинскому, во время составленія Словаря, были извѣстны не всѣ работы этого мастера. Въ музеѣ кievской духовной академіи есть гравюра его, очень сложной композиціи, извѣстная пока въ единственномъ экземплярѣ и г. Ровинскимъ не описанная. Работы Левицкаго есть гербъ и щитъ съ вензелемъ Алекс. Разумовскаго, а также извѣстное родословное древо Разумовскихъ (происшедшихъ, будто бы, отъ князей Ружинскихъ); на этомъ древѣ мастеръ подписался такъ: „Презвитеръ Григорій Левицкій полку полтавскаго городка Маіачквы въ Кіевѣ 1745 марта выдѣлалъ¹⁾“.

Семеновъ Марко, кievскій граверъ на деревѣ начала XVIII в. Гравюры его въ „Служебникѣ“ 1708 года принадлежатъ къ лучшимъ кievскимъ работамъ въ этомъ родѣ.

Тарасевичъ Леонтій. Черниговскій граверъ на мѣди, жившій въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Лучшій изъ южно-русскихъ мастеровъ. Пользовался, какъ видно, обширной репутаціей, такъ какъ вызываемъ былъ въ Москву для гравированія портрета царевны Софіи, который и дѣланъ имъ два раза. Въ первый разъ, вмѣстѣ съ портретомъ царевны, награвированы имъ были изображенія Ивана и Петра Алексѣевичей, гетмана Самойловича и князя Василя Голицына. Въ другой разъ онъ сдѣлалъ портретъ одной царевны, безъ братьевъ. Такъ какъ оба портрета дѣланы были по порученію Шакловитаго, то по возбужденіи дѣла противъ него, портреты были отобраны и всѣ уничтожены, а доски, съ которыхъ они печатались, считались погибшими. Въ предисловіи къ „Словарю гравированныхъ портретовъ“ г. Ровинскій говоритъ, что всѣ доски Тарасевича, упоминаемыя въ дѣлѣ Шакловитаго, найдены теперь, но не указы-

¹⁾ До насъ дошелъ и портретъ этого артиста, работы сына его, знаменитаго живописца Дм. Гр. Левицкаго. Портретъ написанъ въ первой, самостоятельной манерѣ художника (подчинившагося впоследствии влиянію Лампи) и отличается чисто рембрандтовской силой. Онъ находится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

ваетъ, гдѣ онѣ находятся. Если извѣстіе это справедливо, то мы будемъ имѣть достовѣрный портретъ Самоиловича работы хорошаго мастера. Второй портретъ Софіи, дѣланный Тарасевичемъ, отосланъ былъ для снятія копіи амстердамскому граверу Блозелингу и сохранился въ этой копіи, которой извѣстно впрочемъ всего два экземпляра—одинъ въ Публичной бібліотекѣ и другой въ Лейденѣ. Работы Тарасевича дошли до насъ портреты кн. В. Голицына, подстоляника Георгія Земли и князя Радзивила.

Лучшимъ произведеніемъ Тарасевича по части священныхъ изображеній считается „Печерскій Патерикъ“ 1702 года, гдѣ гравюры (офорты) сдѣланы безъ сомнѣнія съ собственныхъ рисунковъ художника. Нѣкоторые листы этого изданія, какъ напримѣръ изображеніе Іереміи Прозорливаго, могутъ быть поставлены по художественному выполненію на ряду съ лучшими произведеніями голландскихъ граверовъ того времени. Съ этого оригинальнаго изданія рисунки повторялись и копировались и впослѣдствіе. Въ кіевскомъ Евангеліи 1703 г. также есть гравюры съ монограммой Тарасевича *T. L. I.* Стасовъ полагаетъ, что Тарасевичъ учился гравированію въ школѣ знаменитыхъ аугсбургскихъ граверовъ братьевъ Киліановъ.

Щирскій Иннокентій, современникъ и сотрудникъ Тарасевича. Грубоватый мастеръ. Большой тезисъ его работы, съ изображеніемъ царей Іоанна и Петра, извѣстенъ въ единственномъ экземплярѣ, принадлежащемъ Публичной бібліотекѣ. На этой гравюрѣ есть изображеніе Кіева и сцены изъ исторіи Малороссіи.

Сводя данныя, собранныя и разработанныя г. Ровинскимъ, относящіяся къ искусству гравированія къ южной Руси, можно отмѣтить слѣдующія самобытныя его черты. Между тѣмъ какъ въ Москвѣ печать и гравюра появляются вслѣдствіе царскаго повелѣнія и поддерживаются правительствомъ, въ южной Руси то и другое возникаетъ самостоятельно, распространяется и держится только подъ вліяніемъ спроса въ обществѣ и безъ поддержки власти. Обиліе гравюръ въ книгахъ кіево-львовской школы свидѣтельствуетъ о спросѣ на иллюстрированныя книги, а послѣднее есть признакъ существованія художественнаго чув-

ства въ народѣ. Одно это обиліе сообщаетъ уже историческій интересъ нашей старинной гравюрѣ. Въ произведеніяхъ южнорусскихъ мастеровъ менѣе разъ навсегда установленнаго и условнаго. Они не придерживаются неизмѣнно готовыхъ образцовъ, а допускаютъ разнообразіе и свободу сочиненія. Хотя изрѣдка, въ южнорусскихъ книгахъ появляются картины и свѣтскаго содержанія, а талантливѣйшій изъ граверовъ, Тарасевичъ, подымается до портрета съ натуры, вызвавъ потомъ и подражателей. Мастера любовнѣе относятся къ своимъ произведеніямъ; они подписываютъ ихъ и личность художника не исчезаетъ такимъ образомъ безслѣдно. Нѣсколько граверовъ представляютъ уже индивидуальныя черты, а для такой начальной эпохи искусства это ужъ имѣетъ значеніе. Къ мелкимъ особенностямъ южнорусскихъ иллюстрированныхъ книгъ относится еще и обычай изображать гербы лицъ, кому посвящается сочиненіе или на чьи средства печатается. Обычай этотъ, впрочемъ, заимствованъ всецѣло съ запада.

• Что касается до изученія старинной южнорусской гравюры, то ученый, наблюденія котораго изложены выше, единственный человѣкъ, до сихъ поръ имъ занявшійся. Имъ сдѣлано очень много и трудъ его превосходенъ, но онъ нелишенъ пробѣловъ и со времени его появленія накопилось достаточно новыхъ матеріаловъ. Г. Ровинскій не касается совсѣмъ почаевской школы, во время изданія книги ему неизвѣстны были, сохранившіяся въ значительномъ числѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ гравированныя доски, значительный матеріалъ могли бы представить также въ подобномъ изслѣдованіи старинныя антиминсы, порядочное число которыхъ собрано теперь хоть бы въ музеѣ кіевской академіи. Во всемъ этомъ нашлись и замѣтныя явленія и неизвѣстные мастера и, можетъ быть, своеобразныя черты и все это ждетъ еще разсмотрѣнія.

Надо ли прибавлять, что до сихъ поръ никѣмъ не начато собраніе спеціальной коллекціи старинныхъ южнорусскихъ гравюръ, а безъ такой коллекціи дѣло изученія ихъ затруднено до нельзя.

Обращаясь ко второму изъ названныхъ трудовъ г. Ровинскаго, къ громадному „Словарю гравированныхъ портретовъ“,

отмѣтимъ данныя, сообщаемыя имъ по части того, что дала гравюра въ дѣлѣ изображенія историческихъ лицъ южной Руси и какіе образцы оставила по этой части въ особенности старинная южнорусская гравюра.

Изъ двухъ тысячъ лицъ, портреты которыхъ перечисляются въ „Словарѣ“, малороссіянъ оказывается около ста ¹⁾—историческихъ лицъ, государственныхъ людей, писателей и художниковъ, отъ давнихъ временъ до намъ современныхъ. Попадаются тутъ работы мастеровъ первоклассныхъ и портреты, имѣющіе не только значеніе полной достовѣрности, но и художественное значеніе. Укажемъ напр. портреты Богдана Хмельницкаго — Гондіуса, Дан. Апостола—Вортмана, Кирилла Разумовскаго—знаменитаго Шмидта, Безбородко—Валькера (съ Лампи), Боровиковскаго (собственный офортъ), и др. Менѣе извѣстенъ портретъ св. Дмитрія Ростовскаго. Оригиналъ его, поставленный нынѣ у рабы святителя, писанъ извѣстнымъ придворнымъ художникомъ Елизаветы и Екатерины II графомъ Ротари, а награвированъ Васильевымъ, ученикомъ Шмидта. Нѣкоторые думаютъ даже, что превосходная эта гравюра дѣлана самимъ Шмидтомъ. Въ разбросанныхъ въ приложеніяхъ къ „Словарю“ замѣткахъ о портретахъ красками г. Ровинскій сообщаетъ еще о портретѣ художника Ло-

¹⁾ Въ „Словарѣ“ описаны гравированные портреты слѣдующихъ лицъ:

Апостолъ, гетманъ, Арсеній Берло, Арс. Мацевичъ, Афанасьевъ-Чужбинскій А. С., Бантышъ-Каменскій Д. Н., Бантышъ-Каменскій Н. Н., Барановичъ Лазарь, Безбородко вн. Ал. Андр., Безбородко Андр. Ив., Безбородко гр. И. А., Безбородко кн. М. А., Богдановичъ Ип., Бодяпскій О. М., Боровиковскій В. Л., Бортянской, Варлаамъ Ясинскій, Вронченко, Гавріиль Каменецкій, Галаганъ Г. П., три Гамалѣи, Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, Георгій Конисскій, Гибдичъ, Гоголь, Головачевскій, два Гудовича, Дорошенко, гетманъ, Данилевскій Г. П., Дмитрій Ростовскій, Дубовскій, Дудниченко, Завадовскій, Зарудный, Зертисъ-Каменскій, Ин. Гизель, Іоасафъ Горленко, Іоас. Кроковскій, Іоаннъ Максимовичъ, Нелюбовичъ-Тукальскій, І. Тризна, Квитка-Основьяненко, Адамъ Кисель, Климовскій, Козицкій, Костомаровъ, три Кочубей, Сильвестръ Куляба, Лаврентій Горка, Лосенко, Мазепа, Максимовичъ М. А., малороссійскій гетманъ (въ акад. худож.), Маркевичъ Н. А., Мельхиседекъ Значко-Яворскій, Нарѣжний, Петръ Могилъ, Подуботокъ, Прокоповичъ Теоф., Разумовскіе, въ числѣ ихъ Алексій и Кириллъ, Раф. Заборовскій, Сагайдачный, Самойловичъ гетм., Сковорода, Скоропадскій, Ст. Яворскій, Тим. Щербакскій, Трошинскій Д. П., Богданъ Хмельницкій, Шевченко Т. Г.

сенка, собственной его работы, находящемся въ собраніи Третьякова въ Москвѣ.

Изъ старинныхъ гравировъ трехъ гетмановъ,—Самойловича, Дорошенка и Мазепу,—награвировали три мастера: Тарасевичъ, Стржелбицкій и Галаховскій.

Самойловичъ, съ заступомъ въ рукахъ, изображенъ былъ Тарасевичемъ на тезисѣ, поднесенномъ царевнѣ Софьѣ и извѣстномъ по дѣлу Шакловитаго. Мы говорили уже, что теперь, по сообщенію г. Ровинскаго, всѣ доски, упоминаемыя въ этомъ дѣлѣ и считавшіяся потерянными, найдены. Къ сожалѣнію, г. Ровинскій не сообщаетъ ничего болѣе объ этой интересной находкѣ и неизвѣстно, открыта ли и доска съ портретомъ Самойловича или нѣтъ.

Дорошенко изображенъ на картинѣ „Св. апостолъ Петръ“. Онъ держитъ щитъ съ пояснымъ портретомъ гетмана. Подъ щитомъ гербъ Дорошенка и посвященіе на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Гравюра, дѣланная крѣпкой водкой, подписана Ioannes Strzlbicki. Авторъ ея—черниговскій граверъ на мѣди начала XVIII вѣка.

Мазепа—Галаховскаго до послѣдняго времени извѣстенъ былъ только по слухамъ. Это та знаменитая гравюра, извѣстная пока только въ единственномъ экземплярѣ, которая принадлежала Свидзинскому и перешла теперь, вмѣстѣ со всей его коллекціей, въ библіотеку графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Въ 1887 году, пишетъ о ней г. Ровинскій, я нарочно ѣздилъ въ Варшаву, чтобы снять съ нея копію, но фотографировать гравюру, отпечатанную на темно-желтомъ атласѣ, оказалось невозможнымъ. Представляю подробное описаніе ея: Мазепа стоитъ въ срединѣ въ рыцарскомъ одѣяніи; въ лѣвой, поднятой рукѣ онъ держитъ щитъ, правою онъ опирается на свой гербовый крестъ. Онъ съ длинными усами и коротенькой, подстриженной бородкой. Лице очень напоминаетъ порбленовскую гравюру (признаваемую теперь наиболѣе правдоподобной). Справа колѣнопреклоненная женщина (религія) подноситъ ему потиръ, Евангеліе и два ключа, за нею другая женщина. Слѣва шесть женщинъ съ атрибутами искусствъ и наукъ. Слѣва, вверху, Троица;

внизу покоренные города и повергнутый непріятель. Справа разрушающіеся города и крѣпости. Изъ облаковъ на левѣ тянется надпись: *si fractus illabatur orbis impavidum ferient ruinae*.

Внизу, въ срединѣ, къ картушѣ: *celsissimo et illustrissimo domino | d: ioanni mazepa | exercituum s: c: m: zaporoviensium supremo duci, | ordinus s: andreae apostoli et albae aquilae equite, | divinitus electo, dato munito patri patriae, ecclesiae defensori et pacis artium cuetori ac patrono* и пр., а справа: *theses et universa philosophia | et logica... Propugnabuntus publice in Orthodoxa Academia Kijouiensis, a Magnifico Domino ioanne nowicky, Caetus Mariani Praefecto Presidente Admodu Rndo in X^{to} Patre Theophane prokopowicz, | AA: Il: Magistro, et Ordinario Philosophia Professore Scholarum Praefecte Ann. Domin. 1708 Mense... Die...* (оставлены бѣлыя мѣста для чиселъ) *Daniel Galachowski sculpsit Kijouiae*. Слева—посвященіе Мазепѣ самого текста. Гравюра крѣпкой водкой довольно исправнаго рисунка.

Въ этой же библиотекѣ Красинскихъ находится старинный поясной портретъ Мазепы, писанный масляными красками, съ котораго сдѣлана гравюра Норблена. Лицо очень схоже съ тезисомъ Галаховскаго, но въ немъ Мазепѣ, вмѣсто короткой подстриженной бородки, придѣлана длинная борода въ двѣ космы, которой Мазепа никогда не носилъ“.

Такимъ образомъ гравюру Галаховскаго надо, вѣроятно, признать прототипомъ и упоминаемаго здѣсь маслянаго портрета, и гравюры Норблена, артиста, жившаго въ концѣ XVIII вѣка и не имѣвшаго возможности рисовать Мазепу съ натуры. Что касается извѣстнаго портрета музея академіи художествъ, приписываемаго кисти Никитина (1690—1744) и изображающаго будто бы Мазепу,—то онъ такъ и остается загадкой. Онъ не можетъ изображать ни Скоропадскаго, ни Апостола, съ извѣстными портретами которыхъ нисколько не похожъ и которыхъ однихъ, изъ числа гетмановъ, и могъ бы представлять только по времени жизни художника, но не имѣетъ ничего общаго и съ норбленовскимъ типомъ, повторяющимъ, какъ доказалъ нынѣ г. Ровинскій, типъ Галаховскаго. Съ другой стороны таинственность, которую

онъ окруженъ, и названіе его „портретомъ неизвѣстнаго гетмана“ говоритъ въ пользу соотношенія его съ опальнымъ именемъ Мазепы. Настоящая принадлежность его могла бы быть установлена только документальнымъ путемъ, но къ этому пока нѣтъ еще никакихъ данныхъ.

Г.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

121.

Похищеніе звѣздъ.

Гете сказали, что „звѣздами нельзя владѣть; но можно наслаждаться ихъ величіемъ, ихъ блескомъ“. Простой народъ рассуждаетъ иначе въ Россіи, въ Германіи и др. странахъ. Малороссіяне кіевской губерніи вѣрятъ, что вѣдьмы снимаютъ съ неба звѣзды, чтобы притягивать себѣ чужія деньги. Долго вѣдьмы придумывали способъ снимать съ неба „зори“, и, наконецъ, наихитрѣйшая изъ нихъ открыла ларчикъ, догадавшись, что „талька“, оставшаяся недомотанною съ субботы на недѣлю, будучи украдена съ „мотовила“, есть наивѣрнѣйшее средство для этой цѣли. Зная этотъ секретъ, вѣдьмы невидимо входятъ въ тѣ дома, гдѣ есть такія тальки, и, снявъ ихъ съ мотовилъ, уносятъ съ собою, издѣваясь надъ неловкостію поселянокъ. Но и поселянки стали хитры. Не успѣвъ въ субботу домотать тальку, онѣ снимаютъ ее съ мотовила и прячутъ за иконы, имѣя въ виду подобнымъ дѣйствіемъ предупредить воровку-вѣдьму. Похитивъ тальку, въ ясную лѣтнюю ночь вѣдьма летитъ съ нею въ небо, обвязываетъ зори и, спустившись на землю, стягиваетъ ихъ осторожно, пока не пробьетъ полуночный часъ (*Краснокутскій*).

Снятыя съ неба звѣзды вѣдьмы держатъ въ новыхъ горшкахъ подъ покутемъ или въ погребу (*Nowosielski*, 81). Въ одномъ дѣлѣ XVIII в. по обвиненію женщины въ ворожбѣ, извлеченномъ проф.

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ № 12, декабрь, 1889 г.

А. С. Лебедевымъ изъ архива курскаго Знаменскаго монастыря (не издано), говорится, между прочимъ, что обвиняемая снимала звѣзды съ неба.

Вѣрованіе въ похищеніе звѣздъ, солнца и мѣсяца колдунами и вѣдьмами въ человѣческомъ образѣ или въ видѣ волка изстари встрѣчается у многихъ народовъ. Въ Кормчей волшебники „волкодлаци луну изѣдоша или солнце“ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. н. въ XVI—XVII вв., 537). Поляки и нынѣ вѣрятъ, что вѣдьмы своими заклинаніями могутъ ослаблять свѣтъ звѣздъ и даже совсѣмъ уничтожить ихъ (*Wisła*, 1887, II, 61). По болгарскому повѣрью колдуньи могутъ снимать съ неба луну (*Аванасевъ*, III, 488). Въ сочиненіяхъ Тэйлора, Леббока и Ланга разбросано много указаній, что по вѣрованіямъ разныхъ дикихъ народовъ, по суевѣріямъ современнаго европейскаго простонародія, также по воззрѣніямъ древнихъ классическихъ народовъ затменіе солнца и луны и паденіе звѣздъ обусловлены были тѣмъ, что ихъ кто нибудь похищаетъ или пожираетъ. Такъ, на островахъ Индійскаго океана, туземцы предполагаютъ, что какой то разгнѣванный богъ пожираетъ луну и солнце; поэтому они прибѣгаютъ къ жертвамъ, чтобы заставить божество выбросить обратно проглоченныя свѣтила. Племя чикитосовъ въ Южной Америкѣ полагаетъ, что во время затменія за луною гоняются по небу чудовищныя собаки, которыя схватываютъ ее и рвутъ на куски, вслѣдствіе чего поверхность свѣтила обгаряется кровью. Тогда дикіе стрѣляютъ по направленію къ небесамъ, воютъ, плачутъ, чтобы испугать чудовищъ. Въ Перу также распространено мнѣніе, что какой то злой духъ нападаетъ на луну, и поэтому туземцы стараются дѣлать какъ можно больше шума, поютъ, пляшутъ, бьютъ собакъ, чтобы тѣ всею своимъ устрашили духа тьмы. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ „оарасу ягуарете ву“, т. е. ягуаръ съѣлъ солнце.

Къ статьѣ 4-ой о ворожбѣ надъ тучами.

Въ 1 кн. «Кіев. Стар.» я уже говорилъ о народныхъ повѣрьяхъ о ворожбѣ надъ тучами. Въ настоящей замѣткѣ добавляю еще два народныхъ разсказа о причинахъ засухи 1889 г. Разсказы эти я слышалъ отъ

одной 70-ти лѣтней старухи, крестьянки слободы Бороми ахтырского уѣзда.

Весь май мѣсяцъ былъ сухой и знойный. Въ немногихъ мѣстахъ пробѣжали легкія тучки, съ плодотворнымъ, живительнымъ дождемъ. Отъ продолжительной засухи озимые хлѣба сильно пострадали; мѣстами, на пригоркахъ, и яровые выгорѣли. Въ объясненіе причины засухи всплыло наружу древнее народное повѣрье о колдовствѣ надъ тучами, причѣмъ рассказы о томъ, какъ и кто тутъ наколдовалъ варьируются на разные лады, съ мѣстными приуроченіями. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ фономъ, на которомъ народное воображеніе выводитъ самые разнообразныя узоры.

Первый рассказъ передавался со словъ какого то «чоловика зъ Никитовки» (въ 8 или 10 верстахъ отъ Бороми). Содержаніе его въ короткихъ словахъ такое: три женщины шли въ Кіевъ на богомолье; подъ Кіевомъ онѣ сѣли отдохнуть; двѣ женщины потомъ встали, а третья никакъ не могла подняться. «Не могу йты, и сама не знаю чого» говорила она. Пошли ея спутницы въ Кіевъ и объявили игумену, что онѣ оставили въ полѣ женщину, которая безъ всякой видимой причины не можетъ подняться съ земли. Игуменъ послалъ къ этой женщинѣ священника съ иконой и крестомъ. Священникъ нашель, что женщина до половины вошла въ землю. «Въ чемъ ты грѣшна?» спросилъ онъ. «Тилько и грихъ мій, що заговорила дощъ на три мисяца» сказала женщина. «Будь же ты проклята!» сказалъ священникъ, и баба съ шумомъ провалилась сквозь землю. «Треба бъ зробить публикацію» неожиданно закончила рассказчица. Она знакома съ «публикаціями» по многолѣтнему судебному процессу, который ведетъ ея мужъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ за лугъ. Приходилось вносить деньги на публикаціи въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ».

Другой рассказъ начинался со слова «кажуть», и рассказчица не могла хорошо припомнить всего того, что слышала. Дѣло выходитъ такъ: есть въ какомъ то лѣсу криница. Долгое время изъ нея никто не бралъ воды, и криница засорилась. Недавно снится разъ, потомъ другой разъ одному крестьянину, что слѣдуетъ эту криницу вычистить. Когда начали ее чистить, то нашли въ ней пять волшебствъ: дужку съ ведра, конское копыто, веревку и «друге» (рассказчица забыла подробности). Вынули эти волшебства, освятили колодезь, и вскорѣ пошелъ дождь (10—15 іюня въ ахтыр. уѣздѣ прошли сильные дожди).

Въ кіевской губерніи причину слишкомъ продолжительнаго бездождія сваливають на вѣдьмъ. Умерщвляя четвероногихъ черепахъ, изъ которыхъ будто бы истекають вода и роса, и забывая въ колодцахъ рунами ключи, онѣ этими способами отводятъ отъ селеній дождевыя тучи.

Во время засухъ, по волшебству вѣдьмъ, въ какомъ то дремучемъ лѣсу грызутся два змѣя, отъ ярости которыхъ сохнутъ небо и земля. Только палка, которой удастся разорвать этихъ гадовъ, можетъ собрать громовыя тучи надъ

сельскими полями и низвесть на землю благодатный дождь (*Краснокутскій*, въ «Кіев. Еп. Вѣд.»).

Повѣрье о ворожбѣ надъ тучами встрѣчается среди поляковъ въ настоящее время и въ старинныхъ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ (*Karłowicz*, въ «*Wisła*», 1887 г.).

Примѣчаніе. Къ колдунамъ и вѣдьмамъ въ народныхъ сказаніяхъ очень близко стоятъ *вовкулаки*. Здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться, чтобы не расширить слишкомъ изслѣдованіа внесеніемъ въ него обильнаго и довольно извѣстнаго матеріала о вовкулакахъ. Указываемъ лишь на литературу предмета, не выдавая нисколько ее за полную: *П. И—ва*, О вовкулакахъ; *Lang*, Myth, Ritual and Religion, I, 119; II, 177; *Аванасьева*, Поэт. возр. слав., I—III; *Потебня*, О мнѣ. знач. нѣкот. обр. и повѣр. *Чубинскій* I; *Nowos.* II, 96—99, 288; *Слово о полку Игоревѣ* („волкомъ путь прерыскаше“), *Ворон. Бес.* 1861; *Кіевск. Еп. Вѣд.* 1881, № 5; *Янчукъ*, Корнищ. свадьба 82; *Буслаевъ* Рус. поэз. 54—56; *Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар., *Березинъ* въ Знаніи 1877, IV, 66 (о сербскихъ волколакахъ); *Кіевская Старина*, 83, XII; 86, VI; *Антоновичъ*, Колд. 341; *Народы Турціи* II, 134; *Буше-Деклеркъ*, Колд. въ антич. мірѣ.

122.

Происхождение упырей.

Въ Малороссіи существуетъ два разряда сказаній о происхожденіи упырей. Въ однихъ мѣстахъ (напр., въ кіевской губ.), говорятъ, что какая то непонятная сила навѣваетъ особаго злаго духа на человѣческій зародышъ, изъ котораго является человѣческое существо со свойствами вампира. Это существо живетъ въ людскомъ обществѣ, какъ обыкновенный человѣкъ, такъ что даже никто и не знаетъ о принадлежности его къ сонму злыхъ существъ. Ходятъ, впрочемъ, толки, что вампира узнаютъ по шести пальцамъ на рукахъ и ногахъ. Узнаютъ также вампира послѣ его смерти по его красному, какъ бы свѣжему лицу (*Краснокутскій*, въ „Кіев. Еп. Вѣд.“). Въ другихъ мѣстахъ (напр., на Волыни), говорятъ, что упыремъ дѣлается всякій самоубійца. Его духъ проникается ненавистью къ людямъ. Упырь вредитъ ихъ здоровью; онъ по ночамъ выходитъ изъ могилы и посѣщаетъ жилища людей. Чтобы воспрепятствовать ему вредить людямъ, иногда откапываютъ мертвеца, считаемаго упыремъ, и пробиваютъ его осиновымъ коломъ, а иногда

вбивають въ голову, за ушами, два зубца изъ бороны (*Kopern.*, въ *Zbior wiadomosci*, XI, 196).

Такимъ образомъ, въ Малороссіи прикрѣпляютъ уныря къ землѣ, какъ натуралистъ прикрѣпляетъ бабочекъ къ пробкѣ. Замѣчательно, что тождественное обыкновеніе до послѣдняго времени жило у англичанъ. Въ Англіи самоубійцы до сихъ поръ считаютъ вампирами, думаютъ, что они выходятъ изъ могилъ и мучать людей. До 1824 г. все имущество самоубійцы подвергалось конфискаціи, а трупъ его хоронили въ полѣ на перекресткѣ дорогъ и пробивали его коломъ насквозь. Въ 1824 г. при Георгѣ IV изданъ былъ законъ, въ силу котораго самоубійцы погребались уже на общихъ кладбищахъ и безъ пробитія коломъ, безъ религіозныхъ обрядовъ отпѣванія и притомъ въ исключительное время, отъ 9 часовъ вечера до полуночи. Повидимому, законъ этотъ былъ часто нарушаемъ, такъ какъ въ 1882 г. послѣдовало его возобновленіе; повторено было запрещеніе хоронить самоубійцы на перекресткахъ большихъ дорогъ и пробивать ихъ коломъ (*Gaidoz*, въ „*Melusine*“, 1888, 11—12).

Въ Шотландіи и въ настоящее время самоубійцы хоронятъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ нещерахъ, притомъ глухихъ, чтобы отъ нихъ не видно было ни полей, ни моря, которымъ духъ самоубійцы можетъ быть вреденъ (*ib.*)¹⁾.

¹⁾ Народныя сказанія объ уныряхъ многочисленны и разнообразны. Отмѣчаемъ здѣсь два малорусскихъ разсказа, записанныхъ въ кievской губерніи:

1) Умершій вампиръ занимается высасываніемъ крови у сонныхъ людей. Но прежде чѣмъ сосать кровь, онъ соблюдаетъ нѣкоторую предосторожность. Выходя до полночи изъ гроба въ нарядѣ мертвеца, вампиръ поднимается надъ спящимъ селомъ и наблюдаетъ, чьи дома искрятся. Искрятся же тѣ дома, въ которыхъ обитаютъ праведники, постившіеся цѣлый день наканунѣ праздника Р. Х. Опустившись на землю, вампиръ старательно оберегается заходить въ искрившіеся дома, боясь, чтобы праведная кровь не погубила его, но безстрашно идетъ въ дома грѣшниковъ, гдѣ и уливается нечестивою кровью.

2) Разсказываютъ, что живой вампиръ изъ любви къ людямъ когда то открылъ тайну оживлять умершихъ людей. У мертвого вампира есть сосудъ съ человѣческой кровью, нужно его добыть. Приобрѣвъ этотъ сосудъ и поднявъ на улицѣ головню, надо омочить ее въ кровь и помазывать мертвыхъ: отъ этого дѣйствія мертвые стануть оживать. Этой же головней можно уничтожать и жестокаго умершаго вампира.

Нападеніе упырей на село.

Изъ разнообразныхъ повѣрій объ упыряхъ я здѣсь отмѣчу лишь одно въ высшей степени замѣчательное въ археологическомъ отношеніи, именно, повѣрье о томъ, что упыри иногда толпой нападаютъ на село и убиваютъ людей. По народному повѣрью, записанному въ кievской губ. со словъ сельской бабки, въ селѣ всегда бываетъ два вампира; одинъ живой, другой—умершій. Живой вампиръ есть, такъ сказать, добрый геній села. Стоя на стражѣ благополучія, онъ, съ честію благороднаго и храбраго воина, постоянно ведетъ борьбу съ мертвыми вампирами, изъ всѣхъ селъ идущими съ эпидеміею въ его село. Вѣдьмы при его появленіи приходятъ въ неописанный ужасъ. Самая прекрасная черта живаго вампира состоитъ въ томъ, что онъ не пьетъ людской крови. Но за то послѣ своей смерти онъ становится страшнымъ бичомъ поселянъ. Изъ добраго онъ становится самымъ злѣйшимъ геніемъ. Когда мужество и сила оставляютъ живаго вампира, изнеможеннаго въ постоянной борьбѣ съ своими мертвыми собратами, тогда умершій вампиръ, легко устранивъ съ пути слабую защиту честнаго борца, открываетъ свободный путь въ село всѣмъ иносельнымъ мертвымъ смертоносцамъ. Село наводняется вампирами, ходящими ночью во образѣ странныхъ звѣрей, поражая или людей, или скотъ смертію. Эпидемія принимаетъ обширные размѣры. Страхъ всюду такой распространяется, что ночью ходятъ не иначе, какъ компаніей. Несчастіе продолжается до тѣхъ поръ, пока милостивый Богъ не простретъ свою грозную руку на злыхъ истребителей людей и скота. Тогда испуганные вампиры бѣгутъ на кладбища и прячутся въ своихъ гробахъ.

Въ „Кievской Старинѣ“ были помѣщены статьи П. С. Ефименка и г. Кошовика объ упыряхъ. Разказы объ унырахъ разбросаны въ Трудахъ Чубинскаго; Пред. Драгом., *Lud Nowos.*, въ *Zbiór wiad. do antrop. krajowej*, XI, *Kopernicku*, изслѣдованія у *Аванасьева* въ Поэт. возвр., *Потебни* О мнѣ. знач. нѣкот. обр. и повѣр., *Фалуи*, въ „*Ethnolog. Mitteil. aus Ungarn*“ 1888, II (о сербскихъ вампирахъ), *Гедоза* въ „*Melusine*“ 1888, *Тейлора*, Первоб. культ., *Любенова*, „Баба Яга“ 1887, стр. 49—52 (о болгарскихъ вампирахъ); *Liebrecht*, *Zur Volkakunde*, 195—198 (о греческихъ вампирахъ), *Krause* въ *Zeitsch. f. Ethnol.* 1883, 92 (о нѣмецкихъ вампирахъ).

Въ этомъ повѣрьѣ мы, очевидно, имѣемъ повтореніе лѣтописнаго сказанія XI вѣка о томъ, какъ „навье“ (т. е. мертвецы, или упыри) убивали обывателей Полоцка: „въ лѣто 6600 (т. е. 1092 отъ Р. Хр.) предивно бысть въ Полотъскѣ въ мечтѣ; бываше въ нощи тутѣхъ, станяше по улици, яко человекѣ рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абже уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою; и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полоцкія и его область; тѣмъ и человекѣ глаголаху: яко навье бьютъ полочанъ“ (*Лѣтоп.* Лаврент., изд. 1872, 207—208).

Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ той же Лаврентьевской лѣтописи подъ 1089 г. находится еще одно весьма любопытное указаніе, что въ до-монгольской Руси было распространено повѣрье объ упыряхъ, при чемъ называли ихъ навье: „въ се же лѣто иде Янка въ грекъ, дщи Всеволожа (Анна Всеволодовна), и приведе Янка митрополита Іоанна скопчину, его же (видѣвши) людѣ вси рекоша: „се навье пришель“; отъ года бо до года пребывъ умре“ (ib. 202)¹⁾.

124.

Повѣріе о чертяхъ, бросающихъ въ домахъ камни.

Въ Малороссіи въ разныхъ городахъ и селахъ указываютъ на пустующіе дома, гдѣ никто не можетъ жить, потому что здѣсь шалить нечистая сила, бросая камни и черепки. Въ иныхъ случаяхъ чертовское бросаніе камней было непродолжительно, и послѣ освященія дома въ немъ водворялось спокойствіе. Иногда въ печать пріиспикаютъ извѣстія о такихъ продѣлкахъ нечистой силы. Припоминаю, что года два назадъ я читалъ о подобномъ случаѣ въ

¹⁾ Слово навье означаетъ въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ мертвеца, у славянъ такого мертвеца, который являлся между людей и мучилъ или убивалъ ихъ. Санскр. корень *паś*—умирать въ готскомъ встрѣчается въ формѣ *navs*—(множ. *naveis*) мертвецъ, *navis*—мертвый, *navistr*—могила, древ.-сканд. *na*—мертвое тѣло, латыш. *nahme*—смерть, *nahwigs*—смертельный, ядовитый, *nahweht*—убивать (*Буслаевъ*, О вліяніи христ. на слав. яз., 63).

Одессѣ, чуть ли даже не въ камерѣ мирового судьи. Отъ одного старика я слышаю такой разсказъ: лѣтъ тридцать назадъ, въ селѣ Лишцахъ, харьковскаго уѣзда, была пересыльная тюрьма въ домѣ мѣстнаго обывателя. Одинъ арестантъ, чѣмъ то обиженный, сказалъ, что въ этомъ домѣ долго его будутъ помнить, и дѣйствительно вскорѣ, какъ онъ ушелъ, въ домѣ появились таинственные стуки, полетѣли въ разныя стороны камни, такъ что пришлось освящать домъ, а изъ Харькова для осмотра его выѣзжали административныя власти. Въ Великороссіи также встрѣчаются подобные разсказы и повѣрья (*Ralston, The Songs of the russ. people, 132*).

Точно такое повѣріе существуетъ у индусовъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Между слугами въ домѣ, гдѣ мы жили, говорить г-жа Мурей-Энслей, были христіане. Они жаловались своему хозяину, что постоянно по вечерамъ къ ихъ избамъ подходятъ демоны и бросаютъ камни, которые летятъ черезъ крышу. Два европейца пошли разузнать, въ чемъ дѣло; одинъ помѣстился съ одной стороны служительскихъ хатъ, другой—на противоположной. Хотя никто не показывался, но камни летѣли и ложились у ихъ ногъ. Слуги попросили дать имъ Библію, и послѣ того, какъ они ее получили, черти успокоились и камней болѣе не бросали. Означенные выше два европейца потомъ наводили справки, и когда они заглянули въ Библію, то нашли ее всю испачканной изображеніями демоновъ и чудовищъ (*Revue des trad. populaires, 1888, 480*). Очевидно, бѣсамъ очень не понравилось помѣщеніе ихъ изображеній въ священной книгѣ. Припомнимъ, что на миниатюрахъ древнѣйшихъ русскихъ рукописей фигуры и особенно лица бѣсовъ намѣренно вытерты или запачканы, по предположенію О. И. Буслаева, потому, что читатели не могли равнодушно смотрѣть на эту богомерзкую погань (*Буслаевъ, Бѣсъ, 5*). Очевидно, между древне-русскимъ уничтоженіемъ изображеній демоновъ и индусской разрисовкой ихъ есть внутренняя связь, разумѣется, не въ смыслъ какого либо заимствованія, о чемъ и рѣчи быть не можетъ, а въ сходствѣ извѣстныхъ умозаключеній по сходнымъ фактическимъ даннымъ.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что повѣрье о дэмонахъ, бросающихъ въ домъ камни, еще недавно, а можетъ быть и нынѣ еще существуетъ въ Парижѣ. Въ 1777 г. въ Сень-Жер-

менскомъ предмѣстьѣ распространился слухъ, что на улицѣ Дюфура въ лавкѣ торговли хлѣбомъ поселился демонъ, и весь Парижъ пошелъ смотрѣть на производимыя имъ буйства. Полиція, заподозривъ обманъ со стороны торговли, объявила ей, что если демонъ чѣмъ нибудь заявитъ себя, то она будетъ арестована, и никакихъ демонстрацій злой духъ не позволилъ себѣ. Лѣтъ тридцать назадъ подобная исторія повторилась въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ на улицѣ Дегре (нынѣ Кюя). Среди бѣлаго дня, видѣли какъ изъ одного дома летѣли камни во всѣ стороны. У присутствовавшего Жиро (былъ потомъ министромъ) камнемъ выбило изъ рукъ книгу. Кто бросалъ камни, не было выяснено. Никто изъ людей не былъ раненъ. Полиція прекратила движеніе по улицѣ; пропускали только мѣстныхъ обывателей. Бросаніе камней продолжалось недолго, и вскорѣ случай этотъ былъ забытъ (*Sebillot*, въ *Revue d. trad. popul.*, 1888, 138).

Къ числу демоновъ, бросающихъ камни въ людей, принадлежатъ ново-греческія перенды и яванскіе гандарны (*Liebrecht*, *Zur Volkskunde*, 356).

125.

Украинскіе инкубы и суккубы.

Въ средневѣковой демонологической терминологіи инкубомъ назывался демонъ, въ видѣ мужчины вступавшій въ половую связь съ женщиной, суккубомъ—демонъ въ образѣ женщины, соблазнявшій мужчинъ. Повѣрье въ половыя связи демоновъ съ людьми были въ старину весьма распространены въ Западной Европѣ и нынѣ еще встрѣчаются у разныхъ народовъ Европы и Азіи въ сказкахъ. Безобиднѣе всего о такой связи трактуеть одна татарская сказка. Отшельникъ Абутъ въ теченіи многихъ лѣтъ воль строгую подвижническую жизнь; но однажды шайтанъ явился къ нему въ видѣ такой красавицы, что Абутъ схватилъ ее въ свои объятія и согрѣшилъ. Народъ узналъ объ этомъ и горевалъ. „Дураки! о чемъ вы беспокоитесь? утѣшилъ его великій Пойгамберъ (божество). Абутъ теперь получить лучшее мѣсто въ дженнатѣ (раю), такъ какъ онъ

изнасиловаль Аллахова врага". (*Сборн. матер. о плем. Кавказа*, VII, 124). Совсѣмъ иначе на это преступленіе смотрѣли въ старину европейцы, особенно нѣмцы. Они, во первыхъ, детально изучили это преступленіе, когда и какимъ образомъ мужчины и чаще женщины вступаютъ въ сношенія съ демонами, что они при этомъ чувствуютъ, и, во вторыхъ, обвиненныхъ въ такомъ преступленіи подвергали пыткамъ и казнямъ. По разъясненію инквизиторовъ, главнымъ образомъ, по указаніямъ знаменитаго „Молота вѣдьмъ“ (*Malleus maleficarum*) 1489 г., представляющаго собой „monstrose Bastard des Pfaffendespotismus und der Scholastik“ (*Soldan, Gesch. d. Hexenpross.*, 215), для вступленія въ половую связь съ дьяволомъ выходили ночью подъ воскресенье на перекрестокъ и произносили извѣстную заклинательную формулу. Дьяволъ немедленно являлся въ видѣ сильнаго молодого человѣка красивой наружности, только съ козлиной или птичьей ногой. Необходимое условіе союза съ дьяволомъ—отреченіе отъ Спасителя и святыхъ—подписывалось кровью. Обѣ стороны давали другъ другу извѣстныя обязательства, причемъ дьяволъ старался обмануть предающихся въ его власть. Колдуньямъ и вѣдьмамъ дьяволъ первый разъ являлся подъ видомъ хорошаго знакомаго, любовника или мужа. Полюбезничавъ съ колдуньей, онъ удалялся или тихо, или въ бурномъ вихрѣ; онъ былъ настолько любезенъ, что оставлялъ колдуньямъ опредѣленное количество денегъ въ кошелькѣ, платкѣ или капустномъ листѣ съ обозначеніемъ своего имени, съ тѣмъ, чтобы онѣ знали, какъ назвать его въ случаѣ надобности. Случалось, дьяволъ платилъ весьма мало: какойнибудь эку или еще меньше. Адскія деньги въ большинствѣ случаевъ превращались въ дубовые листья, дѣтскіе экскременты и т. п. Со времени отреченія отъ Христа колдуньи и вѣдьмы получали возможность превращаться въ животныхъ, кошку, лисицу, паука, сову, бабочку и даже въ неодушевленные предметы, напримеръ—клубокъ нитокъ. Половыя сношенія съ дьяволомъ были не одновременны, а повторялись постоянно по ночамъ въ пустынныхъ мѣстахъ, иногда въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей. Однажды дьяволъ завлекъ 19-лѣтнюю дѣвушку, которая была такъ наивна, что на неприличныя предложенія дьявола отвѣчала отказомъ, потому, что не знала о родительскомъ согласіи. Ученые бого-

слова считали очень важнымъ рѣшеніе вопроса „*semen diabolicum frigidum aut calidum est*“. Дельріо, ученый іезуитъ конца XVI столѣтія, былъ твердо увѣренъ, что инкубъ съ женщиной можетъ произвести дитя только не собственнымъ сѣменемъ, а сѣменемъ мужчины, съ которымъ демонъ ранѣе совокупился въ видѣ суккуба. Суккубъ не въ состояніи ни зачинать, ни рожать младенца. Онъ только служить для вышеозначенной цѣли. Извѣстный полиглотъ Пико де-Мирандола рассказываетъ объ одномъ старомъ колдунѣ, который 40 лѣтъ жилъ съ демономъ-суккубомъ, называвшимся Гермелиной. Дѣти, рожденныя при посредствѣ инкуба, противной наружности, отвратительной худобы, необыкновенно много ѣдятъ, постоянно кричать и радуются семейнымъ несчастіямъ (*Soldan*, 239)¹).

Западно-европейскія представленія объ инкубахъ проникли въ Польшу; любопытныя указанія по этой части находимъ въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдѣмъ конца XVII в. Такъ, въ 1690 г. была сожжена одна женщина за то, что по собственному сознанію, спала съ демономъ (*legal ze mna, ale był zimny jako lód*). Въ 1692 г. были сожжены Клешка—колдунъ, имѣвшій любовницей чертовку Регину, и Манишевская, имѣвшая любовникомъ демона Яська, который ходилъ въ красной одеждѣ, соболовой шапкѣ и красныхъ сапогахъ. Въ 1699 г. была казнена одна крестьянка за то, что бывала на Лысой горѣ и съ ней лежалъ сатана въ видѣ волка (*Karłowicz*, въ *Wiśła*, 1887, стр. 140, 142, 173).

Я не имѣю фактовъ, которые указывали бы на проникновеніе западныхъ инкубовъ и суккубовъ въ Украину; но здѣсь были свои, оригинальные инкубы и суккубы, опиравшіеся на славянской демонологіи, вообще языческой, лишь въ частностяхъ съ примѣсью демонологіи христіанской письменности. Наиболѣе обычно представленіе демона-любовника въ видѣ змѣя, обращающагося въ красиваго муж-

¹) Подробности объ инкубахъ и суккубахъ см. въ сочиненіи *Roskoff*, *Geschichte des Teufels*. 1869. 2 Bde; *Soldan*, *Gesch. der Hexenprozesse*. 1843; *Rodolf Reusse*, *La sorcellerie au XVI et au XVII siècle*. 1872; *Jacob (Bibliophile)*, *Curiosités de l'histoire des croyances populaires au moyen âge*. 1859; *Otto Henne Am Rhyn*, *Kulturgeschichte der neuern Zeit*. 1870. 1 Bd. 332—351 стр.; *Гол. Шерръ*, *Исторія цивилизаціи Германіи*. 1868 и *Гартноль Лекки*, *Исторія рационализма въ Европѣ*. 1871. Т. I; *Н. О. Суминовъ*, *Очеркъ исторіи колдовства въ Зап. Европѣ* 1878; *Пантуховъ*, *Серапионъ Владиміръскій*, 1887.

чину, или въ видѣ уныря, причемъ сказанія объ любовникѣ-змѣѣ и любовникѣ унырѣ (покойникѣ) часто смѣшиваются между собой, и, вообще, сказанія эти сходны. Ученый архимандритъ Печерской лавры Иннокентій Гизель въ сочиненіи „Миръ съ Богомъ человѣку“ (1669 г.) говоритъ: „здѣ же прилучится можетъ и смѣшеніе тѣлесное съ дьяволомъ, сіе есть съ Лѣтавцемъ, который блудъ есть наитяжшій“. И въ Польшѣ въ старинное время подъ словомъ „latawiec“ разумѣли инкуба: „incubus, ad masculos accedens, feminam fingit, feminas aggrediens masculum se exhibet, der Nachtdrude“ (Linde, Słownik). Подобнаго рода повѣрья были въ старину и въ московской Руси, что видно, между прочимъ, изъ муромской легенды XVII в. о Петрѣ и Февроніи. Въ настоящее время повѣрье это крѣпко еще держится въ народѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ Привислянскомъ краѣ. Въ волынской губерніи говорятъ, что злой духъ „перелестныкъ“ является въ образѣ любимой умершей особы, преимущественно является тѣмъ молодымъ людямъ, которые тоскуютъ по умершихъ своихъ любовницахъ или любовникахъ. Демонъ ведетъ съ ними любовный разговоръ, цѣлуется, удовлетворяетъ страсти. Но горе такому человѣку: онъ начинаетъ сохнуть, чахнуть и потомъ умираетъ (Чубинскій, I, 193). Весьма сходныя повѣрья встрѣчаются среди великоруссовъ. Такъ, въ юго-западной части томской губерніи существуютъ рассказы о смѣшеніи женщинъ съ чертями. Чертъ принимаетъ видъ извѣстнаго человѣка и начинаетъ посѣщать женщину; чтобы отличить его, нужно заглянуть ему за спину; спины у него нѣтъ, и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ какъ въ корытѣ. Въ станицѣ Шульбинской была козачка Полинцева. Послѣ смерти мужа она очень тосковала по немъ. Чертъ сталъ являться къ ней подъ видомъ покойнаго каждую ночь, и бѣднѣя женщина получила непреодолимое желаніе видѣть его. Она забеременѣла и сказала о томъ одной старухѣ. Старуха дала ей что то пить и та осталась до смерти беременною, а то родила бы чертенка (Потанинъ, Этногр. Сборн., VI, 144).

Извѣстно много малорусскихъ сказокъ о томъ, какъ змѣй похищаетъ царевну и живетъ съ ней, встрѣчаются и такія сказки, въ которыхъ прямо выступаетъ чертъ. Такъ, въ грубешовскомъ уѣздѣ записанъ рассказъ о томъ, какъ одинъ чертъ влюбился въ

дѣвушку, долго ходилъ къ ней и наконецъ порѣшилъ взять ее къ себѣ совершенно. Чертъ былъ въ образѣ человѣка. Мать, приготовляя свою дочь къ отъѣзду, убрала ее голову цвѣтами терлича и тои. Чертъ боится этихъ цвѣтовъ и потому исчезъ (*Чуб.* I, 80).

Въ народныхъ сказаніяхъ суккубъ рѣже является, чѣмъ инкубъ. Извѣстны, однако, сказки, въ которыхъ влюбляется въ мужчину и живетъ съ нимъ чертова дочка или вѣдьма. Такъ, въ уишикомѣ уѣздѣ записанъ такой разсказъ: „Одинъ крестьянскій парень очень красивый ходилъ часто въ лѣсъ за дровами, гдѣ увидѣла его чертова дочка и влюбилась въ него до того, что рѣшилась явиться къ нему въ образѣ красивой дѣвушки. Часто они видались, слюбились и, наконецъ, она рѣшилась выйти за него замужъ. Она приняла крещеніе и была повѣнчана. Дьяволъ былъ радъ, позволялъ къ себѣ молодыхъ, и одарилъ ихъ“ (*Чуб.* I, 33). При этомъ сказано, что дьяволъ отъ радости крутился вихремъ, т. е. обнаруживается демоническое значеніе вихря. Въ связи съ этимъ или подобнымъ разсказомъ о вихрѣ стоитъ названіе его „чортовой свадьбой“. Чертова дочка въ малорусской сказкѣ живетъ въ лѣсу. Есть очень сходная имеретинская сказка. Имеретинцы признаютъ не только лѣсныхъ, но и лѣсныхъ женщинъ необыкновенной красоты, съ длинными золотистыми волосами. Онѣ влюбляются въ людей (какъ малорусскія русалки, сербскія вилы). Одинъ богатый помѣщикъ влюбился въ лѣсную женщину и каждую ночь ходилъ къ ней. Его ревнивая жена обрѣзала ей тихонько волосы. Лѣсная женщина съ крикомъ убѣжала и черезъ нѣсколько времени умерла (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр. III, 170). Разсказъ этотъ вводитъ насъ въ фантастическій міръ лѣсныхъ духовъ, и мы отсылаемъ читателя къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ по этой части Manhardt'a, Аванасьева и Мандельштама ¹⁾).

Довольно обычно въ Малороссіи вѣрованіе о связи вѣдьмы съ мужчинами. Такъ, недавно въ подгороднемъ харьковскомъ селѣ Основѣ распространился слухъ, что къ мѣстному жителю, „паробку“

¹⁾ Съ женщинами вступаютъ въ связь классическіе фавны и сільваны; на о. Самоа насчитываютъ 5 родовъ демоновъ, соблазняющихъ женщинъ (*Liebrecht*, *Zur Volkskunde*, 400).

лѣтъ двадцати, Павлу Онищенко уже мѣсяца четыре по ночамъ, сначала рѣдко, а послѣднее время ежедневно является „вѣдьма“. Прибѣгаетъ она туда въ видѣ бѣлой собаки съ человѣческими пальцами на лапахъ и, найдя Павла Онищенко гдѣ бы онъ ни ночевалъ, моментально превращается въ дѣвушку и начинаетъ его обнимать и цѣловать. Говорить ли она съ Онищенкомъ во время этихъ свиданій—добиться этого отъ него никому еще не удалось. И вотъ 4-го іюня основанское волостное правленіе заявляетъ мѣстному уряднику, живущему въ с. Григоровкѣ, и тотъ, не теряя времени, отправляется въ этотъ же вечеръ часовъ около 10-ти для поимки сказанной вѣдьмы; къ нему присоединился студентъ С. Пріѣзжаютъ въ волость; на вопросъ урядника „гдѣ писарь?“ сторожъ отвѣчаетъ: „пишовъ дывытьця на вѣдьму“. Возлѣ усадьбы Онищенко урядникъ засталъ такое множество народа съ осиновыми дрючками ¹⁾, что, какъ говорится, яблоку негдѣ упасть. При распросахъ урядника все сказанное подтвердили всѣ, между ними были люди пожилые, домохозяева, которымъ какъ то нельзя не вѣрить. Писарь сейчасъ же доложилъ, что вѣдьма уже приходила, но ее испугалъ крестьянинъ Н, крикнувъ: „чего тутъ шляешься“ и она скрылась неизвѣстно куда (*Харьк. Вѣд.*, 1886, № 142).

126.

Обрядовое прикосновеніе къ землѣ.

Въ ряду разнообразныхъ повѣрій и обрядовъ, указывающихъ на древнее уваженіе къ землѣ, доходившее до обожествленія ея, какъ было въ развитыхъ религіяхъ древности, напр. у грековъ, выдается сохраняющійся до сихъ поръ у многихъ народовъ обычай валиться по землѣ съ цѣлью полученія силы, здоровья, иногда безъ всякой опредѣленной цѣли, для соблюденія древняго священнаго обряда. Въ волынской губерніи по окончаніи жатвы работники катаются на стернахъ или волочатъ другъ друга за ноги (*Корепн.*,

¹⁾ Такое въ народѣ повѣрье, что если вѣдьму ударить осиновою палкой, то она моментально принимаетъ свой настоящій образъ.

Zbiór wiadom., XI, 185). Подобнаго рода обыкновеніе встрѣчается и въ Великороссіи при посѣвѣ или освященіи поля (ссылка потеряна, кажется, въ „Бытъ русск. нар.“ Терещенка). Въ мѣстностяхъ южнаго Балкана больныя и неплодныя женщины ходятъ рано утромъ перваго мая на луга и голыя катаются на росистой травѣ (*Канитцъ*, въ Слав. Ежегодн. 1877, 151). У турецкихъ сербовъ (въ Призренѣ, Инекѣ, Моравѣ и Дибрѣ) на другой день Пасхи бываетъ крестная процессія, причежъ всѣ слабыя и больныя ложатся на землю, и священникъ, а за нимъ всѣ, несущіе кресты, иконы и хоругви, перескакиваютъ черезъ лежащихъ, чтобы они выздоровѣли (*Ястребовъ*, Турец. сербы, 121). Въ древности въ Германіи и въ Англіи существовалъ обычай больныхъ дѣтей и больной скотъ волочить по землѣ для излѣченія отъ болѣзни (*Спенсеръ*, Опис. социол., 211). Во Франціи въ Бретани совѣтуютъ страдающимъ отъ ревматизма лечь больной частью тѣла на землю весной, какъ только они слышатъ въ первый разъ крикъ кукушки (*Melusine*, 1888, 258).

127—143.

Г а д а н і я.

Гаданіе состоитъ въ раскрытіи тайнъ прошлаго или, чаще, будущаго, напр., въ опредѣленіи, кто украсть, причинилъ болѣзнь, или въ опредѣленіи, каковъ будетъ успѣхъ предпріятія. Большинство гаданій приурочено къ празднику Рождества Христова или, точнѣе, къ Новому году, нѣкоторые — къ празднику Благовѣщенія или ко дню Андрея Первозваннаго. Обыкновенно гаданіе состоитъ въ сужденіи о томъ или другомъ по началу его, „по почину“. „Настоящее, говоритъ проф. А. А. Потебня, т. е. начало ряда событій, непосредственно предшествующее наблюденію, человѣкъ наклоненъ считать образомъ будущаго. Насколько это свойственно самымъ различнымъ степенямъ развитія, видно изъ постоянно повторяющагося самообольщенія, состоящаго въ томъ, что человѣкъ, поглощенный сильнымъ чувствомъ, заполняетъ имъ все свое будущее, напр. влюбленный убѣжденъ въ своей любви до гроба, страдалецъ не видитъ

и не предполагаетъ просвѣта, что можетъ повлечь за собою и практическія послѣдствія. Гаданіе по началу извѣстнаго періода о дальнѣйшемъ его теченіи есть начинъ, напр., если первый покупатель долго торгуется или уйдетъ, ничего не купивши, то купецъ весь день будетъ плохо торговать. Чѣмъ продолжительнѣе и важнѣе для человѣка періодъ, тѣмъ знаменательнѣе его начало. Этимъ однимъ объясняется знаменательность періодовъ, обозначаемыхъ годовыми праздниками, особенно періода, начинавшагося съ рожденія солнца, поворота его на лѣто. Рождественскіе святки—время гаданій, въ томъ числѣ гаданій по почину о погодѣ и урожаѣ“ (*Потебня*, Объясн. малор. пѣс., II, 63).

Во многихъ гаданіяхъ обнаруживается запросъ божеству о будущемъ, а подчасъ запросъ въ такой формѣ, которая уже предполагаетъ благопріятный отвѣтъ. Несомнѣнно, въ древности гадали во время жертвоприношеній и молитвословій, что на ряду съ отгадкой будущаго располагало божество къ покровительственному и доброжелательному отношенію къ человѣку. Такъ, гаданіе по внутренностямъ животныхъ или по бараньей лопаткѣ, встрѣчающееся у древнихъ грековъ, нынѣ у болгаръ, финновъ, монголовъ, связано съ жертвоприношеніемъ, и донинѣ удержалось или въ прямой связи съ нимъ, или какъ его обрядовый остатокъ. Воля боговъ обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ физическаго міра,—громъ и молніи, снахъ, дрожаніи разныхъ частей человѣческаго тѣла, полетѣ птицъ, движеніи животныхъ, даже въ неодушевленныхъ предметахъ; древній человѣкъ, а отчасти и современный человѣкъ старается проникнуть въ тайны природы и тайны будущаго,—наивный посредствомъ гаданій и примѣтъ, ученый посредствомъ гипотезъ и предположеній на основаніи многихъ провѣренныхъ фактовъ.

Съ теченіемъ времени число гаданій уменьшилось, и уменьшилось число такихъ явленій жизни, которыя опредѣлялись гаданіями. Въ настоящее время гадаютъ почти исключительно объ урожаѣ, погодѣ и замужествѣ, изрѣдка о смерти. У малороссіянъ способы гаданія не такъ многочисленны и разнообразны, какъ у великороссіянъ. Малорусскія гаданія весьма сходны, иногда тождественны съ великорусскими и другими славянскими.

1) Въ М. и В. Россіи почти неизвѣстны *метеорологическія гаданія*, по грому, вѣтрамъ, облакамъ, дождю. Люди страшились сверхъестественнаго могущества этихъ силъ и явленій природы и не знали, какъ подступитъ къ нимъ съ запросами о будущемъ. Они пытались овладѣть этими могущественными силами, и потому здѣсь на первый планъ выдвигается волшебство, ворожба надъ тучами, привлеченіе или удаленіе дождя и грозъ. Есть, однако, примѣты, относящіяся къ метеорологіи, и очень близкія къ гаданіямъ, примѣты такого рода, что громъ или дождь въ тотъ или другой день (напр. на Благовѣщеніе) или при случаѣ (напр., въ день вѣнчанія) предсказываетъ урожай, богатство, слезы и прочее т. п. ¹⁾.

2) Болѣе значенія въ народномъ міросозерцаіи и бытѣ имѣютъ *гаданія по снамъ*. Въ классической древности сны считались посланниками Зевса и другихъ боговъ; толкованіе сновъ составляло своего рода науку „онейроскопію“. Нѣчто подобное, разумѣется, въ слабой степени существуетъ у народовъ славянскихъ, въ частности—малоруссовъ. Такъ, дѣвушки по снамъ, которые видятъ подъ Новый годъ или передъ свадьбой, гадаютъ о суженомъ, о будущей семейной жизни. Гаданія этого рода отличаются неустойчивостью и неопредѣленностью, въ силу проявленія значительнаго индивидуальнаго произвола въ толкованіи сновъ.

3) Болѣе опредѣленнымъ, хотя весьма узкимъ, характеромъ отличаются *гаданія фیزیологическія*—по чиханію и дрожанію разныхъ частей человѣческаго тѣла. Уже въ древнихъ памятникахъ московской письменности встрѣчается обличеніе людей, раздѣлявшихъ повѣрія о чохѣ, ухозвонѣ, окомигѣ, дрожаніи мышцъ. Теперь въ Малороссіи говорятъ чихнувшему: „будь здоровъ!“, „на здоровье!“ иногда одариваютъ его (если чихнетъ въ сочельникъ за ужиномъ). Основное демоническое значеніе этихъ повѣрій достаточно разъяснено Тэйлоромъ и Леббокомъ, и здѣсь мы не будемъ останавливаться на немъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ или просто не совсѣмъ обычныхъ явленіяхъ организма въ древности

¹⁾ Въ старинной московской литературѣ существовали сборники примѣтъ о громахъ и молніи, т. наз. Громники и Молніяники (изд. во 2 т. „Памят. отреч. литер.“ Тихомирова). О существованіи такихъ сборниковъ въ южной Россіи нѣтъ указаній.

усматривалось прямое дѣйствіе демоновъ, пролетавшихъ мимо человека или въ него проникшихъ съ пищей, питьемъ, воздухомъ. У древнихъ грековъ всякое непроизвольное фізіологическое явленіе приписывалось вліянію божества. Чихнувъ, говорили: „Спаси, Зевсѣ!“ У Менандра одно изъ дѣйствующихъ лицъ говорить: „насъ огорчаетъ, когда кто нибудь чихаетъ“ (*Буше-Лека.*, Изъ ист. культ., 134). Подобнаго рода повѣріе о значеніи чиханія было въ Англіи (*Спенсеръ*, Опис. соц.) и нынѣ встрѣчается у разныхъ народовъ. Гаданія по шуму въ ушахъ, по дрожанію мышцы, по судорогамъ рукъ и ногъ, по тому, что ладонь чешется, мелочны, разнообразны и большею частью переходятъ въ примѣты; объ нихъ мы упомянемъ еще въ статьѣ о примѣтахъ.

4) Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія *гаданія по слову*, случайно сказанному, или произнесенному имени, такъ сказать, лингвистическія, или словесныя. Подслушиваютъ подъ окнами сосѣдей; подслушиваютъ разговоръ проходящихъ по улицѣ; спрашиваютъ встрѣчныхъ объ имени и затѣмъ выводятъ заключенія о будущемъ (*Чубинскій*, III, 260; *Терещенко*, VII, 230). Подобнаго рода гаданія встрѣчаются во Франціи (*Revue des trad. popul.*, 1888, 146). Гаданія по услышанному слову, или кледономантія, было весьма обычно въ древней Греціи. Каждое слово, фраза, отдѣльное восклицаніе становится для слушателя кледономъ, т. е. между мыслью слушателя и словомъ посторонняго лица, не связаннымъ съ нею по нити разговора, обнаруживается непредвидѣнная связь, открывающая предостереженіе провидѣнія. Кледонизмъ обнаруживается уже въ Одиссееѣ и затѣмъ усиливается въ Греціи позднѣе. Простѣйшимъ способомъ кледономантіи было этимологическое толкованіе собственныхъ именъ. Римляне также признавали вѣщее слово, *omen*—въ смыслѣ предназначенія, при чемъ не считали предсказаніе менѣе дѣйствительнымъ въ томъ случаѣ, если его искали. Кледономантія свойственна всѣмъ древнимъ народамъ (*Буше-Леклеркъ*, 129—132).

5) Важное значеніе въ старину въ Россіи и во многихъ другихъ странахъ имѣли *гаданія письменныя*, т. е. по слову, закрѣпленному письмомъ, по книгамъ Священнаго Писанія, преимущественно по псалтыри. Разворачивали книгу и первую попавшуюся фразу объясняли, какъ пророчество. Въ Англіи въ XVII ст. га-

дали, между прочимъ, по Энеидѣ Виргилія (*Спенсеръ*, Опис. соц., 222). Греки охотно пользовались рапсодомантіей, или гаданіемъ по отдѣльнымъ фразамъ, случайно найденнымъ въ произведеніяхъ Гомера, Гезіода или въ сборникахъ оракуловъ. Предполагалось, что официальные оракулы и служители музъ, великіе поэты, собирали достаточное количество истинъ, такъ что въ ихъ произведеніяхъ можно найти совѣты, пригодные для всѣхъ случаевъ жизни (*Буше-Леклеркъ*, 160). Остатками такихъ гаданій въ настоящее время служатъ оракулы, связываемые большою частью съ именемъ Соломона.

6) Очень близко къ гаданіямъ по слову и письму стоятъ *гаданія по жребіямъ*, клеромантія. Въ Россіи въ простомъ народѣ обычна простая форма клеромантіи, гаданіе посредствомъ бросанія камня или по палкѣ. Болѣе крупная форма клеромантіи—гаданіе посредствомъ лоттерей—встрѣчается въ Россіи довольно рѣдко, и въ южнорусскій народъ почти совсѣмъ не проникла. Клеромантія употреблялась уже въ глубокой древности, упоминается въ Иліадѣ (*Буше-Леклеркъ*, 156). Низшія формы клеромантіи (бросаніе камней, орѣховъ и пр.) встрѣчаются въ западной Африкѣ (*Леббокъ*, Нач. цив., 173). Саксонъ—Грамматикъ говоритъ, что славяне на островѣ Ранѣ гадали, бросая три дощечки, съ одной стороны бѣлыя, съ другой черныя. Въ старинныхъ русскихъ юридическихъ документахъ встрѣчаются узаконенія о рѣшеніи тяжбъ жребіемъ. Въ числѣ запретныхъ книгъ старинной московской письменности упоминается Метаніе или Розгомечецъ. Жертва богамъ опредѣлялась жребіемъ. По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій и по его указанію однѣхъ птицъ закалали въ жертву, а другихъ пускали на волю. При св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвцу, кого изъ нихъ принести богамъ въ жертву (*Аванасьева*, III, 382—386). Въ клеромантіи важное значеніе имѣетъ счетъ, особенно четъ и нечетъ (*Чубинскій*, III; *Терещенко*, VII, 248; *Леббокъ*, 173).

7) Въ южной Россіи сохранились любопытные остатки нѣкогда крупныхъ и важныхъ *гаданій по животнымъ*, коню, коровѣ и собакамъ. а) Гаданія по коню: въ волынской губ. завязываютъ лошади глаза и сажаютъ на нее дѣвушку; въ какую сторону пойдетъ лошадь, въ ту сторону дѣвушка выйдетъ замужъ (*Чубинскій*, III, 261).

Такое же гаданіе существуетъ и въ Великороссіи, при чемъ здѣсь выбираютъ бѣлую лошадь (*Терещенко*, VII, 239). Гадаютъ еще такъ: переводятъ лошадь черезъ оглоблю или шесть; если она зацѣпится ногами, то будетъ злой мужъ и несчастливая жизнь (ib. 239). Въ древности жрецы въ Ретрѣ и въ Арконѣ водили коня черезъ конья и наблюдали, правой или лѣвой ногой онъ переступалъ черезъ нихъ (*Афанасьевъ*, I, 632). Повидимому, отъ древнихъ гаданій по коню идетъ часто встрѣчающаяся въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ примѣта, что если споткнется конь, то нужно ожидать несчастія. б) Гаданія по быку и коровѣ. Въ В. и М. Россіи дѣвушки гадаютъ, между прочимъ, такимъ образомъ: ночью входятъ въ хлѣвъ, и если наткнутся на вола, то скоро выйдутъ замужъ, если на корову, годъ быть въ дѣвицахъ, не менѣе (*Маякъ*, 1843, XI, 32; *Терещенко*, VII, 249). Подобное гаданіе существуетъ во Франціи въ провинціи Франшконте; подъ Рождество Христово въ полночь входятъ въ хлѣвъ, и если скотъ головой стоитъ къ дверямъ, то надо ждать ранней весны, спиною — холода затянутся (*Revue d. trad. popul.*, 1888, 103). Гадаютъ еще по собакамъ: съ которой стороны послышится первый лай (подъ Рожд. Хр.), оттуда будетъ и женихъ (*Маякъ*, 38; *Чубинскій*, III, 262). Гаданій по внутренностямъ животныхъ въ Малороссіи, кажется, нѣтъ въ настоящее время.

8) Какъ извѣстно, у древнихъ народовъ, особенно грековъ, въ большомъ ходу была орнитомантія, или гаданіе по птицамъ. Въ В. и М. Россіи оно проявляется въ незначительныхъ размѣрахъ (*Чубинскій*, III, 261; *Маякъ*, 32; *Афанасьевъ*, II, 259; *Терещенко*, VII, 235). Въ харьковской губерніи по полету весной журавлей судятъ о предстоящемъ лѣтѣ. Въ В. и М. Россіи обычно гаданіе курицами и пѣтухами: какъ они клюютъ зерно, какъ подходятъ къ нему, когда поютъ, какъ садятся, брошенные на землю, какого цвѣта курица попадетъ въ руки ночью въ курникѣ и т. п. Важное значеніе пѣтуховъ и курицъ въ гаданіяхъ обусловлено тѣмъ, что въ древности они были предметомъ жертвоприношенія, на что есть многія указанія въ древне-русской письменности, на что указываетъ и Константинъ Порфирогенетъ. Какъ птица, очень близкая къ богамъ, пріятная имъ, пѣтухъ скорѣй людей постигалъ без-

молвную волю боговъ и открывалъ ее людямъ по запросу движеніемъ или крикомъ.

9) Въ связи съ гаданіемъ курицами стоятъ *гаданія яйцами*. Гадаютъ по тому, какую форму принимаетъ бѣлокъ, выпущенный въ стаканъ съ водой (*Чубинскій*, III, 261; *Терещенко*, VII, 252). У древнихъ грековъ было также гаданіе по яйцамъ, осконія. Жрецы клали яйцо на огонь и замѣчали, гдѣ начиналось потѣніе, сверху или съ боковъ; лопнувшее яйцо означало гибель тому, для кого совершалось гаданіе. Въ Греціи было даже руководство къ яйцегаданію, составленное Герматоромъ изъ Амфиполя (*Буше-Леклеркъ*, 148).

10) *Гаданія по водѣ* разнообразны; но при этомъ основной ихъ элементъ—вода—часто отодвигается на второй планъ по значенію, сравнительно съ тѣми предметами, которые кладутся въ воду,—углями, кольцомъ, вѣнкомъ. Вода—чистая, здоровая стихія, и ею пользуются для разгадки будущаго. Въ одной малорусской пѣснѣ вопрошаютъ криницу, и она даетъ отвѣтъ, какъ оракулъ. Въ В. и М. Россіи дѣвушки смотрятъ на святкахъ въ воду (иногда въ прорубь), съ надеждой увидѣть въ ней своихъ суженныхъ. Прислушиваются къ шуму воды на водяной мельницѣ, и по немъ заключаютъ о будущемъ лѣтѣ; по колебанію водъ 10 августа судятъ о предстоящихъ осени и зимѣ (*Аванасьева*, II, 193). Греки и германцы также гадали по журчанію ручьевъ, по гулу рѣчныхъ стремнинъ и водопадовъ. Гаданія посредствомъ бросанія въ сосудъ съ водой опредѣленныхъ предметовъ встрѣчается у африканскихъ народовъ (*Леббокъ*, Нач. цив., 173); они были извѣстны древнимъ грекамъ, при чемъ и въ Греціи, какъ нынѣ въ Россіи, соблюдались наговоры и обряды, сообщавшіе водѣ силу прорицанія (*Буше-Леклеркъ*, 152). Связь между гаданіями по рѣчному шуму и по шуму предметовъ, брошенныхъ въ сосудъ, очевидна. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимается во вниманіе не шумъ, а движеніе предмета въ водѣ, напр., въ гаданіяхъ по вѣнкамъ, брошеннымъ въ рѣку. Гаданіе по вѣнкамъ встрѣчается въ В. и М. Россіи, у болгаръ, хорватовъ, чеховъ (*Аванасьева*, II, 193), у кавказскихъ горскихъ евреевъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этн., III, 222).

11) Къ гаданіямъ на водѣ подходятъ гаданія по другимъ жидкостямъ, растопленному *воску*, *олову*, а въ рѣдкихъ случаяхъ

въ старину даже *золоту*, именно, по тѣмъ фигурамъ, которыя даетъ жидкій воскъ или олово въ холодной водѣ (*Чубинскій*, III, 260; *Терещенко*, VII, 269, 272). Въ старину гаданіе на воскъ было обычно въ помѣщичьихъ домахъ. Теперь гаданіе это рѣдко встрѣчается, по упадку ичеловодства и дороговизнѣ воска.

12) Важное значеніе имѣютъ *гаданія по огню* (печному, костровому, лучинному, свѣчному), къ которымъ примыкаютъ гаданія по дыму, сажѣ и углямъ. Въ этихъ гаданіяхъ выразились древній культъ огня и отождествленіе человѣческаго духа съ огнемъ. Заслуживаетъ вниманія гаданіе галицко-русскихъ о томъ, кто умретъ. Собираются въ хату участники въ игрѣ; дѣвушка зажигаетъ лучинки и раздаетъ ихъ присутствующимъ. Всякій держитъ лучину и поетъ:

Ай ке бымъ знавъ ежъ погину,
Запаливъ бымъ и свою хатыну:
Ней бы вона изгорѣла,
Що мене не прикутыла!

Чья лучинка скорѣе погаснетъ, тому и умереть прежде. Тогда всѣ обступаютъ его и поютъ похоронное причитаніе:

Не покидай же насъ, нашъ милейкій,
У свѣтъ не ходъ далечейкій:
Бо намъ безъ тебе, сивый голубе,
Ой тяжко, тяжко, ой тяжко буде!

И. И. Срезневскій, сообщившій это въ высшей степени замѣчательное гаданіе, добавляетъ, что въ старину, если лучина гасла у дѣвушки, то ее приготавливали къ смерти, одѣвали въ желтое и, положивши на столъ, оплакивали, какъ мертвую; иногда парубокъ немедленно дѣлалъ предложеніе, и мною умершая воскресала (*Маякъ*, 1843, XI, 54). Гаданіе по сырымъ лучинкамъ встрѣчается въ Великороссіи: ясно горитъ—долго жить, съ искрами—будутъ болязни, потухнетъ—умретъ гадающій (*Терещенко*, VII, 251). Подобнаго рода гаданія примѣняются къ свѣчѣ: столкнутся на водѣ двѣ зажженныхъ свѣчи—значить дѣвушка выйдетъ замужъ (*Чубинскій*, III, 259); у кого изъ молодыхъ подъ вѣнцомъ болѣе сгоритъ свѣчи, тому ранѣе умереть. Всѣ гаданія этого рода, очевидно, основаны на понятіи о жизни и о духѣ, какъ огненныхъ элементахъ. Къ этимъ гаданіямъ примыкаютъ гаданія по тому,

какъ изъ печи, когда она топится, летять искры (въ В. и М. Россіи), что предвѣщаетъ гостей, гаданія по тому, какъ подъ Р. Хр. горить въ печи бревно—баднякъ (въ Сербіи), какъ долго жевріють уголья отъ бадняка (*Ястребовъ*, 34), что заранѣе опредѣляетъ степень плодородности предстоящаго года.

13) *Зола*, какъ предметъ близкій къ огню и печкѣ, входитъ во многія гаданія, напр., въ гаданіе съ хлѣбной лепешкой калетой (*Чубинскій*, III, 259), когда мажутъ сажей лицо; иногда золу бросаютъ съ угольями въ сосудъ съ водой для гаданія; посыпаютъ башмаки золой и ставятъ ихъ на ночь подъ кроватью; на чьихъ башмакахъ утромъ остается больше золы, той дѣвушкѣ предстоитъ счастливая жизнь (*Терещенко*, VII, 266). Обычай мазать лицо сажей во время рождественскихъ игръ и гаданій распространенъ былъ у многихъ народовъ (*Спенсеръ*, Опис. соц., 168; *Веселовскій* въ 32 т. Сборн. акад. наукъ). Важное значеніе золы—связь ея съ домовымъ—открывается въ одной латышской сказкѣ о домовомъ: хозяинъ бросалъ домовому на дворъ на кучу золы лучшія части кушаньевъ и жилъ благополучно; преемникъ его посмѣялся надъ домовымъ и ударилъ ногой о кучу золы, и у него стали болѣть ноги (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этн., II, 81). У иранцевъ, имѣвшихъ очень развитый культъ огня, зола входила въ народныя повѣрья и обряды. Въ Авестѣ зола часто называется покрываломъ огня. Женщинамъ, родившимъ мертвого ребенка, золу давали внутрь для очищенія (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 113).

14) У славянъ, въ частности русскихъ, какъ народа земледѣльческаго, важное значеніе имѣютъ *гаданія по хлѣбу*, въ разныхъ его видахъ, на хлѣбныхъ зернахъ, мукѣ, хлѣбныхъ лепешкахъ. Гаданія по хлѣбу весьма разнообразны: смотрять, какъ выпекается хлѣбъ, какъ куры клюютъ хлѣбное зерно, пьютъ пшеничную муку съ водой и солью на ночь, готовятъ хлѣбные шары или фигурки по числу парней и пр. и потомъ гадаютъ о замужествѣ, урожаѣ, здоровьѣ, жизни и смерти и пр. Гаданія по хлѣбу встрѣчаются у многихъ народовъ въ сходныхъ формахъ: малоруссовъ (*Чубинскій*, III, 259; *Маякъ*, 31, 39; *Аванасьевъ*, III, 744), великоруссовъ (*Терещенко*, VII, 240, 242, 254), французовъ (*Revue des trad. popul.*, 1888, 7, 12), кавказскихъ

горскихъ евреевъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер., III, 303), у древнихъ грековъ (*Буше-Леклеркъ*, 149). Съ гаданіями по хлѣбнымъ зернамъ сходны гаданія по льну (*Чубинскій*, III, 259; *Маякъ*, 32) и по коноплянному сѣмени (*Маякъ*, 30; *Основа*, 1862, IV, 91).

Нѣтъ, кажется, такого мелкаго неодушевленнаго предмета, относительно котораго съ увѣренностью можно было бы сказать, что онъ никогда не входилъ и не входитъ въ гаданія. Въ классической древности было вѣрованіе, что „божественный духъ входитъ ради предсказанія въ дерево, камни, муку“. Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе любопытныя малорусскія и сродныя съ ними гаданія по неодушевленнымъ предметамъ.

14) *Гаданіе на рѣшетѣ* обычно въ В. и М. Россіи, преимущественно для опредѣленія вора. Держать на одномъ пальцѣ рѣшето и произносить имена подозрѣваемыхъ въ воровствѣ лицъ. Рѣшето понемногу поворачивается и потомъ останавливается, замѣчаютъ, на какомъ имени, и носителя его считаютъ воромъ. Гаданіе по рѣшету, коскиномантія, извѣстно уже пастухамъ Θεокрита. Оно состояло въ наблюденіи движенія и остановки рѣшета, повѣшеннаго на ниткѣ (*Буше-Леклеркъ*, 150). Гаданіе это было обычной ордаліей въ средніе вѣка. Въ „Гудибрасѣ“ описывается „оракуль рѣшета и ножницъ, который вертится такъ же вѣрно, какъ сферы“ (*Кулишеръ*, Очерки срав. этн., 135). Гаданіе это встрѣчается еще въ Англіи (*Тэйлоръ*, Антропология, 420), въ Германіи и въ Аравіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 344).

16) Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчается указаніе на существованіе *гаданія по камню*, безъ объясненія, въ чемъ оно состояло, какъ и о чемъ гадали. Намекъ на такое гаданіе, повидимому, кроется въ пѣснѣ: „Ой пиду я въ лисокъ“, именно, въ словахъ:

Брешить, брешить, вориженькы,
Стоить камень край дориженькы,
Прыпадайте та и гадайте,
Тилькы мене не обсуждайте (*Чубинскій*, V, 145).

Повидимому, гаданіе здѣсь состоитъ въ прислушиваніи къ камню. Подобнаго рода гаданіе въ приложеніи къ дереву было въ древней Греціи. Въ Греціи было также обычно гаданіе по камнямъ, или лисомантія (*Буше-Леклеркъ*, 151).

17) Гадають по *полтнѣмъ* дровъ (гладкое полѣно—добрый мужъ, суковатое—злой), по *кольямъ* въ плетнѣ (по послѣднему, четному или нечетному, или прійдется оно на словѣ молодець или вдовецъ); такъ гадають въ Малороссіи (*Чубинскій*, III, 260, 261: *Маякъ*, 31, 39; *Основа*, 1862, IV, 90), въ Великороссіи (*Аванасьева*, II, 485; *Терещенко*, VII, 233, 249). Гаданіе по палкамъ встрѣчается, между прочимъ, у африканскихъ народовъ (*Леббокъ*, Нач. цив., 175).

Гаданіе на зеркалѣ, весьма распространенное въ старинное время въ помѣщичьей средѣ, простому народу, особенно малороссамъ, почти неизвѣстно, за отсутствіемъ самихъ зеркалъ; въ немногихъ хатахъ есть зеркальце, обыкновенно весьма маленькое.

144.

Сравнительно-этнографическія, аналогіи и параллели къ русскимъ, въ частности малорусскимъ, примѣтамъ и повѣр'ямъ.

Многія гаданія по краткости и простотѣ переходятъ въ примѣты. Къ примѣтамъ примыкаетъ множество мелкихъ повѣрій и суевѣрій. Прежде чѣмъ приступать къ объясненію происхожденія и значенія народныхъ примѣтъ и повѣрій, нужно хотя приблизительно опредѣлить ихъ этнологическое и территоріальное распространеніе. Менѣе всего можно говорить о народности примѣтъ и повѣрій. Громадное ихъ большинство имѣетъ космополитическій характеръ и любопытны въ культурно-психологическомъ отношеніи, а не въ этнографическомъ и не въ историческомъ. Въ подтвержденіе этой мысли мы приведемъ нѣсколько десятковъ малорусскихъ повѣрій и примѣтъ, съ указаніемъ тождественныхъ инородныхъ. Такъ какъ приводимыя ниже примѣты и повѣр'я встрѣчаются не только въ М. Россіи, но и въ Великороссіи, и въ Бѣлоруссіи, то для краткости мы будемъ ихъ называть просто русскими и ставить безъ особаго обозначенія въ первой строкѣ:

1) Заяцъ, встрѣтившійся на дорогѣ или пробѣжавшій мимо дома, означаетъ несчастье, неудачу; тоже въ Болгаріи (*Шишковъ*, Родопски Старини 1887, I, 12, *Любеновъ*, Баба-Яга, 1887, 41), во Франціи (*Wolf*, Beiträge, I, 251), въ Англіи въ XIV ст. и позднѣе (*Спенсеръ*, Опис. соц., 212), въ Норвегіи (*Liebrecht Zur Volks-*

kunde, 314); (въ древней Греціи очень боялись ласочки; *Буше-Лека*, 258); въ Пруссіи (*Krause*, въ *Zeitschr. f. Ethn.* 1883, 87).

2) Пѣніе курицы предвѣщаетъ бѣду, несчастье; тоже въ Болгаріи (*Любеновъ*, 41).

3) Не даютъ изъ дома огня, особенно подъ вечеръ; тоже въ Норвегіи (*Liebr.*, 316).

4) Когда корова даетъ молоко съ кровью, его выливаютъ въ огонь, въ наказаніе испортившей корову мѣдью; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 315).

5) Выпавшій у ребенка зубъ бросаютъ на печку, приговаривая: на тебѣ мышка, костяной, а мнѣ дай желѣзный; то же дѣлаютъ и въ Норвегіи, приговаривая: на тебѣ, мышка, костяной, а мнѣ дай золотой (*Liebr.*, 319); то же въ Пруссіи (*Krause*, въ *Zeitschr. f. Ethn.*, 1883, 79).

6) На Волыни на Ивана Купала кладутъ передъ дверьми кожевниковъ косу (*Kopern.*); въ Норвегіи ножъ или топоръ (*Liebr.*, 320).

7) Подъ Рожд. Хр. на дверяхъ и окнахъ пишутъ мѣломъ кресты; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 320); въ Пруссіи 30 апр. и 1 мая пишутъ кресты на одеждѣ и обуви дѣтей (*Krause*, 84).

8) Во время зѣвоты закрываютъ и крестятъ ротъ; то же въ Норвегіи, Германіи, Ирландіи, Италіи, Испаніи, Индіи, въ Африкѣ—въ Лоанго и др. мѣстахъ (*Liebr.*, 321).

9) Встрѣтиться съ мужчиной при отправленіи въ путь—хорошо, съ женщиной дурное предзнаменованіе; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 328), въ Англіи въ XI—XIV вв. (*Спенсеръ*, 212), въ Пруссіи (*Krause*, 89).

10) Когда кто уѣзжаетъ или выбирается изъ квартиры, не слѣдуетъ подмѣтывать вскорѣ комнаты; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 323), въ Германіи (ib).

11) Домовой заплетаетъ гриву любимой лошади; не слѣдуетъ ее распутывать; то же въ Норвегіи дѣлаютъ карлики (*Liebr.*, 324).

12) Шумъ въ правомъ ухѣ общаетъ радостную вѣсть, въ лѣвомъ дурную; то же въ Норвегіи означаетъ зудъ въ ухахъ (*Liebr.*, 327); въ Пруссіи шумъ въ ухахъ значить, что кто нибудь думаетъ, воспоминаетъ (*Krause*, 88).

13) Чешется правая ладонь—получать деньги, лѣвая—отдавать; то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), Норвегіи (*Liebr.*, 327).

14) Чешется переносье—будетъ вѣсть о смерти кого либо; въ Норвегіи—означаетъ гнѣвъ, досаду (*Liebr.*, 327); въ Пруссіи вѣрять, что носъ чешется передъ новостями (*Krause*, 90).

15) Крикъ сороки предвѣщаетъ гостей, то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), въ Норвегіи (*Liebr.*, 327).

16) Кошка умывается—будутъ гости; то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), Норвегіи (*Liebr.*, 328).

17) Трещать въ печи дрова—будутъ гости; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 328).

18) Дождь во время вѣнчанія общаетъ молодымъ счастливую жизнь (иногда обратно, слезы). Первое повѣріе встрѣчается въ Норвегіи, Греціи (*Liebr.*, 328), второе въ Пруссіи (*Krause*, 85).

19) Бѣлыя пятнышки на потяхъ общаютъ подарки; то же въ Германіи, Англіи, Норвегіи; на Фаросскихъ островахъ называютъ ихъ Norgaspor (Norgensporren) и говорятъ, что они указываютъ на счастье человека (*Liebr.*, 329).

20) Кто свястити или качаетъ ногами—забавляетъ черта; то же въ Норвегій (*Liebr.*, 332), Греціи (*ib.*, 200).

21) Три свѣчи на одномъ столѣ предвѣщаютъ несчастіе или смѣръ; то же во Франціи (*Wolf*, *Beiträge*, I, 248).

22) Качать пустую колыбель—ребенокъ будетъ болѣть или умереть; то же въ Шотландіи, Голландіи, Швеціи, Германіи, Китаѣ (*Liebr.*, 361).

32) У насъ принято ломать скорлупу съѣденнаго яйца, безъ объясненія причины. Въ Португаліи также ломаютъ скорлупу яйца, чтобы въ немъ не поселился вѣдьма (*Liebr.*, 375). Что и въ Малороссіи нѣкогда также объясняли ломку скорлупы, видно изъ другаго сходнаго повѣрья, которое я слышалъ въ харьковской губерніи: не слѣдуетъ вѣшать возлѣ иконъ пустыхъ писанокъ, чтобы въ нихъ не поселились злые духи. Въ Германіи, Голандіи и Англіи также ломаютъ скорлупу (*ib.*).

24) Трескъ дерева (мебели) предвѣщаетъ несчастіе. Древніе греки также считали вѣшамъ трескъ деревянныхъ предметовъ (*Буше-Лекл.*, 146).

25) Повѣрье въ счастливые и несчастные дни было также въ древней Греціи (*Буше-Лекл.* 169); встрѣчается въ Норвегіи, Германіи и мн. др. странахъ (*Liebr.* и др.).

26) Волчій зубъ вѣшаютъ на шею дѣтямъ для облегченія зуборошенія; въ Пруссіи вѣшаютъ лисій зубъ (*Krause*, 84).

27) Нехорошо сидѣть за столомъ въ числѣ 13; кто нибудь изъ этого числа скоро умретъ; то же во Франціи, Германіи (*Krause*, 86).

28) Падаютъ деньги передъ деньгами, то же въ Пруссіи (*Krause*, 87).

29) Разбить стаканъ на родинахъ или на свадьбѣ—къ счастью; то же въ Пруссіи (*Krause*, 88).

30) Вставшій утромъ съ постели лѣвой ногой—цѣлый день бываетъ неловокъ и терпитъ неудачи; то же въ Пруссіи (*Krause*, 90).

31) Разсыпать соль—ссора будетъ; то же въ Пруссіи (*Krause*, 91).

32) Тяжелыя сны производятъ домовой, который ночью давить спящаго; въ Пруссіи—Альпъ (=домовой) (*Krause*, 92).

33) Крикъ кукушки опредѣляетъ число лѣтъ жизни; въ Пруссіи число лѣтъ до замужества (*Treichel*, въ *Zeitschr. f. Ethn.* 1884, 129).

34) Пересаливаетъ кухарка кушанья—значитъ влюблена; то же въ Пруссіи (*Treichel*, *ib.*, 130).

35) Двумъ сестрамъ не слѣдуетъ вѣнчаться въ одинъ день; въ противномъ случаѣ одна изъ нихъ скоро умретъ; то же въ Пруссіи (*Treichel*, 130); въ Парижѣ (въ *Revue d. trad. popul.*, 1888, 289).

36) Невѣсты въ башмакъ кладутъ монету; то же въ Пруссіи (*Treichel*, 131)

37) Перваго торго „не цураются“, и по немъ судятъ объ успѣхахъ въ торговлѣ; то же въ Парижѣ (*Sibellot*, въ *Revue d. trad. popul.* 1888, 96).

145.

Поговорка про женскую разговорчивость.

Въ Малороссіи говорятъ: „якъ двѣ бабы та гуска, то весь базаръ“, „двѣ бабы торгъ, а три ярмарка“ (*Номисъ*, Приказки, §§ 9083—84). Ошибется тотъ, кто станетъ дѣлать выводы по этимъ пословицамъ о малорусскомъ народномъ юморѣ, малорусскомъ воззрѣніи на женщину. Точно такія поговорки встрѣчаются у многихъ другихъ народовъ. У англійскаго писателя XVIII ст. Свифта находится, между прочимъ, такая фраза: „Three women and a goose are enough to make a market“ (т. е. три женщины и гусь — цѣлый торгъ, или базаръ). Нидерландская пословица XV вѣка гласитъ, что „dreier wive gherucht maket een jaermerkt“ (три женщины — базаръ и ярмарка). Такія же пословицы въ настоящее время встрѣчаются въ Германіи и въ Италіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 495)

146.

Флѣндра, флѣрка, финдюрка.

Слова флѣндра, флѣрка и финдюрка употребляются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи для означенія развратной женщины, потаскухи (*Запревскій*, Старосв. бандур., 565; *Основа*, 1861, II). Въ словац. и польскомъ *flandra* (*Янчукъ*, Корниц. свад., 95; *Bartoszewicz*, Słownik). Г. Янчукъ уже воспользовался объясненіемъ Коллара, что слово фландра указываетъ на фламандца. Колларъ говоритъ, что названіе фламандца сдѣлалось позорной кличкой съ очень давнихъ временъ, вслѣдствіе усиленнаго наплыва жителей Фландріи въ славянскія земли (особенно около 1154 г.), гдѣ они бродили часто цѣлыми бандами и продѣлывали разныя непозволительныя вещи. У нѣмцевъ существуетъ пословица о непостоянствѣ фламандцевъ въ любви, „flandrische Liebe“ — невѣрная, непостоянная любовь (*Янчукъ*, Корн. свад., 95). Слова флѣрка и финдюрка, полагаю, представляютъ искаженіе слова флѣндра, обусловленное презрительнымъ его значеніемъ.

147.

Б а б ь е л ь т о .

Въ Малороссіи „бабыне лѣто“ бываетъ 1—8 октября. О происхожденіи этого названія К. Сементовскій, со словъ крестьянъ лубенскаго у. полтавской губ., сообщаетъ слѣдующее преданіе: когда то давно, очень давно въ эти дни случился сильный холодъ, а плоды съ деревьевъ не всѣ были собраны и неминуемо должны были пропасть; вотъ бабы, собравшись, стали молить Бога, чтобы было тепло; вдругъ по ихъ прошенію холодъ исчезъ, сдѣлалось тепло, какъ лѣтомъ, и плоды были собраны; тогда то недѣля послѣ Покрова и прозвалась „бабынымъ лѣтомъ“ (*Маякъ*, 1843, XI, 30). Въ харьковской губ. бабымъ лѣтомъ называютъ первые теплые солнечные дни послѣ Покрова.

Въ Великороссіи бабье лѣто начинается въ однихъ мѣстахъ 1 сентября, въ другихъ 8 сентября и продолжается недѣлю. Въ Польшѣ и Чехіи подъ именемъ бабьяго лѣта разумѣютъ продолжительную теплую погоду осенью (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., V, 144). Въ Болгаріи послѣдніе дни мѣсяца марта называются „бабини дни“. Они обыкновенно бываютъ холодными и вѣтреными. По народному повѣрью эти дни взяты у апрѣля такимъ образомъ: Одн. старуха, на исходѣ марта, когда наступила хорошая погода и потеплѣло, сказала своимъ козамъ: „цицъ козица на планина, пѣрдни марту на брадина“ (т. е. ну-те, козочки, на горныя пастбища, нап....е въ бороду марта), и погнала козъ въ горы. Мартъ обидѣлся такимъ пренебреженіемъ къ нему старой бабы. „Апрѣль, мой побратимъ, сказалъ онъ, займи мнѣ денька три, чтобы сгубить эту старуху“. Апрѣль согласился. Сейчасъ же начался такой холодный вѣтеръ со снѣгомъ, что старушка замерзла вмѣстѣ со своими козами. Говорятъ, что до сихъ поръ видны каменообразныя фигуры старухи и козъ на Шаръ-планинѣ, между Албаніей и Македоніей (*Миладиновы*, Болг. нар. пѣсни, 523). Терещенко упоминаетъ о такомъ же преданіи у „карпатскихъ славянъ (?)“, безъ указанія источника (*Терещенко*, V, 144).

Нѣмцы издавна признаютъ „старое бабье лѣто (alter Weiber-Sommer). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи въ замѣнъ его является

Frauentag, Frauenabend, одинъ день или только нѣсколько часовъ въ году женскихъ; но въ это время мужья обязаны подчиняться женамъ и безпрекословно исполнять ихъ желанія и приказанія. Въ Брюсселѣ 19 января женщины считаются полновластными лицами, и мужья должны имъ повиноваться въ это время (*Liebrecht, Zur Volkskunde, 379*).

Терещенко приводитъ два мнѣнія о происхожденіи бабьяго лѣта, опровергая ихъ: первое, что бабье лѣто въ сентябрѣ является остаткомъ прежняго, отмѣненнаго Петромъ Великимъ лѣтосчисленія съ 1 сентября, и второе, что въ сентябрѣ видно на небѣ созвѣздіе Бабы т. е. Плеяды. Собственное мнѣніе Терещенка (V, 144) состоитъ въ томъ, что бабьимъ лѣтомъ начало октября названо потому, что въ это время бабамъ приходится много трудиться, какъ лѣтомъ. Очевидно, и это мнѣніе неудовлетворительно. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе Либрехта, что бабье лѣто является остаткомъ господства женщинъ, гинекократіи, о чемъ подробнѣйшее изслѣдованіе см. въ соч. Бахофена „*Mutterrecht*“.

Отъ „бабьяго лѣта“ и „бабьихъ дней“ слѣдуетъ отличать встрѣчающіяся въ Россіи и въ Болгаріи угощенія въ опредѣленные дни повивальныхъ бабокъ, которые также иногда называются „бабиньими“. Въ Россіи такіе дни бываютъ обыкновенно на 7 или 40 день послѣ родинъ при обрядовыхъ размыивкахъ и одмывкахъ, въ Болгаріи на третій день Нового года.

148.

Лѣсъ—*bonum nullius*.

Извѣстно, что простой народъ дѣлаетъ большое различіе между воровствомъ, напримѣръ, сноповъ въ полѣ, колодокъ съ медомъ, и воровствомъ, напримѣръ, рыбы въ чужомъ прудѣ или лѣса. Первое считается преступленіемъ, и виновный подвергается презрѣнію, насмѣшкамъ и наказаніямъ, а на покражу лѣса смотрятъ сквозь пальцы, особенно, когда лѣсъ рубятъ на дрова въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Различіе тутъ опредѣляется степенью труда человѣка, при томъ личнаго. Хотя въ настоящее время раціональный уходъ за

лѣсомъ требуетъ большихъ хлопотъ и расходовъ, но даже и при такомъ уходѣ за лѣсомъ, крестьяне сохраняютъ на него древнюю точку зрѣнія, какъ на Божій даръ, въ родѣ воды, солнечнаго свѣта, который раститъ мать земля на общую потребу, и всѣмъ можно имъ пользоваться. Любопытно, что точно такое воззрѣніе на лѣсъ имѣютъ крестьяне въ Пруссіи, въ окрестностяхъ Берлина. Здѣсь также думаютъ, что лѣсъ не имѣетъ хозяина (*herenloses Gut*). „Онъ растетъ для всѣхъ“, говорятъ прусскіе крестьяне, и покражу лѣса потому не считаютъ преступленіемъ (*Krause, Zeitschr. für Ethnol., 1883, 88*).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.¹⁾

Сколько мнѣ извѣстно, домашнихъ лѣчебниковъ, особенно малорусскихъ, издано у насъ до сихъ поръ не много²⁾).

Время, когда переписаны или составлены печатаемые въ приложеніи лѣчебники, видно изъ слѣдующаго. Въ заглавіи тетради № V „Врачебникъ и пр.“ стоитъ 1776 годъ. Тетради №№ I—IV писаны разными почерками около того же времени. На испорченномъ и употребленномъ вмѣсто обложки полулистѣ тетради № III, на которомъ 1-мъ почеркомъ, какимъ писана вся тетрадь, начаты „Записки о лѣкарствахъ на разныя болѣзни“,

¹⁾ Статья эта служить предисловіемъ къ помѣщаемымъ въ приложеніяхъ текстамъ самихъ лѣчебниковъ, любезно доставленныхъ редакціи почтеннымъ авторомъ. Въ настоящей 1-ой книжкѣ журнала за текущій годъ мы помѣщаемъ часть этихъ текстовъ, надѣясь въ слѣдующихъ двухъ или трехъ книжкахъ закончить ихъ и прося, между прочимъ, любителей рукописной старины впредь сообщать редакціи всякія дополнителныя свѣдѣнія и замѣтки по этому вопросу. — *Ред.*

²⁾ Изъ малорусскихъ — только:

П. А. Сырку. Отрывокъ малорусскаго простонароднаго лечебнаго травника и два заговора. По ркп. нач. XVII в. Филологич. Записки 1883 г. вып. I, стр. 1—4 (предисл.) и 5—12 (текстъ).

Изъ великорусскихъ:

а) *Изъ лѣчебника* (XVII в.) по Синод. рук. № 480, *Буслаевъ*, Ист. христ. 1861 г., стр. 1351—4.

б) *В. Соколовъ*, Матеріалы для исторіи старинной русской лѣчебной литературы. Лѣчебникъ № 480 московской патріаршей (нынѣ Синодальной) бібліотеки (Описаніе). Варшавскія Университ. Изв. 1872, № 6, стр. 65—115.

2-мъ почеркомъ лица, пользовавшагося этою тетрадью и сдѣланнаго приписки подъ 4-мя статьями, въ серединѣ и въ концѣ, сдѣлано нѣсколько замѣтокъ, въ коихъ значатся годы 1767 и 68¹⁾).

Изъ этихъ замѣтокъ видно, что писавшій принадлежалъ къ полковой или сотенной старшинѣ и, судя по мѣсту, гдѣ найдены тетради (хуторъ за Борозенкою, между Ромномъ и Хмеловомъ) и по фамиліямъ, упомянутымъ въ замѣткахъ, носимымъ и теперь тамошними козаками (Сарана за Борозенкою, Дзюба въ Засулѣ), жилъ въ нынѣшнемъ роменскомъ уѣздѣ.

Назвать эти лѣчебники „простонародными“, какъ это дѣлаютъ относительно своихъ гг. Сырку и Флоринскій безъ достаточныхъ основаній, считаю невозможнымъ. Мои тетрадки приблизительно отвѣчаютъ на вопросъ, чѣмъ лѣчились „Старосвѣтскіе помѣщики“, родители Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, да и они сами. Устная, простонародная традиція оставила здѣсь мало слѣдовъ, къ числу коихъ относится заговоръ отъ чадежа, записанный, какъ дѣйствительное медицинское

в) *В. М. Флоринскій*. Русскіе простонародные травники и лѣчебники. Собрание медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія. Казань. 1879, XVIII+229 (Изв. и Уч. Зап. И. Каз. ун. 1879, янв., авг. и 1880, ноябрь, декабрь). Здѣсь между прочимъ «Книга глаголемая прохладный вертоградъ» (Hortus athenus), 1672 (переводъ съ нѣмецкаго).

¹⁾ «Грядко шинкаръ за 3 кадки горѣлки, всякая кадка по 5 р. 80 ко, и того 17 р. 40 ко».

«Реестръ, сколько от полковой канцеляріи мною на умершихъ старшины и козаковъ денегъ принято, под симъ явствует, 1767 году, ноября 9».

«Умершого А. Саранчи по вслужен(ню?) Александра Цвѣлинского (пропускъ) 2 р. 70 ко. пропало 80 ко. дано женѣ его Бежа на Федора Тимошенка 6 р. 60 ко...

... «Умершого Верешаки Павленка 3 р. Козловского 4 р. умершого Дзюби его жи... 7 р. 80 к... Итого 24 р. 10 к.

Трохимъ Балабанъ горлки узялъ кварть 7.

в домъ посылается 768 году мая 28 числа ... риби коропповъ 10, шчуки и другои риби 23, смушковъ малихъ сто девять, большихъ 4, старихъ мерлицъ 7, мѣшковъ порожиѣхъ на рибу 2, починак 1..., вовни сто трицят чотирѣ ... лону белого пучковъ великихъ 10, малихъ 4 ... 14 рубашок ... шкура велика с кобили белой и маленка с лошахи».

средство (подъ значкомъ Rr. (resipe) владѣльцемъ тетради № III, подъ числомъ 153. Подобными же значками тою же рукою отмѣчены и нѣкоторыя другія, повидимому испытанныя, средства, между прочимъ и *живые* выюны отъ падежа скота.

Способъ, какимъ составлены эти тетрадки, виденъ изъ тетрадки № IV, представляющей выборки частью изъ тетр. I—III, частью изъ другихъ источниковъ. Разнородность письменныхъ источниковъ, восходящихъ къ XVII и даже (посредственно) къ XVI вѣку, видна изъ разнородности и непоследовательности языка. Такъ, въ заглавіяхъ статей рядомъ съ „на (то-то)“, „отъ (того-то)“, „естли“, „коли...“, „ежели кто...“ стоитъ и старинный дательный цѣли „сухотамъ“, „урокамъ“; при „итемъ“ (item)—„также“ и „также“; при туземныхъ или польскихъ словахъ—слова, взятые изъ источниковъ великорусской редакціи: водка въ знач. воды (напр. рожевая) и водка горилка, олѣекъ (рожевой) и масло (рожевое), пожить и насморкъ, поживать, уживать и употреблять, принимать, кушати, поки и покамистъ; треба, потрѣбно и надобно, трохи и немножко, добре и горазда, очи и глаза, хлѣба осередокъ и мякишъ булки и т. п.

Въ средѣ нѣсколько выше той, на какую указываютъ наши тетрадки, медицинскія свѣдѣнія могли заимствоваться не только изъ переводныхъ сочиненій, въ родѣ Hortus amoenus (см. выше прим. 1, в), но и прямо изъ иностранныхъ книгъ, популяризировавшихъ медицину и естествознаніе своего времени. Изъ такихъ книгъ у меня подъ рукою:

„Curieuses und reales Naturkunst-Berg-Gewerck und Handlung-Lexicon etc... nebst einem ausführlichen Vorbericht Herrn Iohann Hübners (1-е изд. 1712 г., у меня 1746);

Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften etc. 1778.

Подобныя книги довольно убѣдительно доказываютъ, что понятія „научности“, „раціональности“, доказанности“ весьма измѣнчивы и если наше время не составляетъ исключенія, и впредь будутъ таковы. Въ нихъ иное, какъ „beschreyen“ (уроки) называется уже смѣшнымъ предразсудкомъ, но сообщается, какъ научная истина или вѣроятное мнѣніе знающихъ людей,

многое такое, что, просочившись сквозь разные слои общества, теперь доживает свой вѣкъ на днѣ его.

Такъ изверженія, употребляемыя нынѣ, кажется, только простымъ народомъ (ср. Чубинскій, Тр. etc., I, 113), нерѣдко упоминаемыя въ нашихъ тетрадкахъ („цсее, мишачее, заячее лойно“), считались рациональнымъ средствомъ еще въ XVIII в. и носили вѣжливыя названія, какъ „album graecum“ (собачье), „album nigrum“ (muscerda). Были спеціальныя медицинскія сочиненія, какъ „Dreck-apotheke“ нѣкоего Paullini, гдѣ достоинство такихъ средствъ, говоря по нынѣшнему „war kritisch beleuchtet und wissenschaftlich bewiesen“. Такъ съ точки зрѣнія „Curieuses Lexicon“ рациональны и многія другія животныя лѣкарства; ср. напр. сова внутри отъ слабости зрѣнія и (въ Lex.) ulula; „гнѣздо ластовино“ и schwalbenuerst; „ужова шкура“ exuviae serpentum; паукъ и spinne; пѣдвядковой олѣкѣ и tağan-tismus; „на колѣу—зубъ вепровой, щока щучая“ и lucius, tadibulae lucii (аптечное средство); ѣжъ и igel; „лосяное копыто“ и elend и др.

Въ нынѣшней простонародной медицинѣ правило „similia similibus curantur“ понимается не только въ смыслѣ „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись“ (напр. „мозгомъ укусившей змѣи мажутъ укушенное мѣсто“, Чубинск., Тр., I, 122), но и такъ, что болѣзнь, характеризуемая извѣстнымъ признакомъ, напр. колотье, краснотою, синевою или желтизною опухоли или сыщи, излѣчивается пріемомъ, иногда минимальнымъ, даже идеальнымъ (въ приглядку), вещи, характеризуемой тѣмъ же признакомъ, напр. „отъ жовтаниць—коралі, крокісь, жовтокъ“ (Чуб., Тр., I, 113) или—*смотрѣть* въ вычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ плаваютъ *красноперый* окунь.

Въ нашихъ тетрадкахъ сюда—„папранъ“ отъ жовтаниць и на рожу; отъ той же болѣзни „паперъ лазуровой“; „отъ жовтой роби—з судна золотого пити“. Въ Curieuses Lexic. „Saffran-tuch, linteum Crocatum Mynsichti.. Es soll ein ganz admirabel mittel wider die Rose и die Gicht-schwerzen segn“.

А. Потебня.

Беата и Гальшка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ XVI В.

ЯК. КАРО.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Если бы предлагаемый рассказъ былъ основанъ на вымышленныхъ событіяхъ, автора справедливо можно было бы упрекнуть въ нарушеніи перваго условія всякаго истиннаго искусства—чувства мѣры. Между тѣмъ, дѣйствительная жизнь, какъ увидитъ читатель, выдвигаетъ иногда положенія до такой степени чрезвычайныя, что они показались бы даже неумѣстными въ произведеніи поэтическаго творчества. Въ этомъ отношеніи историкъ имѣетъ передъ романистомъ драгоцѣнное преимущество, которое съ избыткомъ вознаграждаетъ его за другія неудобства, неизбѣжно связанныя съ обязательной для него манерой изложенія: историкъ передаетъ читающему факты дѣйствительной жизни, онъ обязанъ говорить правду. Авторъ рассчитываетъ на вниманіе къ предлагаемому рассказу именно потому, что послѣдній всецѣло основанъ на фактахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Рассказъ составленъ по матерьяламъ, строго провереннымъ исторической критикой и не подлежащимъ спору, по официальнымъ грамотамъ, писмамъ, показаніямъ свидѣтелей, отчетамъ пословъ и т. п.; большая часть этихъ данныхъ собрана и опубликована въ трудѣ покойнаго гр. Александра Шведцѣ-

каго: „Jagiellonki polskie w XVI wieku“, т. II и IV. Лично отъ себя авторъ ничего не добавилъ; онъ старался по возможности точно воспроизвести характеръ и колоритъ матерьяловъ, которыми пользовался, и даже умышленно придерживался сухого тона своихъ источниковъ: лишь такимъ путемъ считалъ онъ возможнымъ убѣдить читателя, что вводитъ его въ міръ дѣйствительныхъ событий ¹⁾).

I.

Въ кругу дамъ, составлявшихъ свиту польской принцессы Изабеллы на свадьбѣ ея съ Іоанномъ Заполя въ началѣ 1539 года, особенно блистала красотой Беата Косцелецкая, дочь каштеляна войницкаго. Заботу объ ея воспитаніи приняла на себя королева Бона Сфорца, несмотря на то, а быть можетъ именно потому, что злые языки говорили, будто въ жилахъ Беаты те-

¹⁾ *Отъ переводчика.* Считаемо нелишнимъ сообщить здѣсь краткія свѣдѣнія объ авторѣ предлагаемой повѣсти, который въ то же время является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ и плодотворнѣйшимъ изслѣдователемъ исторической Польши.—Д-ръ Якобъ Каро, нынѣ профессоръ исторіи въ бреславльскомъ университетѣ, род. 2 февраля 1836 г. въ польскомъ городѣ Гнѣзненѣ. Первый его историческій трудъ „Das Interregnum Polens im Jahr 1586, oder die Häuser Zborowsky und Zamojsky“ (Gotha, 1861) доставилъ Каро репутацію серьезнаго изслѣдователя, такъ что издатели извѣстной „Geschichte der europäischen Staaten“, Гееренъ, Укертъ и В. Гизебрехтъ, поручили ему продолженіе блистательно начатой, но прерванной смертію Рёппеля на первомъ томѣ „Geschichte Polens“ (въ общей серіи вып. 17-й), трудъ, надъ которымъ Каро съ значительнымъ успѣхомъ работаетъ до настоящаго времени: дальнѣйшіе томы „Исторіи Польши“ соч. Каро продолжаютъ выходить въ той же серіи. Въ интересахъ порученнаго ему труда, Каро совершилъ поѣздки въ Галичину и южную Россію и въ 1863 году выступилъ доцентомъ по кафедрѣ исторіи въ Іенѣ; въ 1864 г. онъ совершилъ поѣзду на югъ Россіи и затѣмъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Іенѣ, а съ 1878 года профессоромъ въ Бреславлѣ. Кромѣ упомянутыхъ выше, извѣстны еще слѣдующіе его труды: „Johannes Longinus. Ein Beitrag zur Litteraturgeschichte“ (Іена, 1863); „Lessing und Swift. Studien über Nathan den Weisen“ (Іена, 1869; замѣтимъ здѣсь, что Каро по происхожденію еврей); „Liber cancellariae Stanislai Ciolek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der hussitischen Bewegung“; 2 т. (Wien, 1871—74), „Katharina II von Russland“, диссеpt. (Breslau, 1876), „Aus der Kanzlei Kaiser Sigismunds. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Constanzer Concils“ (помѣщ. въ Archivъ für österreich. Geschichte 1879 г.); „Das Bündniss zu Canterbury“ (Gotha, 1880); „Ueber eine Reformationsschrift des 15

четь кровь короля Сигизмунда ¹⁾). Беатѣ шелъ въ ту пору двадцать четвертый годъ, и ея манера держать себя и осанка по-видимому подтверждали такую молву. Польскій подражатель Кортеджіано, Горницкій, сообщаетъ, что къ Беатѣ всѣ относились съ такимъ почетомъ, какой подобалъ-бы развѣ королевской родственницѣ, а поэтъ Андрей Крицкій, посвятившій ей такъ наз. „прозу“ въ латинскихъ виршахъ, воспѣваетъ Беату, которая, по его словамъ, умѣла вскружить голову даже старцу и мудрецу.

Она была въ замужествѣ за старостой брацлавскимъ и винницкимъ, кн. Ильей Острожскимъ, сыномъ литовскаго коронаго гетмана Константина Острожскаго, побѣдителя при Оршѣ, Вишневецѣ, Ольшаницѣ и въ другихъ сраженіяхъ. Король называлъ кн. Константина „столпомъ отечества“, о немъ говорили какъ о „русскомъ Сципионѣ“. Князья Острожскіе производили родъ свой отъ Рюриковичей; въ эпоху соединенія Литвы съ Польшей при Владиславѣ-Ягайлѣ они тѣсно примкнули къ великокняжескому уряду въ Вильнѣ и благодаря важнымъ военнымъ заслугамъ достигли самостоятельности въ своемъ удѣльномъ княжествѣ Острожскомъ и вообще высокаго положенія въ странѣ. Земельныя пожалованія великихъ князей литовскихъ и выгодные браки постепенно увеличивали родовое имущество Острожскихъ, и въ первой трети 16 столѣтія князь Константинъ былъ не

Jahrhunderts“ (помѣщ. въ Zeitschrift des westpreus. Geschichtsvereins 1882); наконецъ, „Beata und Halszka. Eine polnisch—russische Geschichte aus dem 16. Jahrhundert“ (Breslau, 1883), переводъ которой предлагаемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что изданный гр. Яблоновскимъ матеріалъ еще раньше Каро былъ обработанъ извѣстнымъ галицкимъ историкомъ д-ромъ Ис. Шараневичемъ („Гальшка, княгиня Острожска. Оповѣданє историчне“. У Львовѣ, 1880), трудъ котораго, болѣе полный и обстоятельный, вѣроятно былъ извѣстенъ д-ру Каро. Мы взяли для перевода обработку Каро въ виду того, что она, сравнительно съ соч. Шараневича, отличается болѣею живостью разсказа и свободна отъ тѣхъ отступленій и растянутости, которыми до извѣстной степени страдаетъ разсказъ галицкаго историка.—Нѣкоторыя незначительныя погрѣшности Каро по возможности исправлены при переводѣ.

¹⁾ Беата родилась нѣсколько недѣль спустя по смерти своего отца. Вдовый кор. Сигизмундъ I имѣлъ отъ вдовы Косцелецкаго сына Януша, назначеннаго впоследствии епископомъ виленьскимъ и, позже, познанскимъ.—*Пр. пер.*

только однимъ изъ самихъ доблестныхъ и знаменитыхъ, но также и богатѣйшимъ литовскимъ магнатомъ. Щедрый, какъ всѣ потомки Ягайла, Сигизмундъ не уставалъ славить и награждать гетмана за его услуги, и король не слишкомъ преувеличивалъ, выразившись въ своей грамотѣ по поводу побѣды кн. Константина при Ольшаницѣ, гдѣ погибло до 25000 татаръ, что гетманъ можетъ сравняться не только съ современниками, но даже съ полководцами древности.

Когда кн. Константинъ вступилъ въ первый бракъ съ княжной Татьяной Гольшанской, онъ былъ уже немолодъ,—ему было за пятьдесятъ. Татьяна принадлежала къ богатѣйшимъ наследникамъ въ Литвѣ и принесла гетману богатое приданое и многочисленныя помѣстья. Отъ этого брака родился сынъ, получившій при крещеніи имя Ильи. Десяти лѣтъ отъ роду, мальчикъ потерялъ мать. Престарѣлый кн. Константинъ, несмотря на свои 62 года, чувствовалъ себя достаточно бодрымъ, чтобы послѣдовать „приказанію своего всемилостивѣйшаго господаря и совѣту друзей“ и вступить во второй бракъ. Выборъ его палъ на княжну Александру Слуцкую,—еще раньше герою случилось оказать матери своей будущей жены важную услугу удачной стычкой съ татарами и заслужить благодарность всего рода Слуцкихъ. Сговоры происходили 22 іюля 1522 года, но день свадьбы еще не могъ быть назначенъ, такъ какъ престарѣлый воинъ собирався выступить въ походъ по повелѣнію короля. Впрочемъ, уже въ предварительномъ свадебномъ договорѣ („заруки“) было выражено условіе, въ силу котораго будущіе потомки отъ новаго брака должны пользоваться такими же семейными и наследственными правами, какъ и старшій сынъ Илья. Дѣйствительно, у князя родилось двое дѣтей, сынъ Василій и дочь. Но недолго пришлось кн. Константину наслаждаться семейнымъ счастьемъ: этотъ блестящій и знаменитый воинъ былъ унесенъ смертію въ 1530 году, уже 70-лѣтнимъ старикомъ ¹⁾. Въ притворѣ св. великому-

¹⁾ Временемъ смерти кн. Конст. Острожскаго обыкновенно считается 1533 г., а по мнѣнію г. Романовскаго князь умеръ еще ранѣе 1 авг. 1531 г. (См. Труды III археол. съѣзда, т. II стр. 209). Во всякомъ случаѣ, дата не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія. *Пр. пер.*

ченика Стефана въ Кіево-Печерской лаврѣ и донинѣ покоятся останки героя, подѣ сохранившимися до сей поры надгробіемъ.

Въ 1522 г., когда кн. Константинъ Острожскій женился вторично, сыну его Ильѣ было не болѣе 11 лѣтъ, но король, чтобы поощрить мальчика „къ подражанію доблестямъ предковъ“, обезпечилъ за нимъ наслѣдство въ староствахъ брацлавскомъ и винницкомъ. Съ своей стороны, кн. Илья повидимому не имѣлъ никакой охоты дѣлиться остальнымъ наслѣдствомъ съ мачихой и единокровными братомъ и сестрой. Подѣ тѣмъ предложомъ, что вдова присвоила себѣ часть денегъ, драгоценностей и раз-ной другой движимости, принадлежавшихъ ему по праву наслѣдства послѣ своей матери кн. Татьяны, Илья, лишь только похоронили отца, напалъ съ сотней конныхъ слугъ на беззащитный Туровскій замокъ, вдовѣ имѣніе своей мачихи, опечатавъ все имущество и бумаги, въ числѣ которыхъ было и завѣщаніе покойнаго гетмана, и посадилъ въ замокъ своего управителя.—Между тѣмъ княгиня Александра нашла защитника въ лицѣ своего брата, кн. Юрія Слуцкаго, который занесъ жалобу королю. Сигизмундъ велѣлъ кн. Ильѣ возвратитъ Туровскій замокъ законной владѣлицѣ и ожидать въ будущемъ королевскаго суда о спорной движимости. Кромѣ того, уже тогда было опредѣлено, что выдѣлить приданое младшей дочери покойнаго кн. Константина обязана не вдова послѣдняго, а оба старшіе брата. Впрочемъ, послѣдніе, кажется, скорѣе избавились отъ этой обузы, благодаря смерти дѣвочки: съ тѣхъ поръ о ней вгдѣ не упоминается.

Гораздо болѣе запутаннымъ и опаснымъ оказывался процессъ, по которому кн. Илья долженъ былъ отправиться въ Краковъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Вскорѣ по полученіи Ильей права на наслѣдство въ доходныхъ староствахъ брацлавскомъ и винницкомъ, его отецъ кн. Константинъ Острожскій рѣшилъ съ своимъ лучшимъ другомъ и товарищемъ по оружію, Юріемъ Радзивиломъ, однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ Литвѣ, скрѣпить эти узы дружбы родственною связью. Правда, обѣ дочери Радзивила были еще совсемъ юны: старшей, Аннѣ, исполнилось пять лѣтъ, а младшая,

Варвара, родилась за годъ до того, въ 1522 г. Но Ильѣ въ ту пору также было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, и кромѣ того, родители вовсе не имѣли въ виду связывать дѣтей противъ ихъ воли. „Заруки“ 1523 года должны были вступить въ силу лишь въ томъ случаѣ, если бы совершеннолѣтніе Илья и Анна изъявили на это свое свободное согласіе. Родители нисколько не сомнѣвались, что согласіе будетъ дано, поэтому заранѣе позаботились устранить единственное серьезное препятствіе своему плану, вытекавшее изъ различія вѣры обѣихъ сторонъ: Илья былъ православный, Анна принадлежала къ католической церкви. Необходимо было разрѣшеніе папы, и Климентъ VII уже въ мартѣ 1523 года выдалъ разрѣшительную буллу безъ всякихъ затрудненій, во вниманіе къ заслугамъ кн. Константина Острожскаго передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Между тѣмъ, со смертію кн. Константина панъ Юрій Радзивиль повидимому измѣнилъ свои планы. Вскорѣ послѣ этого онъ вступилъ въ переговоры съ знатнымъ воеводою Альбрехтомъ Гаштольдомъ о бракѣ Анны съ сыномъ послѣдняго Станиславомъ. Когда все было рѣшено, родители сообщили о результатѣ переговоровъ молодому кн. Ильѣ, добавивъ при этомъ впрочемъ, что панъ Юрій охотно отдалъ бы за богатаго князя свою вторую дочь Варвару, которой въ то время было 12 или 13 лѣтъ, — тогда еще никто не могъ предвидѣть, что Варвара впослѣдствіи станетъ польской королевой. Судя по всему, Илья отнесся къ этому рѣшенію самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Панъ Радзивиль понялъ, что благодаря своему вѣроломству приобрѣлъ врага въ молодомъ князѣ. Эта перспектива вовсе не улыбалась ему, поэтому онъ вновь пустился на хитрости. Къ концу 1536 года ему удалось убѣдить воеводу Гаштольда, что Станиславу удобнѣе жениться на его младшей дочери Варварѣ, и затѣмъ попытался вернуться къ условіямъ касательно Анны, нѣкогда заключеннымъ съ кн. Константиномъ. Но на этотъ разъ его ожидало жестокое разочарованіе. Къ величайшему изумленію Радзивила, князь Илья рѣшительно заявилъ, что соглашеніе съ покойнымъ родителемъ для него вовсе не обязательно и что ему вольно избрать жену по собственному желанію. Безуспѣшно

пробовалъ панъ Радзивиль перенести споръ на разрѣшеніе короля: послѣдній долженъ былъ высказаться въ пользу Ильи, тѣмъ болѣе, что „заруки“ 1523 года были обусловлены свободнымъ согласіемъ молодыхъ людей. Болѣе всего потерпѣла въ этомъ случаѣ бѣдная Анна Радзивиль. Тогда какъ ея сестра Варвара вышла замужъ за молодого Гаштольда, Анна въ теченіи десяти лѣтъ ожидала мужа, и лишь когда Варвара стала польской королевой, удалось, не безъ содѣйствія послѣдней, подыскать для старшей сестры приличнаго жениха.

Теперь Илья былъ свободенъ. Онъ могъ располагать собою, и выборъ его палъ на очаровательную и прославленную за красоту Беату, дочь каштеляна Андрея Косцелецкаго, которая получила воспитаніе при дворѣ королевы Боны и состояла въ близкомъ родствѣ съ королевскимъ домомъ,—если даже слухи объ ея происхожденіи лишены были, какъ слѣдуетъ полагать, всякаго основанія. Беатѣ исполнилось 23 года, когда 28-лѣтній князь Илья заявилъ притязаніе на ея руку, столь желанную для многихъ соискателей. Во всей польской коронѣ немногіе могли состязаться въ этомъ случаѣ съ литовскимъ магнатомъ. Человѣкъ во цвѣтъ лѣтъ, богатый наслѣдникъ многочисленныхъ имѣній, вліятельный владѣтель брацлавскаго и винницкаго староствъ, обладатель различныхъ родовыхъ привилегій,—онъ и его потомки могли употреблять красную восковую печать, что по современнымъ понятіямъ составляло принадлежность верховной власти,—сынъ знаменитаго воина и героя, щедро расточавшій свои громадныя доходы, въ случаѣ недостатка которыхъ во всякое время могъ располагать родовыми драгоценностями для обмѣна на наличныя деньги—могла ли отказать ему прекрасная Беата, которая, какъ увидимъ, высоко цѣнила преимущества этого рода? Согласіе было дано, и въ самый день свадьбы принцессы Изабеллы, приводившей въ восторгъ всѣхъ съѣхавшихся гостей своей блистательной красой, Беата сдѣлалась счастливой и многообщающей невѣстой. День спустя послѣ вѣнчанья Іоанна Заполя, 4 февраля 1539 года она предстала предъ алтаремъ съ кн. Ильей Острожскимъ, который весьма недурно выглядѣлъ въ своемъ бархатномъ убранствѣ, серебряныхъ доспѣхахъ, рос-

кошномъ татарскомъ поясѣ и украшенныхъ дорогими серебряными бляхами сапогахъ.

Молодые новобрачные недолго оставались въ Краковѣ, чтобы окончить всѣ необходимыя въ подобномъ случаѣ семейныя дѣла. Илья увезъ „княгиню Илину“, какъ называли теперь по русскому обычаю Беату, въ свой родовой замокъ Острогъ на Волыни и окружилъ ее цѣлымъ штатомъ придворныхъ дамъ, какъ это было прилично для госпожи столь многочисленныхъ имѣній. Беата старалась отплатить за расположеніе своего мужа доказательствами искренней любви и преданности, и конечно вѣнцомъ счастья кн. Ильи была та минута, когда Беата подала ему надежду, что славный родъ Острожскихъ можетъ надѣяться на прибавленіе новаго члена.

Для лучшаго уясненія послѣдующихъ событій, необходимо остановиться подробнѣе на дѣлахъ нашихъ супруговъ въ Краковѣ и доказательствахъ ихъ взаимной преданности, какъ ни мало интересенъ самъ по себѣ этотъ предметъ. Уже мѣсяць спустя послѣ свадьбы, Беата была объявлена свободною отъ опеки короля и пана Северина Бонера, попеченію которыхъ вручилъ ее отецъ передъ смертію. Относящіяся сюда грамоты помѣчены 1 марта 1539 года. Теперь слѣдовало опредѣлить брачное вѣно. Съ разрѣшенія короля, кн. Острожскій обезпечилъ за женой сумму около 33,082 золотыхъ на третьей части своего отцовскаго наслѣдства. Между тѣмъ княгиня повидимому не принесла своему мужу въ приданое значительныхъ денегъ, потому что уже въ то время князю пришлось заложить краковскому купцу Шиллингу свое серебро за 1000 золотыхъ, а еще ранѣе часть серебра была заложена въ Литвѣ у нѣкоего пана Скоруты и у пана Жабы. За то Беата подарила мужу разнаго рода драгоценности, жемчугъ и дорогіе камни и заняла ему 6000 золотыхъ, „которые она получила отъ друзей“. Повидимому, князь старался въ это время привести въ порядокъ свои имущественныя дѣла; такъ, онъ заявилъ притязаніе на наслѣдство кн. Кузумы Заславскаго послѣ смерти отца послѣдняго кн. Андрея, который состоялъ должникомъ покойнаго Константина Острожскаго. Король отложилъ разрѣшеніе этого спора до своего

прибытія въ Литву, и такимъ образомъ новобрачные могли свободно уѣхать изъ Кракова.

Въ пылу восторга отъ многообѣщающаго заявленія Беаты, почувствовавшей себя матерью, счастливый Илья записалъ женѣ и ея будущимъ дѣтямъ три богатыхъ замка (Степань, Сатыевъ и Хлапотынъ) съ тянувшими къ нимъ дворищами и селами, а въ награду за заемъ 6000 золотыхъ отдалъ Беатѣ въ пожизненное владѣніе дошедшій къ нему отъ матери замокъ Ровно также съ селами и дворищами.

Но не долго суждено было длиться счастьемъ молодой пары. Два блаженныхъ лѣтнихъ мѣсяца 1539 года провели они въ Острогѣ, какъ вдругъ въ августѣ кн. Илья захворалъ такъ жестоко, что нужно было позаботиться о спасеніи души и судьбѣ любимой жены и ея ожидаемаго потомства. Вольнскій маршалъ кн. Ѳеодоръ Сангушко былъ его „лучшимъ другомъ на этомъ свѣтѣ“, Илья называлъ его братомъ, поэтому желалъ поручить ему свою жену и будущаго ребенка. Илья пригласилъ Сангушка въ Острогъ и въ его присутствіи 16 августа продиктовалъ духовное завѣщаніе, собственноручно подписался и привѣсилъ печать краснаго воска,—прерогатива дома Острожскихъ. Завѣщаніе составлено въ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ. Князь позаботился обо всемъ, какъ благочестивый государь и добрый отецъ семейства. Согласно его послѣдней волѣ, тѣло его должно быть положено въ церкви Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ, рядомъ съ останками предковъ. Лаврѣ и многимъ другимъ церквямъ, а также духовенству отписаны были извѣстныя суммы наличными деньгами. Одинъ изъ серебряныхъ его доспѣховъ оставался женѣ, другой же, вмѣстѣ съ незаложенною еще серебряною утварью, завѣщано, обратить на устройство ризъ къ иконамъ и креста. Таковы были распоряженія ради спасенія души. Возлюбленную супругу свою и ея будущаго ребенка Илья поручилъ въ опеку и на попеченіе короля Сигизмунда, сына его Сигизмунда-Августа, королевы Боны, пана Ивана Богдановича Сапѣги, воеводы подляскаго, епископа Юрія Фальчевскаго, своего „брата“ кн. Ѳеодора Сангушка, маршала земли

волынської, и королевських секретарей Ивана Горностая и Ивана Васильевича.

Въ завѣщаніи своемъ кн. Илья особенно настаиваетъ на законности ожидаемаго потомка и предоставляетъ Беатѣ полное распоряженіе всѣми имѣніями, дошедшими съ отцовской или материнской стороны, до совершеннолѣтія ребенка, съ единственной оговоркой, что вдова обязана по возможности погашать долги изъ получаемыхъ доходовъ. Если бы братъ Илья кн. Василий Острожскій въ свое время потребовалъ выдѣла ему половины отцовскаго наслѣдства, то въ другую половину, назначенную для будущаго ребенка, никто не могъ вмѣшиваться и препятствовать княгинѣ Беатѣ въ свободномъ распоряженіи этою частью. Кромѣ подтвержденія дарственныхъ записей Беатѣ сперва въ видѣ „вѣна“, а затѣмъ по случаю ожиданія потомка, Илья отдалъ женѣ по завѣщанію всѣ драгоценности, жемчугъ и т. д. и половину всей движимости, дошедшей отъ отца, — остальное принадлежало кн. Василию. Обширное наслѣдственное имѣніе Янушполе, которое освобождалось лишь по смерти кн. Беаты, должно было поступить кому либо въ аренду за 4000 золотыхъ ежегодно и на эти деньги надлежало выкупить заложенную серебряную утварь. Послѣдняя назначалась на покрытіе долговъ, но два ожерелья и запястье, незадолго до того подаренныя Беатѣ, должны были остаться сыну или дочери послѣдней. Въ заключеніе Илья обращается къ королевской семьѣ съ просьбой оберегать его жену и потомство отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Чтобы „не брать грѣха на душу“, Илья отказался при этомъ случаѣ отъ всякихъ притязаній на заславское княжество, о которомъ, какъ мы знаемъ, былъ начатъ процессъ передъ королемъ. Свою послѣднюю волю Илья подтвердилъ и въ особомъ письмѣ къ кн. Оедору Сангушку, гдѣ онъ проситъ послѣдняго, какъ опекуна, представить на усмотрѣніе короля эти завѣщательныя распоряженія.

Устроивъ такимъ образомъ свои земныя дѣла и позаботившись о спасеніи души, князь Илья приготовился къ смерти. Онъ скончался 19 августа 1539 года, еще во цвѣтѣ силъ, успѣвъ

лишь въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ насладиться семейнымъ счастьемъ.

Трудно сказать, какъ отнеслась Беата къ смерти мужа, сильно ли она горевала, была ли потрясена этимъ несчастіемъ, какъ хоронила безвременно унесеннаго въ могилу супруга. Мы знаемъ однако, что уже мѣсяць спустя вдова явилась къ королевскому двору „ударить челомъ“ и ходатайствовать передъ королемъ объ утвержденіи завѣщанія покойнаго князя. 23 сентября ея просьба была удовлетворена, и Беата возвратилась въ родовой замокъ Острожскихъ, чтобы вступить въ полное распоряженіе наслѣдствомъ кн. Ильи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и частью, которая принадлежала еще несовершеннолѣтнему кн. Василю, ея шурину. Хотя Василій тогда же выразилъ желаніе получить свою наслѣдственную долю, но король рѣшилъ, что раздѣлъ отцовскихъ имѣній долженъ послѣдовать лишь черезъ полтора года, а до той поры Беата должна заботиться о хорошемъ управленіи порученнымъ ей добромъ.

Наступило наконецъ столь горячо желанное покойнымъ Ильей событіе: у Беаты родилась дочь, получившая во св. крещеніи имя Галышки, иначе Елисаветы.

Для женщины въ положеніи Беаты, или „княгини Илиннз“, какъ ее называли на Волыни, во всякомъ случаѣ не легко было бы справиться съ задачей управленія такимъ огромнымъ имуществомъ, даже если бы она заранѣе привыкла къ порядку и аккуратности. Между тѣмъ за Беатой нельзя было предполагать подобныхъ качествъ, если, по крайней мѣрѣ, судить по примѣру, который подавала ей королева Бона, а властолюбивый и крутой нравъ княгини еще болѣе вносилъ путаницы и беспорядочности въ управленіе имѣніями: не было замѣтно здѣсь разумнаго расчета и пониманія дѣла, все зависѣло скорѣе отъ минутнаго каприза. Вскорѣ посыпались жалобы бояръ на чрезмѣрное обремененіе ихъ платежами. У многихъ отнимали землю, которою владѣли еще ихъ предки. Опытные управители, назначенные кн. Ильей, должны были уступить мѣсто людямъ неспособнымъ, но за то угоднымъ княгинѣ. Украинскіе замки, требовавшіе особеннаго вниманія въ виду безпрестанныхъ татарскихъ набѣговъ,

пришли теперь въ полное запущеніе. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы королю на княгиню Илину: ее упрекали за вымогательство съ подданныхъ т. наз. „серебщизны“ свыше указанной мѣры, за то, что, получая значительные доходы, она и не думаетъ погашать долги покойнаго мужа; что родовыя земли Острожскихъ раздаются лицамъ, которые не имѣютъ никакихъ правъ на это. Словомъ, княгиня Илина, если вѣрить жалобамъ, хозяйничала самымъ незавиднымъ образомъ.

Король совѣтовался съ королевой Боной и прочими опекунами и велѣлъ князю Оедору Сангушку, въ качествѣ душеприкащика, принять мѣры къ устраненію всѣхъ этихъ безпорядковъ. Въ то же время онъ написалъ 3 марта 1540 г. княгинѣ Беатѣ, чтобы она не вздумала противиться распоряженіямъ и совѣтамъ кн. Оедора.

Такой оборотъ дѣла конечно не могъ понравиться гордой Беатѣ, но вскорѣ ее ожидала еще бѣльшая непріятность. Несовершеннолѣтній шуринъ Василій и его мать кн. Александра, вдова Константина Острожскаго, настаивали на немедленномъ раздѣлѣ наслѣдства и требовали при этомъ не только уплаты всѣхъ доходовъ съ своей части, считая со дня смерти кн. Ильи, но, по достиженіи Василиемъ совершеннолѣтія, также и права опеки надъ маленькой Гальшкой и ея богатымъ имуществомъ.— Понятно, что Беата самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивилась такимъ притязаніямъ. Дѣйствительно, въ ея пользу говорилъ литовскій статутъ, который предоставлялъ вдовѣ, до вступленія ея въ новый бракъ, право опеки надъ дѣтьми и ихъ имуществомъ, если завѣщаніе не устраняло вдову отъ опеки.

Такъ или иначе, Беата должна была ждать раздѣла наслѣдія Острожскихъ раньше или позже, тѣмъ болѣе, что въ завѣщаніи князя Ильи было предусмотрено это обстоятельство; однако, расчеты ея разстраивались самымъ непріятнымъ образомъ, когда король Сигизмундъ по прибытіи въ Вильну издалъ распоряженіе отъ 11 января 1541 г., объявлявшее недействительною послѣднюю волю кн. Ильи, и призналъ князя Василія совершеннолѣтнимъ. Вопросъ объ опекѣ надъ Гальшкой былъ отложенъ до особаго повелѣнія короля. До тѣхъ поръ на все имущество

Острожскихъ было наложено запрещеніе и учреждена третейская коммиссія для подробнаго исчисленія доходовъ съ имѣнія и составленія проекта раздѣла и миролюбнаго соглашенія между наслѣдниками. Кромѣ епископа Юрія Фальчевскаго, въ коммиссіи не участвовалъ никто изъ назначенныхъ кн. Ильей опекуновъ. Повидимому, коммиссія трудилась съ энергіей и успѣхомъ, потому что уже 20 декабря 1541 г. выработанъ былъ проектъ соглашения сторонъ. За отказъ присоединиться къ сдѣлкѣ грозила пеня въ 10000 копѣ литовскихъ грошей.

Всѣ доходы съ острожскихъ имѣній за первый годъ по смерти кн. Ильи были присуждены теперь Беатѣ, а за слѣдующій годъ—князю Василию. Изъ части, принадлежавшей Гальшкѣ, опредѣлено было взять возмѣщеніе за отчужденныя кн. Ильей отцовскія земли. Поэтому коммиссія раздѣлила все наслѣдство на двѣ части, изъ которыхъ одну могъ взять Василій по своему выбору. Повидимому, кн. Василій не слишкомъ былъ привязанъ къ своему родному гнѣзду, потому что онъ предпочелъ ту группу имѣній, въ которую Острогъ не былъ включенъ. Онъ взялъ замки Дубно, Дорогобужъ и Здзенціоль, округъ Звягельскій и дворища Крупу и Здолбицу. Къ княжнѣ Гальшкѣ отошли замки Острогъ, Полонне, Красиловъ, Чудновъ, дворища Новоставцы и Горки и домъ въ Вильнѣ, но этотъ домъ вмѣстѣ съ Горками были отсужены кн. Василию за произведенныя ранѣе кн. Ильей отчужденія. Раздѣлъ этотъ долженъ былъ, впрочемъ, вступить въ силу лишь по достиженіи Гальшкой совершеннолѣтія.

Тѣмъ не менѣе, Беата продолжала оставаться одной изъ самыхъ богатыхъ женщинъ въ странѣ: часть отцовскаго наслѣдства кн. Ильи въ соединеніи съ наслѣдствомъ, дошедшимъ отъ матери его, кн. Татьяны, и ея собственное имущество обезпечивали Беатѣ по истинѣ царскіе доходы. Предусмотрительная княгиня заранѣе припрятала завѣщанную ей мужемъ движимость, дорогую утварь, драгоценныя камни, золото и серебро: въ описи Острожскаго замка, сдѣланную королевскою коммиссіей, попало весьма немногихъ предметовъ этого рода. Кромѣ того, она заложила два завѣщанныхъ Ильей имѣнія и реализировала этимъ путемъ 6000 копѣ грошей, чтобы обезпечить себя отъ дальнѣйшихъ

притязаній кн. Василя и немедленно выплатить присужденную ему комиссіей суммъ денегъ.

Но этимъ не исчерпывалось дѣло о наслѣдствѣ, такъ какъ нужно было еще опредѣлить имущественныя отношенія между матерью и дочерью. Для этой цѣли король назначилъ особую комиссію, которая рѣшила предоставить Беатѣ третью часть отцовскихъ и материнскихъ имѣній кн. Ильи, выговоренныхъ ей нѣкогда мужемъ въ видѣ брачнаго „вѣна“. Остальныя двѣ трети признаны собственностью дочери, но конечно подъ опекунскимъ управленіемъ Беаты. Если принять во вниманіе, что она получила въ личную собственность еще при жизни мужа три замка, Степань, Сатыевъ и Хлапотынъ, и владѣла заложенными ей ровенскимъ имѣніемъ, а вскорѣ удалось ей выкупить заложенные замки Клодно, Черниховъ и Глускъ, позже—Гольшаны и Сушу, то оказывается, что дальновидная и прекрасная княгиня сумѣла соединить въ своихъ рукахъ бѣольшую часть владѣній покойнаго Ильи, на которую никто не могъ имѣть притязаній въ качествѣ опекуна. Беата своевременно позаботилась, чтобы король формально подтвердилъ всѣ грамоты и привилегіи, относившіяся къ ея имущественнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и грамоты дѣда Галышки. Хотя разныя недоразумѣнія съ шуриномъ, кн. Василюмъ Острожскимъ, продолжались, но ихъ удалось уладить съ сравнительно ничтожными денежными жертвами. Главная цѣль Беаты—неограниченное право управлять громаднымъ наслѣдствомъ безъ вмѣшательства опекуновъ—была теперь достигнута благодаря описаннымъ выше мѣрамъ. Во всѣхъ документахъ, относящихся къ этому вопросу, ни однимъ словомъ не упоминается о кн. Ѳеодорѣ Сангушкѣ, „братѣ“ кн. Ильи, который былъ назначенъ душеприкащикомъ. Беатѣ приходилось имѣть дѣло только съ своею дочерью, и послѣдняя съ юныхъ дней привыкла не знать другаго закона, кромѣ воли матери. Вдова могла теперь съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что острожское княжество долго еще будетъ оставаться въ ея неограниченномъ распоряженіи.

II.

Гальшка была еще совершеннымъ ребенкомъ—ей минуло не болѣе десяти лѣтъ,—когда въ Острогѣ стали уже появляться многочисленные искатели ея руки, князья и рыцари изъ Литвы и Польши. Беата искусно отклоняла ихъ предложенія, ссылаясь на короля Сигизмунда Августа, вступившаго тѣмъ временемъ на тронъ, какъ на верховнаго опекуна. Такая ссылка на короля была тѣмъ неизбежна, что послѣдній формально обязалъ княгиню никому не отдавать руки дочери безъ его вѣдома и согласія. Когда въ 1550 году Беата задумала отправиться въ Польшу ко времени сейма, и было основаніе думать, что причина тому кроется въ намѣреніи княгини выдать дочь за своего родственника, нѣкоего Андрея Косцелецкаго, король написалъ великому маршалу литовскому Радзивилу, что поѣздку эту считаетъ излишней и неумѣстной. Когда затѣмъ прошелъ слухъ объ обрученіи, король вновь обращается къ тому же сановнику съ прямымъ приказаніемъ не допускать этого. „Если фактъ уже состоялся“, писалъ король, „то мы найдемъ средство поправить бѣду“. Дѣло въ томъ, что король не желалъ перехода литовскаго княжества острожскаго въ руки поляка. Случай этотъ представлялъ такое важное значеніе, что не остался безъ вліянія и на законодательство. Въ 1551 году литовская рада постановила, что дочери, осиротѣлыя по смерти отца, не могли быть выдаваемы замужъ безъ согласія ближайшихъ родственниковъ. Король распорядился объявить Беатѣ о новомъ законѣ, чтобы она не могла ссылаться на незнаніе его, если бы, какъ было основаніе опасаться, вздумала покровительствовать своимъ польскимъ родичамъ. Поэтому, когда появился слухъ о притязаніяхъ на руку Гальшки нѣкоего Мѣлецкаго, не безъ участія въ этомъ случаѣ великаго маршала, король пригласилъ Радзивила къ себѣ для личнаго свиданія, „потому что весьма важно, кому именно достанется эта молодая дѣвушка“.

При томъ вліяніи на короля, какимъ пользовался великій маршалъ, было вполне естественно, что соискатели руки княжны Гальшки часто обращались къ покровительству Радзивила. Обра-

тился къ нему въ числѣ другихъ и молодой вельможа, панъ Дмитрій Вишневецкій, пользовавшійся славой отчаяннаго рубаки и сорви-головы. Маршалъ повидимому далъ ему какія то обѣщанія. Но этотъ претендентъ пришелся не по вкусу кн. Василю, который, въ силу новаго закона, имѣлъ въ данномъ случаѣ право рѣшающаго голоса. Кн. Василій не только отказалъ Вишневецкому, но постарался по мѣрѣ силъ прочистить дорогу своему собственному протезе—чтобы тѣмъ вѣрнѣе погубить его впоследствии.

Такимъ протезе былъ кн. Дмитрій Сангушко, сынъ умершаго тѣмъ временемъ Оедора, „брата“ кн. Ильи и бывшаго опекуна Беаты и Гальшки.

Дмитрій получилъ воспитаніе при дворѣ короля и успѣлъ уже заслужить хорошую репутацію благодаря своей отвагѣ въ военныхъ стычкахъ на Украинѣ, особенно при осадѣ Житомира татарами. Въ качествѣ старшаго сына онъ былъ назначенъ по завѣщанію отца опекуномъ младшихъ дѣтей, между которыми братъ его Романъ вскорѣ послѣ того получилъ славу народнаго героя. Самъ Дмитрій въ то время былъ уже старостой каневскимъ и черкасскимъ и пользовался извѣстностью смѣлаго до безумія и нѣсколько одичалаго военачальника—репутація, установившаяся за нимъ скорѣе благодаря неукротимымъ козацкимъ отрядамъ, которыми Дмитрій начальствовалъ. Про него рассказывали даже, что онъ насильно похитилъ молодую родственницу изъ знатнаго дома.

Слухъ этотъ не былъ лишенъ всякаго основанія, но дѣло не имѣло такого характера, какъ передавала молва. Молодой кн. Сангушко давно уже былъ принятъ въ домѣ королевскаго маршала Василя Полубинскаго, у котораго воспитывалась сирота—внучка по имени Марипа, въ ту пору еще совсѣмъ юная. Бракъ маленькой Марины съ богатымъ Сангушкомъ казался выгоднымъ дѣду, которому удалось получить согласіе на этотъ планъ со стороны молодого вельможи. Дмитрій выдалъ обычныя „зруки“, а старый Полубинскій довѣрчиво передалъ ему золото, серебро, жемчугъ, драгоценные камни и другую цѣнную рухлядь своей внучки подъ особое письменное обезпеченіе и

долговую запись на имѣнія Сангушка на случай разстройства предложеннаго брака. Вскорѣ затѣмъ престарѣлый Полубинскій умеръ. Дмитрій, не желая оставлять своей малолѣтней невѣсты у ея родственниковъ по матери, взялъ ее изъ родного дома и поручилъ для воспитанія своей собственной теткѣ, сестрѣ кн. Ѳедора Сангушка. Здѣсь то и пребывала малолѣтняя Марина въ то время, когда кн. Дмитрій явился погостить въ замокъ Острогъ.

Вскорѣ по Литвѣ разнеслись слухи объ обрученіи Дмитрія Сангушка съ молодой наслѣдницей Острожской, которой было тогда не болѣе тринадцати лѣтъ. Слухъ казался настолько правдоподобнымъ, что родственники Марины начали подумывать о возвращеніи къ нимъ покинутого ребенка. Дѣйствительно, княгиня Беата и особенно сидѣвшій въ Дубнѣ кн. Василій Острожскій отнеслись къ Дмитрію самымъ предупредительнымъ образомъ и поощряли его,—слѣдовательно, слухи подтверждались. Дмитрій просилъ руки юной Галышки, и получилъ письменное согласіе княгини. Довольный успѣхомъ, возвратился Дмитрій къ своему посту въ Черкасы на пограничную службу.

По всей вѣроятности вѣсть объ этомъ достигла короля, потому что уже въ началѣ 1553 года Сигизмундъ Августъ писалъ княгинѣ Беатѣ, что онъ поручилъ великому маршалу и воеводѣ виленскому, кн. Радзивилу, переговорить съ нею о будущемъ бракѣ Галышки, по достиженіи ею совершеннолѣтія. Для короля было важно сохранить свое вліяніе какъ опекуна наслѣдницы. Открыли ли эти переговоры кн. Василю Острожскому нгу невѣстки, или онъ другимъ путемъ сообразилъ это,—по онъ извѣстилъ молодого Сангушка, что кн. Беата вовсе не думаетъ держать данное слово.

Дмитрій тотчасъ же, даже не увѣдомивъ короля, уѣхалъ изъ Черкасъ, чтобы заручиться обычными на Литвѣ „гарантіями“ того, что брачный договоръ будетъ выполненъ. Прежде всего онъ обезпечилъ себя поддержкою кн. Василя и затѣмъ далъ знать Беатѣ, что намѣренъ „провѣдать ее, свою родственницу, и отвѣдать у нея хлѣба—соли“. Княгиня ничего не имѣла противъ посѣщенія, и въ началѣ августа 1553 года Дмитрій явился въ

Острогъ съ тридцатью конными возаками, часть которыхъ оставалась у воротъ въ то время. какъ молодой князь привѣтствовалъ дамъ во дворѣ замка.

Въ это время княгинѣ доложили, что ея шуринъ, кн. Василій, также явился навѣстить ее. Беату должно было сильно поразить появленіе обоихъ князей въ замкѣ, но прежде нежели она успѣла послать отказъ, кн. Василій уже въѣхалъ въ ворота замка, охраняемыя козаками Сангущка. Новый гость явился въ сопровожденіи 50 конныхъ слугъ въ полномъ вооруженіи.—Незначительная замковая страна воспротивилась такому дерзкому напору чужаго военнаго отряда, завязался жаркій бой, но побѣда осталась за пришельцами. Изъ замковой стражи одинъ былъ убитъ и восьмеро ранено. При самомъ началѣ стычки кн. Беата убѣждала съ дочерью въ замокъ и заперлась въ отдаленной комнатѣ.

Одолѣвъ замковую гарнизонъ, оба князя явились къ Беатѣ и начали съ просьбъ. Они напомнили ей о данномъ обѣщаніи и убѣждали не препятствовать женитьбѣ Дмитрія на ея дочери.

Княгиня въ страшномъ негодованіи вскричала: „развѣ такимъ образомъ являются къ друзьямъ и дружбы ради?“

Она не могла болѣе говорить отъ оскорбленія и лишилась чувствъ. Княгиню вспрыснули водой и растирали, пока она пришла въ себя.

Получивъ способность говорить, Беата стала доказывать, что не можетъ дать своего согласія безъ разрѣшенія короля.

„Такъ мы и не станемъ больше спрашивать тебя!“ гнѣвно воскликнулъ кн. Василій и съ силою схватилъ княжну Гальшку за руку.

Испуганная мать конвульсивно сжимала другую руку дочери, но ее оттолкнули,—Беата упала и вновь лишилась чувствъ.

Кн. Василій, держа за руку свою тринадцатилѣтнюю племянницу, подвелъ ее къ Дмитрію со словами: „Я отдаю тебѣ Гальшку въ жены, потому что имѣю на то власть въ качествѣ дяди“.

Полумертвую отъ потрясенія Беату снесли послѣ этого въ другую комнату и здѣсь заперли. Прислужницы и слуги под-

няли отчаянные вопли. Не обращая на это вниманія, князя послали за священникомъ. Послѣдній понялъ, что здѣсь творится насиліе, поэтому посовѣтовалъ отложить лучше вѣнчаніе на другой день. Кн. Василій пригрозилъ священнику булавою съ гнѣвнымъ окрикомъ: „Мы не просимъ твоихъ совѣтовъ, дѣлай какъ приказано, иначе будетъ плохо!“ Испуганный угрозами священникъ покорился и исполнилъ передъ алтаремъ обычный обрядъ. Правда, на вопросъ священника: „имѣешь ли добрую и непринужденную волю?“ Гальшка упорно молчала, но за нее отвѣчалъ дядя, точно на крестинахъ. Затѣмъ взяли насильно руку дѣвочки и по обычаю перевязали платкомъ.

По окончаніи церковнаго обряда Гальшку повели къ свадебному столу, гдѣ уже были приготовлены сласти и вина, затѣмъ кн. Василій отвелъ молодыхъ въ спальню и уѣхалъ изъ замка.

Уже при началѣ столкновенія между замковой стражей и конвоемъ князей слуги Беаты снарядили изъ своей среды посла, который долженъ былъ возможно скорѣе дать знать калишскому воеводѣ, пану Мартыну Зборовскому, что замокъ Острогъ подвергся нападенію. Зборовскій немедленно отправилъ этого же посланца въ Краковъ съ письмомъ къ канцлеру, полнымъ самыхъ злобныхъ выходокъ по адресу „пана краковскаго“, т. е. короннаго гетмана Тарновскаго. Дѣло въ томъ, что панъ Зборовскій, который самъ былъ не прочь женить своего сына на богатой наслѣдницѣ Острожской, видѣлъ во всемъ этомъ происшествіи, насколько оно было ему извѣстно, широко задуманную интригу гетмана Тарновскаго: послѣдній, въ качествѣ тестя кн. Василя, придумалъ, по мнѣнію Зборовскаго, это насиліе, чтобы разрушить матримоніальные планы своего соперника. Король Сигизмундъ Августъ, и безъ того подозрительно относившійся къ гетману и недовольный на него со времени прошлогдняго сейма, безъ труда повѣрилъ догадкамъ калишскаго воеводы и видѣлъ въ нападеніи на Острогъ руку человѣка, который, правда, оказалъ ему нѣкоторыя услуги въ собственной Польшѣ, но тѣмъ опаснѣе казался ему своимъ вліяніемъ въ Литвѣ. Великій маршалъ Радзивилъ вполне раздѣлялъ опасенія короля въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

„Мы прекрасно понимаемъ“, писалъ король великому маршалу, „кто былъ душой всего этого дѣла. Человѣкъ, который думаетъ властвовать какъ здѣсь, такъ и въ Литвѣ. Нельзя и придумать болѣе тяжкаго оскорбленія нашего имени. Но дѣло не терпитъ проволочекъ. Мы распорядились чрезъ нашего коморничаго, старосту пинскаго, объявить кн. Василию повелѣніе немедленно очистить замокъ и возвратить дѣвушку ея матери впродъ до рѣшенія дѣла, *ut omnia fiant in integrum restituta*. Такое же повелѣніе послали мы и старостѣ черкасскому (Дмитрію), *criminallyter* наказавъ ему, чтобы не смѣлъ отлучаться изъ пограничныхъ замковъ безъ нашего вѣдома. Другого *remedium*’а мы не могли подыскать въ данную минуту. Держимся въ этомъ случаѣ примѣра нашихъ предковъ, которые устраняли столкновенія между вельможами путемъ распоряженій подобнаго рода. Хуже всего то, что мы догадываемся, отъ кого вышелъ весь плавъ. Но именно по этой причинѣ мы рѣшились воспротивиться подобной неслыханной въ литовскомъ краѣ дерзости, чтобы тотъ панъ не очень то радовался, ибо мы понимаемъ, что онъ далъ такой совѣтъ исключительно *Nobis ad indignitatem, Tuae Magnificentiae in contumeliam*“.

Еще не успѣли отправить это королевское посланіе, какъ явился новый слуга княгини Беаты, передавшій королю дальнѣйшія подробности о насильственномъ вторженіи въ острожскій замокъ и сообщившій кромѣ того, что кн. Василій привезъ сюда свою мать и жену и расположился вмѣстѣ съ Дмитріемъ на Острогѣ какъ у себя дома. Онъ командовалъ и распоряжался тамъ настоящимъ хозяиномъ.

Невозможно сказать, какъ отнеслась 13-лѣтняя Гальшка къ своей неожиданной судьбѣ и къ навязанному ей мужу. Мнѣніе, будто Гальшка впослѣдствіи сочеталась бракомъ съ Дмитріемъ также и по католическому обряду, лишено прочнаго основанія и ничѣмъ не подтверждается. Однако внимательство короля имѣло значеніе въ томъ отношеніи, что кн. Василій вынужденъ былъ отпустить на волю свою невѣстѣу. Беата немедленно отправилась въ Краковъ заявить королю жалобу противъ кн. Дмитрія Сангушка и своего шурина кн. Василия Острож-

скаго. Именно въ это время король отпраздновалъ свою свадьбу съ принцессой Екатериной австрійской.

Вскорѣ послѣ этого противъ Дмитрія была подана новая жалоба дѣдомъ (по матери) обманутой Марины Полубинской, который требовалъ возврата „зарукъ“ и денежныхъ записей въ виду нарушенія свадебнаго договора, а вмѣстѣ съ тѣмъ передачи дѣвочки въ его собственную опеку и отобранія отъ тетки Дмитрія. Король принялъ жалобу осенью въ Вильнѣ и обѣщалъ скорое рѣшеніе дѣла.

Подобная предосторожность была тѣмъ необходимѣе для короля, что кн. Василій Острожскій счумѣлъ поставить свой, еще незаслужанный публично, процессъ на почву международной политики. Чрезъ своего тестя, гетмана Тарновскаго, онъ постарался представить все дѣло королю римскому Фердинанду въ смягченномъ видѣ. Фердинандъ принялъ это дѣло такъ близко къ сердцу, что его дружескій совѣтъ своему зятю, королю польскому, въ пользу обвиняемыхъ представлялъ въ сущности актъ формальнаго заступничества. Такъ какъ въ это время у Польши начались переговоры съ римскимъ королемъ по венгерскому вопросу, для чего были отправлены Фердинандомъ чрезвычайные послы, епископъ загребскій и швейцарскій комендантъ Матвѣй Логусъ, то послѣдніе имѣли возможность сообщить своему поводителю всѣ подробности интересующаго насъ процесса. Князя Василій и Дмитрій получили вызовъ къ королевскому суду, назначенному въ г. Кнышинѣ. Нѣмецкіе послы описываютъ этотъ городокъ, какъ жалкую кучу несчастныхъ хижинъ, которыя съ трудомъ помѣщали часть всѣхъ съѣхавшихся придворныхъ и чиновниковъ. Большинство должно было размѣститься въ окрестныхъ селахъ. Сами послы вынуждены были каждое утро дѣлать болѣе двухъ верстъ, чтобы добраться до мѣста переговоровъ, а вечеромъ вновь возвращаться тѣмъ же путемъ. Король и королева прибыли въ Кнышинъ, но обвиняемые не явились. Только Дмитрій прислалъ своего уполномоченнаго, литовскаго дворянина Одаховскаго, о которомъ ходила молва какъ о человѣкѣ „хорошо образованномъ“. Въ качествѣ обвинителя со стороны кн. Беаты выступилъ Станиславъ Чарнковскій, за свои ораторскія

способности получившій славу „польскаго Цицерона“. Противъ обвиненія повѣренный Сангушка возразилъ, что княгиня обѣщала его довѣрителю руку своей дочери, въ подтвержденіе чего представилъ подлинное письмо Беаты. Обѣщаніе княгини было подтверждено дядей невѣсты, кн. Васиціемъ, который и отдалъ Гальшку Дмитрію въ жены. Кн. Дмитрій никогда не помышлялъ о богатомъ приданомъ княжны и теперь этотъ вопросъ для него стоитъ на второмъ планѣ,—главное для него женитьба, потому что онъ дѣйствительно любить свою жену. Одаховскій даже ссылаясь на самое Гальшку, лишь бы ее допросили въ отсутствіи матери.

Нѣкоторые литовскіе члены королевскаго суда находили такое требованіе справедливымъ. Но подавляющее большинство стояло на сторонѣ пана Зборовскаго и враждебной коронному гетману Тарновскому партіи, въ которой, какъ мы знаемъ, втайнѣ склонялись также король и великій маршалъ Радзивиль. Они не хотѣли и слышать о допросѣ самой княжны. Приговоръ оказался суровымъ для Дмитрія Сангушка, который былъ осужденъ на лишеніе чести, имущества и жизни. Кн. Беата настояла на немедленной отсылкѣ надлежащихъ указовъ, чтобы можно было захватить Сангушка еще въ Острогѣ и вернуть Гальшку ея матери. Съ другой стороны, кн. Василій былъ лишенъ своихъ опекунскихъ правъ, принадлежавшимъ ему въ силу кровнаго родства и опредѣленія литовской рады, такъ какъ онъ злоупотребилъ этими правами, участвуя въ насильственномъ поступкѣ Дмитрія и не оказавъ своимъ родственницамъ слѣдуемой защиты. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, кн. Василій сумѣлъ освободиться отъ этого приговора и возвратить себѣ вновь всѣ прежнія права.

Исполнить приговоръ надъ Дмитріемъ и возвратить похищенную княжну въ руки матери вызвался панъ Мартынъ Зборовскій, воевода калишскій, которому представлялся теперь удобный случай заслужить расположеніе Беаты,—какъ вдругъ пришло неожиданное извѣстіе, что молодые новобрачные уже покинули Острогъ.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Н. М.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 г. Только черезъ годъ послѣ прибытія своего въ Малороссію (лѣтомъ 1751 г.) гетманъ Разумовскій собрался объѣхать свои «полки» ¹⁾. Въ какой обстановкѣ былъ сдѣланъ этотъ объездъ, показываетъ слѣдующій интересный документъ — сколько потребовалось лошадей для гетманскаго путешествія. Въ генеральной канцеляріи было получено требованіе, что «къ отсутствію его ясневелможности потребно лошадей»:

Подъ карету французскую	10.
Подъ двѣ коляски спальныя	12.
Господину доктору	6.
Господину архитектору	3.
Ординарцу	4.
Подъ гардеробъ	3.
Камердинерамъ	3.
Тафелдекерю и муншенку	3.
Канцеляристу Фелкнеру	3.
Подъ питье	6.
Подъ серебро	3.
Подъ кофеншенскую	3.
Помощникамъ	3.
Подъ палатки, столы, стулья, кровати и подъ прочее	20.
Кухмистру	3.
Подъ кухню	18.
Меснику	3.
Для поваровъ	3.

¹⁾ См. Семейство Разумовск., I, 161.

Подъ конюшню	10.
Для лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ.	4.
Эгерю	3.
Подъ охоту.	10.
Для людей его высокородія ¹⁾	3.

Итого всѣхъ лошадей 140.

Документъ помѣченъ— «1752 г., мая 5 дня» и подписанъ ка-
кимъ то Иваномъ Гроссомъ ²⁾. А. Л.

Гетманскіе проповѣдники. (*Письмо кіевского митрополита Тимофея Щербацкаго къ гетману Разумовскому, съ посылкою проповѣдника*). Ясневелможній господи́нь Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днепра и войскъ запорожскихъ гетманъ, сіятелнѣйшій графъ и разнихъ орди-
новъ кавалеръ, милостивій мой патронъ.

Прежде за антецессоровъ ясневелможности вашей, антецессорѣ мои, преосвященніе митрополиты кіевскіе, въ началіи новаго лѣта съ академіи кіевской съ поздравленіемъ и для сказиванія проповѣдей ежегодно, къ онимъ антецессорамъ ясневелможности вашей, духовныхъ персонъ посылали. Я оному давнему обычаю послѣдуя, паче же за отличность велможности вашей высокопочитаемыхъ достойно ути-
тулованного имени вашего высокографскаго сіятелства разновидныхъ предикатовъ предъ всѣми бывшими гетманами особливѣйшее мое імѣя къ высокой ясневелможности вашей персонѣ предпочитаніе, нинѣ въ началіи новаго лѣта, академіи моей префекта и священнои богословіи учителя всечестнаго іеромонаха Георгія ³⁾ для поздравленія и сказанія проповѣдей на новое лѣто и Богоявленіи господнихъ и для отправления церковныхъ церемоній, при семъ къ ясневелможности вашей отпавиль, купно съ симъ моимъ особеннѣйшимъ ясневелможности вашей благожелательствомъ: временъ и вѣковъ творецъ всевышній Господь новое сіе лѣто ясневелможности вашей со всею благословенною вашею фамилією, начати благословивій, оное при всецѣломъ здравіи, и пренемѣняемомъ благощастіи проводить да даруетъ. При якомъ моемъ усердіи, Божія благословенія ясне велмож-

¹⁾ Должно быть Топлова.

²⁾ Ср. „Кіевск. Старина“ 1888 г., июнь, стр. 74.

³⁾ Конисскаго, впоследствии столь извѣстнаго могилевскаго архіепископа. (р. 1717 † 1795). Наиболѣе полныя свѣдѣнія объ общественной его дѣятельности собраны въ рѣчи, произнесенной въ 1885 г., при празднованіи столѣтія могилевской духовн. семинаріи. См. Могилевск. Епарх. Вѣдом., 1885 г., №№ 28—29.—Ред.

ности вашей и всей высокопочтенной вашей фамиліи богомолчески желаю и оного префекта академіи моей и всю академію кievскую ясневелможности вашей антецессорами благодѣянными патронскими снабдѣванную, въ высокопатронскій респектъ ясневелможности вашей, рекомендуя, навсегда пребуду съ моею должною архіерейскою искренностію. Ясневелможности вашей всегдашній вѣрнодоброжелательный богомолецъ и всепокорный слуга митрополитъ кievскій смиренный Тимофей. 1751 года. Декабря 26 д. Кіевъ. (Съ подлинника, находящагося у А. М. Лазаревскаго).

Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи козацкихъ полковъ. Помѣщаемый здѣсь проектъ обращенія въ Малороссіи казенныхъ крестьянъ въ козаки, написанъ М. П. Миклашевскимъ, по мысли императора Александра I, желавшаго «учредить въ Малороссіи козацкіе полки». Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ авторъ проекта въ своемъ письмѣ къ Аракчееву. И проектъ, и письмо къ Аракчееву найдены въ черновикахъ, межъ бумагами М. П. Миклашевскаго. Въ письмѣ къ Аракчееву М—ій пишетъ:

«Съ того часа какъ вашему сіятельству угодно было удостоить меня открытіемъ священнѣйшей для насъ высочайшей его императорскаго величества воли объ учрежденіи въ Малороссіи козацкихъ полковъ, мысль моя не была спокойна, а стремилась къ изобрѣтенію средствъ—какъ бы лучше и съ пользою могла она быть приведена въ исполненіе. Изложивъ кратко главнѣйшія основы ихъ къ тому въ приложенной при семъ запискѣ, прошу покорнѣйше простить мнѣ если я ошибаюсь, и причесть сей подвигъ совершенно ревностному служенію моему великому государю нашему.

1) Если въ Малороссіи всѣхъ казенныхъ крестьянъ наименовать козаками, то сихъ и козаковъ я считалъ, должно быть до 170 тыс. хозяевъ или домовъ.

2) Если учредить такъ, чтобъ четыре дома или хозяева содержали изъ себя одного козака, то будетъ ихъ до 42 т. военного наряда служащаго.

3) Четыре хозяева, по мнѣнію моему, весьма легко и удобно могутъ прокормить въ мирное время козака и продовольствовать его лошадь.

4) На первой случай нѣтъ возможности имѣть себя самихъ одѣть и вооружить, а козми паче лошадей искинуть, потому что онѣ при-

ведены въ бѣдность, но въ послѣдствіи времени несомнѣнно можно положить, что онѣ своимъ коштомъ будутъ себя ремонтировать какъ лошадми, такъ конскою збруею. Мундиры жъ наружныя неудобно имъ давать однѣ.

5) Если здѣлать таково положеніе, то необходимо должно ихъ освободить отъ всѣхъ податей: и отъ возки писменной почты и эстафетъ, которая на нихъ однѣхъ лежитъ.

6) Если по расчету, казна отъ такого безденежнаго содержанія войскъ выиграетъ много, въ такомъ случаѣ всю земскую повинность изчисливъ на денги, можетъ вносить въ общественныя кассы отъ себя, исключая тѣхъ повинностей, которые необходимо отбываются натурою, напримѣръ дача подводъ для проходящихъ войскъ и для переѣздовъ полицейскихъ чиновниковъ.

Се суть первоначальныя основанія, на коихъ по волѣ Государя императора могутъ быть учреждены въ Малороссіи козацкія полки съ ползкою государственною и безъ отягощенія народнаго.

7) Въ мирное время казаки могутъ рекрутироваться отъ себя, а для военнаго надобно сдѣлать положеніе.

8) Для военнаго времени надобно сдѣлать положеніе о повинностяхъ козаковъ, остающихся въ домахъ своихъ.

Былъ ли проектъ представленъ императору или остался черновикомъ—изъ бумагъ М. П. М—аго не видно. А. Л.

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Личность Михаила Павловича Миклашевскаго слишкомъ хорошо извѣстна въ Малороссіи, чтобы нужно было о ней говорить. Проживъ болѣе 90-та лѣтъ (1756—1847), М. П. М—скій снискалъ себѣ общее уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ; а знали его, и знали близко, и Суворовъ, и Безбородко, и Аракчеевъ, и многое множество всякихъ сферъ людей, которымъ приходилось сталкиваться съ М—скимъ на долговременномъ его служебномъ поприщѣ, военномъ и гражданскомъ. Отсылая желающихъ познакомиться съ личностью М. П. М—скаго къ обстоятельному очерку его жизни, написанному Ѳ. Чижевымъ («Русск. Бесѣда», 1856 г., кн. I), мы скажемъ здѣсь, что въ оставшихся послѣ него бумагахъ, сохранилось не мало писанныхъ къ нему писемъ кн. Безбородка, кн. В. П. Кочубея, кн. Н. В. Репнина и друг. Вся эта переписка предоставлена была внукомъ М—ла П—ча, М. О. Микла-

шевскимъ умершему редактору А. С. Лашкевичу для помѣщенія наиболѣе интересныхъ писемъ на страницахъ «Кіевской Старины»¹⁾.

На первый разъ изъ бумагъ М. П. М—аго беремъ письма извѣстнаго малороссійскаго генераль-губернатора князя Н. В. Репнина. Писемъ послѣдняго сохранилось всего четыре, которыя мы тутъ и помѣщаемъ. Всѣ эти письма писаны кн. Репнинымъ собственноручно. Послѣднее изъ нихъ безъ года.—*Ред.*

I. Письма князя Н. В. Репнина, 1821—1828 г. ²⁾

1) Препровождаю къ вашему превосходительству открытое предписание съ усиленнымъ требованіемъ исполнить обѣщаніе ваше и при возвращеніи въ Пануровки, повидаться со мною. Я здѣсь, въ Полтавѣ, пробуду до 10-го, а потомъ вновь въ Черниговъ и далѣе т. е. въ столицу, куда государь долженъ былъ вернуться къ 24-му. Свиданіе со гвардейцами было самое дружеское и даже говорятъ трогательное; государь позволилъ корпусу офицеровъ угостить себя обѣдомъ на бивакахъ; пили за здоровье храброй и вѣрной гвардіи и тому подобное; награжденій много, главнѣйшія: Васильчикову и Дебичу 1-го Владиміра, Бенкендорфъ и Ольдекопъ генераль-лейтенанты, Безродный тайный совѣтникъ.—Вотъ вамъ газета Бешенковицкая.—Малороссійская не столь благопріятна: вездѣ хлѣбъ дорожаетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостатокъ будетъ болѣе, нежели въ прошлую зиму. Я просилъ для вашихъ повѣстовъ отсрочки податей и ссуды казеннымъ крестьянамъ и козакамъ хлѣба; не знаю будетъ ли удостоено одобренія нашего ареопага, наилучше сказать сангерида. Въ долгомъ пребываніи вашемъ между ими, вы навѣрно замѣтили малую ихъ ко мнѣ склонность; теперь я думаю еще менѣе жалують, видя, что побѣда не на ихъ сторонѣ и для того весьма желалъ бы какъ возможно поскорѣе развязаться съ ними, а приняться за старое ремесло, т. е. сѣсть на конь и впередъ.—Государь взялъ меня за живое, милостей его ко мнѣ много, но послѣднюю считаю выше всѣхъ; я у него въ долгу и съ радостью пролью за него кровь, лишь бы отъ чернилъ избавилъ.

Итакъ до скорого свиданья! Не перемѣняйте дружескихъ вашихъ ко мнѣ расположеній и вѣрьте, что несмотря на мое молчаніе,

¹⁾ Незначительная часть ихъ была напечатана Чижевымъ, въ его статьѣ о М. П. М—омъ.

²⁾ Всѣ письма начинаются обычнымъ—Милостивый государь Михаилъ Павловичъ.

я гордился ими и взаимно люблю и почитаю васъ какъ человѣка во всей силѣ¹⁾ съ сими чувствами пребуду навсегда, мил. госуд., ваш. превосх. покорнѣйшій слуга князь Рѣпинъ.

Полтава. 30 сентября 1821 г.

2) Предписанія стародубовскому комисару о евреѣ и открытыя (листы?) для взиманія лошадей, препровождаю, но съ уговоромъ, чтобъ меня не объѣхать, ибо Полтава по дорогѣ въ Екатеринославъ, въ еѣ же возвращаюсь 28 сего мѣсяца и пробуду до 15 будущаго, а тамъ отправляюсь торговать въ Роменъ, изъ Андреевки.

Яготинъ уже я посѣтилъ, мѣсто прелестное, но по несчастію и тамъ, подобно Почену, нема грошей. Слава Богу, что оказалось около 3 тыс. душъ свободныхъ, слѣдственно можно будетъ вывернуться, а не то нынѣшній годъ пришлось бы приплачиваться за наслѣдіе.

Уповаю на скорое свиданіе, прошу о продолженіи лестной для меня дружбы вашей и пребываю съ отличнѣйшимъ почтеніемъ, м. госуд., в. прев., покорн. слуга князь Рѣпинъ.

Черниговъ. 19 іюня 1822 г.

3) Возвращеніе почепскаго управителя даетъ мнѣ удобный случай поблагодарить васъ за дружеское письмо ваше и посѣщеніе Почепна. Жалѣю, что самъ не былъ въ сей грязной столицѣ нашей, для принятія дорогаго гостя и просвѣщеннаго опытнаго технолога; справедливыя замѣчанія послужили бы въ пользу хозяину, часто еще блуждающему, ибо руководствуетъ свои заведенія только по теоріи, а на практику времени нѣту. — Москва по старому обычаю да и Петербургъ тоже — сбрежали; новый годъ ничего новаго намъ не принесъ кромѣ сбора запасовъ и подводъ для арміи. Вы тоже по екатеринославской губерніи въ ономъ участники, слѣдственно входить въ подробности не нужно. Шляхта легче внесетъ, но козакамъ трудно будетъ, ибо придется покупать и потому нужно будетъ сдѣлать налогъ отъ 2 до 2½ руб. съ ревизжской души; продавцы на квитанціи не дадутъ и я думаю, что невозможно будетъ купить по той цѣнѣ, которая зачитаться будетъ въ подать.

У васъ чрезъ Пануровку проѣзжалъ Строгоновъ, зять г. В. П.²⁾ можетъ быть вы съ нимъ писали. Я послалъ тетрадь разныхъ замѣчаній; воля ихъ вѣрять намъ или нѣтъ, но честь, присяга и память

¹⁾ Не разобрано.

²⁾ Графа Виктора Павловича (Кочубя).

предковъ, обязываютъ говорить правду; недовѣренностью правительство себя затрудняетъ и уменьшаетъ моральныя свои силы, столь много дѣйствующія на физическія.

Жена несчастнаго брата моего пишетъ мнѣ изъ *Четинскаго Острова*, что зять вашъ¹⁾ весьма горюетъ, не получая съ мая мѣсяца извѣстія о супругѣ и дѣтяхъ. Богъ поразилъ моего узника еще вѣщимъ несчастіемъ: единственный сынъ его скончался 17 генваря. Малютка былъ прелестный и мы съ женой по истинѣ какъ бы потеряли собственнаго сына.

Такія времена, дражайшій Михаилъ Павловичъ, что во всякомъ письмѣ вмѣшается грустная статья; но тутъ то и нужно утѣшеніе дружбы, почему возывая къ продолженію вашей столь для меня лестной, прошу принять увѣреніе въ томъ отличнѣйшемъ почтеніи и совершенной преданности съ какими честь имѣю быть, м. г., в. прев., покорн. слуга К. Рѣпинъ.

Полтава. 17 февраля, 1828 г.

4) Искренно благодарю ваше превосходительство, за дружеское письмо, какъ за новое доказательство тѣхъ чувствъ, которые я желаю, чтобы всегда сохранились между нами.—Я пріѣхалъ сюды точно по курьерски и такимъ же образомъ долженъ и вернуться въ Полтаву, куды непременно долженъ вернуться къ 21 числу.—Государю угодно было возложить на меня изслѣдованіе по доносу гр. Ланжерона на людей прежде на него доносившихъ, и къ тому числу ожидаю я требуемыхъ мною свѣденій изъ Одессы; сіе единственно мѣшаетъ мнѣ заѣхать въ Понуровку, гдѣ всегда пріятно и желаю быть, а особливо въ то время, когда вы порадованы помолвкой дочери вашей; примите искреннѣйшее мое поздравленіе и желаніе, чтобы молодые были столь же счастливы въ своемъ супружествѣ, какъ мы съ вами.

Свидѣтельствуя мое почтеніе милостивой государынѣ Настасѣ Яковлевнѣ, приношу ей тоже мое поздравленіе, но ей право не къ лицу быть бабушкой.

Я проѣзжаю чрезъ Стародубъ въ понедѣльникъ и повторяю, что мнѣ весьма прискорбно быть лишему удовольствія васъ видѣть. Не побываете ли вы у насъ въ Полтавѣ? Государь будетъ въ іюль или августѣ.

¹⁾ Фонъ-деръ-Бриггенъ.

Примите удостовѣреніе въ отличнѣйшемъ почтеніи и совершенной преданности съ коими честь имѣю быть, м. г., в. прев., покорн. слуга князь Рѣпнинъ.

10 марта (изъ Почена?)

Къ статьямъ проф. Н. О. Сумцова «Культурныя переживанія». Печатавшіяся въ теченіе всего прошлаго 1889 г. въ «Кіев. Старинѣ» статьи проф. Н. О. Сумцова затронули такъ много живыхъ и интересныхъ вопросовъ народной жизни, что естественно вызвали нѣкоторыя дополненія и объясненія со стороны разныхъ лицъ. Охотно удѣляя мѣсто для всѣхъ такихъ дополненій въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ, мы на этотъ разъ приводимъ два изъ нихъ, касающихся вопроса о кумовствѣ и вопроса о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ.

I. *Къ вопросу о кумовствѣ.* Проф. Сумцовъ, разсматривая «развитіе понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства» («Кіев. Ст.», X, стр. 18), говоритъ: «народно-поэтическіе мотивы о разгульныхъ и развратныхъ кумовьяхъ выражаютъ то, что было въ народной жизни въ старину, что и теперь часто встрѣчается въ бытовой жизни».—Говоря это, почтенный изслѣдователь, какъ видно, упустилъ изъ виду тѣ, такъ сказать, степени родства по кумовству, которыя признаются самимъ народомъ. Такъ—*клькани*, т. е. приглашенные, кумъ и кума по отношенію къ пригласившему будутъ, по народному понятію, считаться *родными* и сожительство между ними почитается не только тяжкимъ преступленіемъ, но и смертнымъ грѣхомъ. Воспріемники же между собою будутъ считаться *товарищами* и сожительство между ними, хотя и считается предосудительнымъ, но приравнивается къ обыкновенному прелюбодѣянію. Вольныя отношенія между такими кумовьями—*товарищами*, должно полагать, и породили фривольныя пѣсенки въ родѣ: «И кумушка, и голубушка», «Ой кумъ куми радъ, повивъ куму въ виноградъ», «Ой кумъ до кумы та раненько иде», «Кума моя любленная, чого въ тебе пелена не зарубленная?» и мн. др.

Кстати: *кльканный* кумъ можетъ пригласившему его давать совѣты и выговоры, даже обругать и ударить его безнаказанно, такъ какъ послѣдній не имѣетъ права отвѣтить ему тѣмъ же—грѣхъ.

Далѣе проф. Сумцовъ приводитъ галицкую пѣсню, гдѣ выражено воззрѣніе народа на сожительство между кумами. Пѣсня эта

существуетъ и въ нашей степной Украинѣ; въ имѣющемся у насъ вариантѣ прямо указано на предосудительность сожителства именно между ридными кумами. Первые два ея куплета, очевидно, испорчены и скомканы, за то послѣдующіе, въ которыхъ и содержится самая суть, вполне сохранили свою цѣлость и неприкосновенность.

Якъ пиду я въ чисте поле
Квасоли садыты;
Посадыла квасолыну
Тай пишла до дому.
Не дійшла я до домоньку,
Въ шынокъ заблудыла;
Заглянула у виконце —
Пье мылый зъ кумою.
—Хыба тоби, кума моя,
Нема дома дила,
Що ты зъ моимъ чоловікомъ,
Въ шыночку засила?—
«Иди, мыла, до домоньку
Вечери варыты,
А я буду изъ кумою
Горилочку пыты». Говорить мужъ.
Якъ прыйшла я до домоньку
Пидпала дрова,
Сюды-туды повернулась,
Вечера готова.
Насыпала борщу-кашы,
Положила ложки,
Одвернулась до порога,
Заплакала трошки.

Приведу еще одну небольшую пѣсенку, замѣчательную по вдумчивымъ отвѣтамъ кумы на запретные, какъ видно, предложенія кума.

Ой прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мые ложки.
—Кыдай, кумо, ложки,
Поговорымо трошки.
«Ой куме, куме,
Превельный думе,
Жаль тебе покынуты,
Грихъ й остановыты».

Напоила, накормыла,
Обложила спаты,
Сама пишла у кантору,
Дала нанамъ знаты.
«Шаны мои сенаторы (v. секретари)
Ввольнить мою волю:
Возьмѣть моего чоловіка
Зъ ридною кумою».
Паны мои сенаторы
Воленьку вволюлы,
Взялы моего чоловіка
Въ кайдалы забылы.
—Ой що жъ це ты, моя мыла,
Мени наробыла,
Що ты мене молодого
Въ кайдалы забыла?
«Не я тоби, мій мыленький
Та такъ наробыла,
Наробыла тоби, мылый,
Твоя кума мыла,
Вона тебе молодого
Въ кайдалы забыла».

Зап. въ александр. у., екатеринославской губ.

Ой прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мете хату.
—Кыдай, кумо, хату,
Та ходимо у кимнату.—
«Ой куме, куме,
Превельный думе,
Жаль тебе покынуты,
Грихъ й остановыты».

Зап. тамъ же.

Кромѣ *кляканного* кума бываетъ еще и *стричанный*, т. е. встрѣчный. Берется онъ въ такихъ же случаяхъ, какъ и у великороссовъ. *Стричанный* кумъ почетнѣе *кляканного*. Но еще почетнѣе и *риднимъ* считается *одкупный* кумъ, о которомъ г. Сумцовъ говорить въ той же книгѣ, стр. 34. Берется онъ—если дитя долго хвораетъ, что часто приписывается несчастливости *кляканныхъ* кумовьевъ.

Обрядъ *одкупа*—не сложенъ. Приглашеннымъ *одкупнымъ* кумамъ хворый ребенокъ подается или черезъ «синешній» порогъ, или въ окно; они его берутъ и даютъ нѣсколько денегъ, одѣваютъ въ новое, принесенное съ собою бѣлье, и затѣмъ *одкупный* кумъ во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ жизни откупленного—замѣняетъ ему крестнаго, права котораго съ этого часа какъ бы игнорируются. **Ив. М.—ра.**

II. Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. Въ № 3 «Кіевской Старины» за 1889 годъ профессоръ Сумцовъ въ своей интересной статьѣ «Культурныя переживанія», между прочимъ, коснулся и вопроса о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ на югѣ Россіи. По этому поводу могу сообщить слѣдующее. Въ селѣ Михайловѣ (оно же Елисаветградка) издавна существуетъ церковная пасѣка при мѣстной Успенской церкви, въ пользу которой и идутъ доходы съ нея (пасѣки). Затѣмъ, вблизи того же села (въ 5 вер.), въ одной изъ лѣсныхъ сторожекъ казенной плосковской дачи, чернолѣсского лѣсничества, въ сѣняхъ, на сволокѣ, вырѣзана славянскими буквами слѣдующая очень интересная для нашего края надпись: «создана домъ сей въ байраку Плоскомъ новозаведенной пасѣки лавры свято-кіево-печерской року 1756, мая кнѣ дня. Сволокъ этотъ (дубовый), несмотря на древность свою, еще очень хорошъ на видъ и проченъ. На нижней сторонѣ вдоль его находится рѣзба въ видѣ толстаго каната съ плоскимъ крестомъ посерединѣ сволока. Надпись эта разъясняетъ мѣстное преданіе о существованіи монастыря въ Плоскомъ байрагѣ; среди лѣса и до сихъ поръ есть мѣсто, носящее названіе «Монастырища». Рассказываютъ, что здѣсь когда то стоялъ монастырскій домъ, изъ котораго и взяты, въ числѣ прочаго строительнаго матеріала, упомянутый выше сволокъ. Существованіе лаврской пасѣки въ нашемъ краѣ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько онъ прежде былъ благодатенъ и представлялъ благоприятныя условія для пчеловодства, которое теперь у насъ почти пало¹⁾.

¹⁾ Интересно, что въ указанной мѣстности все таки и понынѣ уцѣлѣла давняя пасѣка въ нѣсколько сотъ пней у мѣстнаго священника Успенской церкви.

Не лишнимъ, полагаю, будетъ указать, что «Плоскій байракъ» представляетъ собою одну изъ вѣтвей громаднаго (для степей) лѣса, тянущагося вдоль границы нынѣшняго чигиринскаго уѣзда, кievской губ., съ небольшими перерывами верстъ на 60 и носящаго разныя названія на своемъ протяженіи.

Вблизи Плоскаго байрака въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. были расположены козачьи станицы Григорьевка, отъ которой осталось лишь нѣсколько избышекъ ¹⁾, и Михайловка, обращенная въ двадцатыхъ годахъ въ военное поселеніе. Н. Левитскій.

Нѣсколько данныхъ о состояніи кievснаго учебнаго округа въ 1835 году. Въ октябрѣ 1835 года ожидался въ Кіевѣ царскій проѣздъ, при чемъ на этотъ разъ онъ долженъ былъ имѣть для города нѣкоторое специальное значеніе, благодаря тому, что предположено было въ присутствіи императора совершить закладку университетскаго зданія. Въ виду этого рассчитывали всѣ, что Николай I пробудетъ въ городѣ нѣсколько дней и успѣетъ осмотрѣть недавно открытый университетъ въ его первоначальномъ положеніи, учебныя заведенія и пр. На дѣлѣ, впрочемъ, вышло иначе: Царь пробылъ въ Кіевѣ всего лишь нѣсколько часовъ; зданія университетскаго не закладывалъ, какъ говоритъ Максимовичъ въ своихъ «Письмахъ о Кіевѣ», благодаря неосторожному отвѣту генераль-губернатора, опрометчиво сказавшаго, что смѣта постройки зданія доходитъ до семи милліоновъ, между тѣмъ, какъ впоследствии оказалось, вдвое меньше; не было также Высочайшаго осмотра учебныхъ заведеній, а только наскоро состоялся милостивый пріемъ всей университетской корпорации ²⁾. Между тѣмъ, къ этому дню, очевидно, приготовлены были подробные всеподданнѣйшіе рапорты, какъ о состояніи округа, такъ и университета въ частности. Объ этомъ можно судить потому, что у насъ имѣются два несомнѣнно подлинныхъ такихъ рапорта—одинъ за подписью тогдашняго попечителя округа фонъ-Брадке, а другой за подписью тогдашняго ректора университета Максимовича. Сверхъ того, у насъ имѣется еще нѣсколько документовъ, относящихся къ этому же моменту, но не скрѣпленныхъ подписями; очевидно, эти

¹⁾ Жители же „перегнаны“ военно-поселенческимъ начальствомъ въ с. Федварь.

²⁾ Подробности объ этомъ въ „Исторіи ун-в. св. Владиміра“. М. Владимірскаго-Буданова, т. I, стр. 288—292.

документы служили подготовительнымъ матеріаломъ для составленія самихъ рапортовъ.

На этотъ разъ мы подѣлимся съ читателями данными, касающимися состоянія всего учебнаго округа, каковыя находятся въ рапортѣ попечителя фонъ-Брадке, оставляя для слѣдующей книжки данныя о состояніи университета въ частности по рапорту ректора М. Максимовича.

На первомъ планѣ въ рапортѣ находятся высшія учебныя заведенія округа, каковыхъ было два: Императорскій университетъ св. Владиміра съ 27 чиновниками, 29 преподавателями и 123 учащимися, изъ которыхъ казеннокоштныхъ 23 и пансіонеровъ 8; лицей князя Безбородка въ Нѣживѣ съ 6 чиновниками, 12 преподавателями, 2 комматными надзирателями и 170 воспитанниками, изъ которыхъ казеннокоштныхъ 17, пансіонеровъ 11.

Далѣе въ рапортѣ идетъ перечень учебныхъ заведеній по губерніямъ, при чемъ учебныя заведенія распределены по такимъ рубрикамъ: 1) гимназіи, 2) уѣздныя училища, 3) приходскія училища, 4) частныя пансіоны съ подраздѣленіемъ ихъ на мужскіе и женскіе.

Во всей кіевской губерніи была только одна гимназія, именовавшаяся *губернской* (теперешняя 1-ая кіевская гимназія) съ 6 чиновниками, 16 преподавателями, 8 комматными надзирателями и 591 учащимся, изъ которыхъ въ благородномъ пансіонѣ было 84 (казеннокоштныхъ 20 и пансіонеровъ 64), въ конвiktѣ бѣдныхъ дворянъ 40 (казеннокоштныхъ 29, пансіонеровъ 11) и въ училищѣ землемѣровъ 20 (всѣ казеннокоштные). Уѣздныхъ училищъ было въ губерніи всего 4 съ 324 учащимися; приходскихъ училищъ—12 съ 251 учащимся мужескаго пола и 94 женскаго; частныхъ пансіоновъ: мужскихъ—3 съ 112 учащимися и женскихъ—7 съ 196 учащимися.

Въ волынской губ. было двѣ гимназіи: *житомирская*, именовавшаяся *губернской*, съ 5 чиновниками, 10 преподавателями и 320 учащимися, и *клеванская* съ 3 чиновниками, 12 преподавателями и 254 учащимися. Уѣздныхъ училищъ было въ губерніи 4 съ 266 учащимися; приходскихъ училищъ—19 съ 351 учащимся (всѣ мужескаго пола); частныхъ женскихъ пансіоновъ 3 съ 48 учащимися.

Въ подольской губ. тоже было двѣ гимназіи: *каменецъ-подольская*, именовавшаяся *губернскою*, съ 4 чиновниками, 10 преподавателями и 210 учащимися; *винницкая*—съ 2 чиновниками, 12 преподавателями и 322 учащимися. Уѣздныхъ училищъ въ губерніи было только 2 съ 146 учащимися; приходскихъ училищъ только 3 съ 237

учащими (всѣ мужескаго пола); частныхъ пансіоновъ: мужскихъ 2 съ 19 учащими, и женскихъ—4 съ 47 учащими.

Наконецъ, въ черниговской губерніи было двѣ гимназіи: *черниговская*, именовавшаяся *губернскою*, съ 6 чиновниками, 11 преподавателями и 170 учащими; *новгородъ-сѣверская*—съ 3 чиновниками, 11 преподавателями и 268 учащими. Уѣздныхъ училищъ во всей губерніи было 17 съ 1005 учащими (въ томъ числѣ стоитъ Александровское греческое училище въ Нѣжинѣ); приходскихъ училищъ—17 съ 669 учащими (всѣ мужескаго пола); частныхъ пансіоновъ не было совсѣмъ. Итого во всемъ округѣ было: 2 высшихъ учебныхъ заведенія съ 293 учащими, 7 гимназій съ 2135 учащими, 27 уѣздныхъ училищъ съ 1741 учащими, 51 приходское училище съ 1508 учащими мужескаго пола и 94—женскаго, 5 частныхъ мужскихъ пансіоновъ съ 131 учащими и 14—женскихъ съ 291 учащейся.

Такимъ образомъ, всѣхъ учебныхъ заведеній—106, всѣхъ учащихся—5808 мужескаго пола и 385—женскаго.

Въ дополненіе къ этому рапорту у насъ имѣется вѣдомость о состояніи учебныхъ заведеній г. Кіева въ томъ же 1835 году. Хотя вѣдомость эта не подписана никѣмъ, но, судя по чистотѣ ея и по датѣ «октябрь—дня 1835 года», можно смѣло отнести ее къ документамъ вполне достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что найдена она нами въ бумагахъ М. Максимовича вмѣстѣ съ указанными раньше рапортами, т. е. очевидно—и эта вѣдомость готовилась къ царскому проѣзду. Въ ней, сверхъ указанныхъ уже въ рапортѣ данныхъ, находимъ перечень учебныхъ заведеній г. Кіева, а именно: кіево-подольское уѣздное училище со 162 учащими; 4 приходскихъ училища: кіево-печерское мужское ланкастерское съ 45 учащими, кіево-печерское дѣвичье съ 42 учащими, кіево-подольское мужское съ 47 учащими и кіево-подольское дѣвичье съ 52 учащими; 5 частныхъ пансіоновъ: мужескій пансіонъ Коваленкова съ 20 учащими, женскіе пансіоны—Тютэ съ 65 учащими, Коваленковой съ 15 учащими, Залесской съ 40 учащими, Смирновой съ 24 учащими. Всего въ г. Кіевѣ—12 учебныхъ заведеній (съ высшимъ и средними) съ 1015 учащими мужескаго пола и 164—женскаго.

Печатая всѣ эти данныя, мы, съ одной стороны, желаемъ опубликовать тотъ матеріалъ, который можетъ послужить въ пользу составителю исторіи кіевского учебнаго округа (мелькомъ упоминалось

въ газетахъ, что эта исторія уже изготовляется), а съ другой — надѣмся помочь читателю нарисовать въ умѣ, хотя блѣдную, но все же картинку умственной жизни нашего края 55 лѣтъ тому назадъ.

В. Науменко.

Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи ¹⁾. Нѣкоторые обряды, соблюдаемые въ настоящее время въ Малороссіи при погребеніи, или только недавно вышедшіе изъ употребленія, указываютъ на глубокую древность и на языческія міровоззрѣнія такіа, какія были относительно этого предмета у классическихъ народовъ.

По представленію народа загробная жизнь есть продленіе настоящей, поэтому для покойника требуется все то, что окружаетъ его въ обыденной жизни. Такое представленіе со всею ясностью обрисовывается въ первобытной Руси. Въ описаніи погребенія русса сказано, что покойника положили въ судно, одѣли его въ лучшія, дорогія одежды, поставили подлѣ него горячій напитокъ. «Затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ ихъ разрубили мечами и мясо ихъ бросили въ судно; затѣмъ привели двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; затѣмъ принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда же» ²⁾. Съ этимъ покойникомъ, какъ извѣстно, сжигаютъ чѣвушку, которую раньше убиваютъ.

Основной смыслъ этого погребенія составляетъ желаніе дать покойнику возможность жить послѣ смерти, какъ онъ жилъ и при жизни, а потому съ покойникомъ вмѣстѣ хоронились рабы, служанки и всѣ предметы домашняго быта.

Сходный съ этимъ обычай очень долго сохранялся въ Малороссіи. По рассказамъ стариковъ, только лѣтъ 50 назадъ прекратилось обыкновеніе класть въ гробъ покойника хлѣбъ, горшокъ съ кашей и графинъ съ водкой; и теперь на старыхъ кладбищахъ нерѣдко натыкаются на могилы, въ которыхъ находятъ посудину съ водкой. До настоящаго времени сохранялся еще обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути (въ переднемъ, почетномъ углу) или на окнѣ стаканъ съ водой или водкой

¹⁾ Это сообщеніе, какъ рефератъ, мною было читано на VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, въ авг. 1887 г.

²⁾ Гаркави: „Сказанія мусульм. писат. о славянахъ и руссахъ“, 98—99.

и краюшку хлѣба. Этотъ обычай основанъ на томъ вѣрованіи, что душа покойника приходитъ въ свой домъ ужинать. Обыкновенно, вода за ночь убываетъ; но народъ смотритъ на это, какъ на несомнѣнное доказательство того, что покойникъ явился и выпилъ воду.

Несомнѣнно также, глубокая древность видна въ обычаѣ бросать въ могилу мѣдныя деньги. Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и П. Чубинскій въ описаніи малорусскаго погребенія (Тр. э. э., IV, 710) и объясняетъ такъ, что деньги даются *за місце*. Я подробно разспрашивалъ, какой смыслъ придаетъ народъ этому бросанію мѣдныхъ монетъ, и мнѣ объяснили, что подъ землей живетъ *дидько*, который придетъ и скажетъ: «это мое мѣсто, уходи», и надо ему заплатить за мѣсто, чтобы онъ не прогонялъ. Слово *дидько* въ малорусской демонологіи замѣняетъ собою древнія низшія божества: и лѣшій — *дидько*, и домовой — *дидько*. — Въ послѣднемъ обычаѣ бросать деньги въ гробъ слѣдуетъ видѣть родство съ греко-римскимъ обычаемъ класть мертвецу въ зубы или на лобъ мѣдную монету для уплаты Харону при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ въ царство тѣней.

Точно также и слѣдующіе обычай указываютъ на славянскую старину. Въ Малороссіи почти повсемѣстно принято, что покойника везутъ на возу или на санихъ, непременно запряженныхъ волами; при этомъ вокругъ покойника садятся дѣти, а иногда и взрослые родственники. Въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ сохранился еще обычай отвозить покойника и зимою, и лѣтомъ на санихъ, чѣмъ отлично объясняется выраженіе Владиміра Мономаха: «*спѣя на саняхъ*», т. е. на смертномъ одрѣ.

Когда умираетъ дѣвушка-невѣста, то ее одѣваютъ какъ къ вѣнцу, расплетаютъ и расчесываютъ волосы, кладутъ на голову ленты и вѣнокъ и украшаютъ голову зеленью и цвѣтами. Какъ дѣвушка, такъ и парню на средній палецъ правой руки надѣваютъ металлическое кольцо; между тѣмъ какъ женатому человѣку и замужней женщинѣ кольца не надѣваютъ. Со смертью дѣвушки-невѣсты или парня родные пекутъ коровай, кладутъ его на гробъ и послѣ похоронъ на могилѣ раздаютъ его роднымъ покойника. Дѣлаютъ это для того, чтобы вмѣстѣ съ похоронами соорудить парню или невѣстѣ и свадьбу, которой тѣ не дождались. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покойницѣ (дѣвушка) назначаютъ парня-жениха, который идетъ за гробомъ, одѣтый прилично своему званію.

Если умираетъ отецъ или мать и оставляетъ дочерей, не выданныхъ замужъ, то послѣднія расплетаютъ косу, какъ дѣлается это

на свадьбѣ, и идутъ такъ за гробомъ, чтобы дать возможность родителѣмъ видѣть дочь въ брачномъ одѣяніи.

Покойника обыкновенно провожаютъ съ особенными опредѣленными плачами; но существовалъ обычай, правда не повсемѣстно, не плакать надъ умершимъ, а веселиться, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Такой обычай, по разсказу одной старухи, существовалъ въ селѣ Подвысокомъ, кіевской губ., уманскаго уѣзда. Какъ ни страненъ этотъ обычай, но онъ коренится въ древне-русской тризнѣ, празднествѣ надъ умершимъ, состоящемъ въ военныхъ играхъ, пиршествахъ и веселіи.

Хр. Ящуржинскій.

Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки? ¹⁾ 8 ноября минувшаго года праздновалось пятисотлѣтіе русской артиллеріи. Основаніе для приуроченія этого праздненства къ нынѣшнему году даетъ лѣтописная замѣтка, свидѣтельствующая, что въ 1389 г. были привезены арматы въ Москву изъ нѣмцевъ и съ этого времени москвичи стали палить огнемъ. Краткая лѣтописная замѣтка не говоритъ, отъ какихъ нѣмцевъ прибыли первые пушки и какимъ путемъ онѣ были доставлены. Если имѣть въ виду только одно московское государство, то на основаніи указанного лѣтописнаго извѣстія, первое появленіе артиллеріи здѣсь дѣйствительно случилось ровно пятьсотъ лѣтъ назадъ. Однако, что касается Руси западной, то тамъ первое ознакомленіе съ артиллеріей произошло на нѣсколько лѣтъ раньше. И въ западной Руси, какъ и въ московской, учителями пушкарскаго дѣла явились нѣмцы. Извѣстно, что съ XII ст. на берегахъ Балтійскаго моря основалась нѣмецкая колонія, которая въ короткое время разрослась въ обширное государство. Въ началѣ XIII в. въ двухъ разныхъ пунктахъ основываются здѣсь полумонашескіе, полувоеенные ордена меченосцевъ и тевтонскій; въ 1237 г. оба ордена соединяются и систематически принимаютъ за подчиненіе ливонскихъ и литовскихъ племенъ, заселявшихъ сѣв.-вост. побережье Балтійскаго моря. Обладая большими средствами, крѣпкой организаціей и замѣчательными дипломатическими способностями, орденъ весьма успѣшно ведетъ свою миссію, на знамени которой только по ошибкѣ былъ выставленъ крестъ. Крестоносцы не имѣли времени путемъ долгихъ словесныхъ убѣжденій обращать языческихъ туземцевъ: они избрали для этого болѣе краткій

¹⁾ Настоящая замѣтка нѣсколько запоздала по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ.

путь, обращая ихъ igne et ferro, на основаніи знаменитаго папскаго изреченія *compellere intrare...* Военное искусство ордена скоро приобрѣло громкую извѣстность въ западной Европѣ; орденъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитой военной школой, куда ежегодно направлялась для практики въ военномъ дѣлѣ знатная рыцарская молодежь изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Европы. Орденъ внимательно слѣдилъ за успѣхами военного дѣла на Западѣ и тотчасъ примѣнялъ у себя всѣ новѣйшія изобрѣтенія военной техники.

Подобное важное изобрѣтеніе, какъ огнестрѣльное оружіе, не могло не обратить на себя вниманія такихъ знатоковъ военного искусства, какими были крестоносцы, особенно въ виду того, что сами литовцы успѣли уже перенять у орденскихъ братьевъ многіе приемы военного дѣла, научились строить неприступныя крѣпости, познакомились съ употребленіемъ осадныхъ машинъ и пр. Однако артиллерія появляется у крестоносцевъ сравнительно довольно поздно: въ то время, какъ на Западѣ, во Франціи, Англіи, Италіи она уже повсемѣстно была въ употребленіи къ срединѣ XIV в., орденскіе братья впервые примѣняютъ ее въ походахъ на Литву въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XIV ст. Въ одной изъ прусскихъ лѣтописей (Виганда изъ Марбурга) сохранилось извѣстіе о первомъ появленіи артиллеріи у крестоносцевъ. Рассказывая объ одномъ изъ мелкихъ походовъ крестоносцевъ на Литву въ 1381 г. (крестоносцы ежегодно совершали по нѣсколько такихъ набѣговъ, называвшихся «рейзы») Вигандъ описываетъ осаду литовской крѣпостцы Naupillen и прямо говоритъ, что въ этой осадѣ крестоносцы впервые употребили въ дѣло пушки, чѣмъ сильно напугали язычниковъ, никогда не видѣвшихъ подобныхъ орудій. (*Postea in Naupillen veniunt, ubi preequites multos viros occiderunt. Subsequiturque exercitus et opponunt se castro bombarden advolventes crastina die sagittis (usus bombardarum primus) impugnant, multi quoque paganorum perterriti sunt, quum ante hec tempora non asportabant bombardas contra paganos.* См. Script. Rer. Prussic. t. II p. 599, тоже и въ нѣмецкомъ оригиналѣ той же хроникѣ: A. 1380 (годъ невѣренъ, данный походъ былъ въ 1381 г.) *Zog der orden in das landt Weigow vor Naupillen und brochten puchsen dorvor. Do das die heiden horten, goben sie sich mit weib und kindt und huldigten in. Und das waren die ersten buxen die im landt gehort waren.* Ib. p. 601.

Однако и литовцы, перенявшіе, какъ мы уже сказали, много техническихъ военныхъ приемовъ у крестоносцевъ, успѣли приобрести

артиллерію почти одновременно съ орденскими братьями. Въ 1382 г. Кейстутъ при осадѣ орденской крѣпости Юргенбурга имѣеть уже пушки. (*Post Pascha navigio per Mimilam descendit Kynstut cum bombardis ante Jurgenberg vulgariter. Scr. Rer. Pruss. II p. 613*, тоже въ нѣмецкомъ текстѣ: *Item, do zog könig Kinstut in Preussen vor Jnsterborg und brochte buxen mit. Ibid*) Лѣтопись не говоритъ, откуда досталъ пушки Кейстутъ, были ли это отбитыя у крестоносцевъ орудія, или литовцы успѣли гдѣ нибудь заказать и для себя орудія, въ важномъ значеніи которыхъ они убѣдились на дѣлѣ, въ стычкахъ съ орденомъ. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ первое. Въ періодъ 1380—81 г. литовцы не разъ нападали на орденскія земли и иногда довольно успѣшно; такъ, въ одинъ изъ набѣговъ Кейстутъ захватилъ 500 плѣнныхъ; при этомъ онъ могъ и отбить орудія у крестоносцевъ. Рассказывая объ осадѣ Трокеъ Ягелла вмѣстѣ съ крестоносцами (въ время эпоху борьбы Ягелла съ Кейстутомъ 1382), Вигандъ говоритъ, что магистръ ордена подарилъ Ягеллу пушки, привезенныя крестоносцами для осады города (*et sic marschalkus... bombardas, quas adduxerat ad vincendas terras in Dei laudem et virginis Marie dedit regi, nec ullam deduxit. Scr. Rer. Prussic. II, p. 618*) Такимъ образомъ западная Русь познакомилась съ употребленіемъ артиллеріи нѣсколько раньше, чѣмъ восточная; но при плохомъ состояніи тогдашнихъ орудій и неумѣніи съ ними обращаться, артиллерія приносила пока мало пользы: такъ, Витовтъ имѣлъ пушки въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ, что однако не помѣшало ему потерпѣть жестокое пораженіе.

И. А. Линниченко.

Генеральный писарь Андрей Безбородко.

Р. 1711 † 1780.

(КЪ ПОРТРЕТУ).

Безбородки происходятъ изъ переяславскаго мѣстечка Безрезани, гдѣ въ нач. XVIII в. жилъ „панъ Яковъ Безбородченко“ — отецъ генеральнаго писаря Андрея Безбородка и дѣдъ князя Александра Безбородка. Купивъ въ 1706 г., „ставище“ на Сухой Оржицѣ, Яковъ Безбородченко устроилъ здѣсь хуторъ, къ которому сталъ затѣмъ прикупать сосѣднія земли, изъ которыхъ образовалось къ 1717 г. значительное земельное владѣніе, утвержденное за Безбородкомъ въ томъ же году, универсаломъ Скоропадскаго. Дальнѣйшія земельныя пріобрѣтенія Безбородка утвердилъ за нимъ гетманъ Апостоль универсаломъ 1728 г., въ которомъ Яковъ Безбородко называется уже „значковымъ полку переясловскаго товарищемъ“. Въ это время старшій сынъ Якова Безбородка—Андрей уже служилъ въ генеральной канцеляріи канцеляристомъ и скоро за его способности, былъ замѣченъ Апостоломъ, который „извѣдавши Безбородка добропорядочно и по чистой совѣсти поступающа, къ должности старшаго канцеляриста, въ 1733 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, опредѣлилъ словесно“. При кн. Барятинскомъ (1736—37) Б. дѣлается уже близкимъ къ этому „правителю“ Малороссіи чиновникомъ. Изъ м. Переволочной, въ сентябрѣ 1737 г., Б. пишетъ полтавскому полковому писарю Руновскому: его сіятельство (кн. Барятинскій) изволилъ приказать мнѣ писать къ в.м. пану, партикулярно, дабы прислать доброго пива куфъ зо-двѣ (бочки двѣ) и прислать

какъ скорѣе возможно; а понеже я надѣюсь, что нигдѣ индѣ какъ въ Нов. Санджарахъ¹⁾ легко хорошаго пива сыскать возможно, того ради совѣтую вм. пану въ томъ своего особливаго приложить стараня, дабы хорошаго и тонкаго пива куховъ зо двѣ было съ самой скорости въ дворъ его сіят. прислано“.—Румянцовъ (отецъ Задунайскаго), замѣнившій Барятинскаго, еще болѣе приблизилъ къ себѣ Б—ка и за смертію генер. писаря Турковскаго, въ 1739 г. поручилъ ему править эту важную въ то время должность. При Кейтѣ, въ 1741 г., Б. былъ утвержденъ генеральнымъ писаремъ. За это время онъ успѣлъ уже получить „въ вѣчное владѣніе“ три села и породниться съ мѣстною знатію. Въ прошеніи 1740 г. Андрей Б. писалъ: „По силѣ указа 1736 г., за службы мои опредѣлены мнѣ въ вѣчное владѣніе маестности: село Стольное, да въ гелмязовской сотнѣ села Плешканы и Богданы, кои универсалами—однимъ умершаго кн. Барятинскаго, декабря 1736 г., а другимъ генер. Румянцева, въ апрѣлѣ 1739 г., мнѣ ствержены; только на оныя маестности для совершенной въ вѣчные часы твердости, жалованной грамоты не имѣю; прочіе же братья моя (товарищи) въ должности таковой какъ я нынѣ, въ исправленіи дѣлъ въ войск. генер. канцеляріи званія старшаго войск. канцеляриста и писаря войск. генеральнаго подлѣжащихъ, находясь, яко то: Кочубей, Володковскій, Валькевичъ и прочіе, жалованныя грамоты получили.—Я же чрезъ немалыя лѣта, такъ въ званіи старшаго войск. канцеляриста, яко въ болѣзнь и по смерти писаря войск. генеральнаго Турковскаго, въ его должности трудясь и при главныхъ командирахъ на границы и въ другія въ минувшее военное время, приключаемыя поѣздки, безотлучно на своемъ коштѣ, отлучался“. Б. просилъ выдать ему на маестности грамоту, которую и получилъ. Женившись на дочери генеральнаго судьи Михайла Забѣлы, Б. вошелъ въ кругъ стариннаго панства.

Но только что успѣлъ Андрей Б. утвердиться на своемъ вліятельномъ урядѣ и сдѣлаться необходимымъ человекомъ для тогдашнихъ правителей Малороссіи, какъ на него написанъ

¹⁾ Мѣстечко около Полтавы.

былъ въ Петербургѣ такой доносъ, что въ ноябрѣ 1742 г. былъ присланъ оттуда въ Глуховъ указъ—отрѣшить Б—ка отъ должности и произвести по доносу слѣдствіе самому Бибикову (тогдашнему правителю) съ двумя особо назначенными чиновниками. Доносителемъ явился землякъ Б—ка, яготинскій сотникъ Филиппъ Купчинскій.

Купчинскій обвинялъ Б—ка прежде всего во взяточничествѣ, которое будто бы онъ, пользуясь довѣріемъ правителей, довелъ до небывалыхъ размѣровъ; затѣмъ—въ лицепріятіи къ родичамъ и пріятелямъ. При этомъ Купчинскій рассказываетъ, что Б. началъ опредѣлять полковую и сотенную старшину безъ выборовъ, по личному своему произволу, за деньги. За сотничьи уряды бралъ по 100, по 70 рублей; а для того, чтобъ доходъ свой съ сотниковъ увеличить, убѣдилъ Румянцева—многія сотни подѣлить пополамъ и такимъ образомъ создалъ новыя должности, которыя роздалъ также за деньги. Не довольствуясь и этимъ, говоритъ Купчинскій, Б. установилъ новыя уряды „вакансовые“, завелъ такой порядокъ, что при неимѣніи вакантнаго уряда, выдавалъ искателю мѣста свидѣтельство на „вакансовое сотничество“ и даже полковничество, съ тѣмъ, что получившій такое свидѣтельство, имѣлъ право получить первое открывшееся сотничье или даже и полковничье мѣсто.—Затѣмъ Б. увеличилъ число канцеляристовъ въ своей канцеляріи до 200 человѣкъ; а при Апостолѣ ихъ было, по словамъ Купчинскаго, всего 30; за пріятіе въ канцелярію Б. также бралъ взятки и для увеличенія ихъ размѣровъ, сталъ опредѣлять канцеляристами людей „посполитой породы“, т. е. крестьянъ и мѣщанъ.—Доносъ свой Купчинскій подтверждалъ многими примѣрами, въ доказательство которыхъ ссылался на свидѣтелей. Такъ доноситель рассказывалъ, что на урядъ новгородсѣверскаго сотничества Густавъ Биронъ рекомендовалъ Румянцеву значковаго товарища Александра Пилатовича, за котораго подали де голоса свои и сотняне; но, не смотря на это, Б. отдалъ тотъ урядъ Степану Судьенку, взявъ съ него за то 600 р. и четыре бочки водки. Выкрещенный еврей Крыжановскій сначала получилъ водочный откупъ въ двухъ полкахъ, лубенскомъ и миргородскомъ, а потомъ опредѣленъ въ

м. Глинскъ сотникомъ; за это Б. получилъ отъ него 260 червонцевъ да жемчугу для жены, рублей на триста. Родственникамъ раздалъ де Б. слѣдующія мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновьямъ его, Григорію и Якиму Сахновскимъ—старосанжаровскаго и менскаго сотниковъ, да племяннику жены, Василию Быковскому—гадяцкаго судьи. Особенно обильный доходъ, по словамъ доносителя, доставляли Б—ку тѣ взятки, которыя онъ бралъ за опредѣленіе молодыхъ людей въ канцеляристы генеральной канцеляріи. Такъ будто бы, Б. взялъ у Кисилевскаго, за принятіе въ канцеляристы генер. канцеляріи, шесть кубковъ серебряныхъ и два перстня; у Григорія Иваненка—лошадь съ рондомъ серебрянымъ; у Григорія Туманскаго—среб. кружку въ двѣ кварталы; у Якова и Семена Копцевичей—девять кубковъ серебряныхъ; у Дунина-Борковскаго—пятнадцать стѣнныхъ ковровъ; у Михайловича—портище штофу; у Ивана Тумковскаго—сребр. лядунку; у Кирилла Лукашевича—листоваго стекла на окна, въ построенный въ м. Стольномъ домъ; у Федора Чернацкаго—большой турецкій наметъ (палатку) и т. д. Бралъ взятки Б. и съ тѣхъ урядниковъ, которые получали мѣста по выбору: съ Андрея Рубца взялъ меду сто пудовъ и водки десять бочекъ за то, чтобъ Рубцу быть судьей стародубскимъ, а не обознымъ, и за то, что ему, Рубцу, стараніемъ Б—ка „отданъ былъ въ подданство свободный городъ Мглинь“, что послѣ уничтожилъ правитель Леонтьевъ; у бунчук. товарища Андрея Полуботка взялъ сто брусевъ дубовыхъ; у бунчуков. товарища Андрея Дунина-Борковскаго взялъ цѣлый домъ, который перевезъ въ Стольное; у компанейскаго полковника Игната Чеснока взялъ турецкую янычарку (саблю); у полковника Канниста—15 лошадей, за рѣшеніе дѣла его съ маяцкимъ сотникомъ...

Изъ этого доноса видно, что Андрей Б. при правителяхъ, до 1741 г., былъ едва ли не самымъ вліятельнымъ чиновникомъ въ Малороссіи.—Доносъ былъ слишкомъ важенъ, но слѣдствіе по нему производилось замѣчательно медленно: Б. отрѣшенъ былъ отъ должности въ ноябрѣ 1742 г., но первый допросъ ему былъ сдѣланъ лишь въ концѣ марта слѣдующаго года, а второй

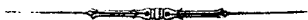
допросъ произведенъ почти черезъ пять лѣтъ, въ маѣ 1747 г. На обвиненія во взяточничествѣ при раздачѣ мѣстъ, Б. отвѣчалъ, что не онъ опредѣлялъ чиновниковъ, а правители; взятокъ же онъ не бралъ никакихъ. Послѣ втораго допроса дѣло почему то остановилось вовсе и не двигалось до прїѣзда въ Малороссію Разумовскаго, въ 1751 г.-- Новый гетманъ пожелалъ сразу покончить это дѣло и поручилъ вслѣдъ за прибытіемъ своимъ въ Глуховъ (30 іюня), немедленному разрѣшенію генеральной старшины и полковниковъ, съѣхавшихся въ Глуховъ для встрѣчи гетмана. Въ августѣ дѣло уже было рѣшено: „Купчинскій обвиненъ, а Б. оправленъ старшиною генеральною и полковниками, и по прежнему, ордеромъ гетманскимъ, опредѣленъ въ генеральную канцелярію; а Купчинскій лишенъ сотничьяго чина, чести и 100 ударовъ кіями взялъ“. Такъ записалъ это рѣшеніе современникъ Яковъ Марковичъ. Оправданный Б. снова занялъ урядъ генеральнаго писаря и снова сталъ пользоваться прежнимъ вліяніемъ. Не разъ приходится въ архивныхъ бумагахъ встрѣчать универсалы Разумовскаго, подписанные „по повелѣнію гетмана“ Б—комъ...

Болѣе десяти лѣтъ правилъ Б. при Разумовскомъ, генеральною канцеляріей. Въ 1762 г. вмѣсто Б-ка, генер. писаремъ назначенъ былъ Василій Туманскій, а Б. былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генер. судьи.—Отставной Б. поселился въ своемъ Стольномъ (мѣст. сосницкаго уѣзда) и здѣсь доживалъ вѣкъ, радуясь какъ его старшій сынъ Александръ быстро шелъ вверхъ по служебной лѣстницѣ: принятый на службу Румянцовымъ въ 1765 г., молодой Б. въ 1774 г. (27-ми лѣтъ отъ роду) былъ пожалованъ полковникомъ въ кіевскій полкъ, а еще черезъ годъ—сталъ секретаремъ при императрицѣ, „у принятія челобитенъ“.—Умеръ Андрей Б. въ мартѣ 1780 г., оставивъ двухъ сыновей—Александра, будущаго канцлера и свѣтлѣйшаго князя, и Илью, и трехъ дочерей: Анну (Галецкую), Ульяну (Кочубей) и Татьяну (Бакуринскую ¹⁾).

¹⁾ См. Русск. Архивъ 1875 г.

Приложенный къ настоящей книжкѣ портретъ Андрея Б-ка представляетъ точный снимокъ съ портрета, хранящагося въ семьѣ А. П. Бакуринскаго (внука Татьяны Андреевны Б-ко). Въ собраніи В. В. Тарновскаго имѣется другой портретъ Андрея Б-ко—*съ усами*, написанный повидимому, уже въ преклонные годы бывшаго генер. писаря. Подлинникъ этого послѣдняго портрета находится у П. А. Кочубея, въ с. Згуровкѣ, прилуцк. уѣзда.

А. Л.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) *Київъ теперь и прежде.* Составилъ инспекторъ кievскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. Издалъ содержатель пароваго лито-типографическаго заведенія С. В. Кульженко. Рисунки и клише собственность издателя. Киевъ, 1888. in-4° (стр. 276. Цѣна 10 руб.). 2) *Київъ теперь и прежде.* Киевъ, 1888. in-4° (стр. 290+XI—съ указаніемъ именъ. Цѣна 12 руб. въ переплетѣ). 3) *Київъ теперь и прежде.* Киевъ, 1888 in 4° (стр. 290+XVI—съ указателемъ именъ. Цѣна 6 руб. въ переплетѣ).

Какъ можно заключить изъ случайнаго замѣчанія автора (стр. 36—цитируемъ по первому изданію), появленіе книги было вызвано 900-лѣтнимъ юбилеемъ крещенія Руси. Редакція «Кievской Старины» не дала въ свое время отчета о новомъ вкладѣ въ исторію нашего города, чтобы не омрачать торжества неизбѣжнымъ словомъ укоризны къ издателю, который видимо не пощадилъ средствъ для этого роскошнаго труда и очевидно руководствовался наилучшими намѣреніями. Появленіе въ концѣ прошлаго года новаго, удешевленнаго изданія книги вынуждаетъ редакцію оказать издателю и самому автору ту услугу, какой они вправѣ требовать отъ кievскаго научно-историческаго журнала. Художественной стороны изданія не касаемся, такъ какъ она нашла справедливую оцѣнку въ своевременно появившейся рецензій «Вѣстника Европы». Мы несогласны съ мнѣніемъ почтеннаго рецензента петербургскаго журнала, что въ подобнаго рода изданіяхъ текстъ стоитъ на второмъ планѣ. Сочиненіе г. Захарченка весьма обширно, оно снабжено ссылками и учеными цитатами, трактуетъ вопросы высокой важности, замыкаетъ цѣлый рядъ популярныхъ и научныхъ работъ по исторіи нашего города, и конечно, должно представлять поэтому сводку, въ общедоступной формѣ, добытаго ранѣе археологическаго и историческаго матеріала. Разъ ав-

торъ историческаго сочиненія ссылается на свои источники и пособія—какъ это дѣлаетъ г. Захарченко—онъ безспорно вправѣ разсчитывать на большее вниманіе критики къ своему труду.

Сочиненіе г. Захарченка, къ сожалѣнію, лишено предисловія, почему приходится въ самомъ текстѣ искать объясненій размѣра задачи, которую предположено выполнить въ данномъ случаѣ. Судя по эпитафю, авторъ желалъ повѣдать «потомкамъ православныхъ земли родной минувшую судьбу». Весьма нерѣдкія подстрочныя ссыленіа на пособія и источники, подчасъ даже первой руки, нерѣдко вводимый въ изложеніе лѣтописный текстъ, видимое соблюденіе принятыхъ въ учено-литературномъ обиходѣ условныхъ знаковъ для указанія заимствованій изъ авторовъ—все это заставляетъ читателя предъявлять къ настоящему труду требованія, которыя были бы неумѣстны относительно простой популярной или справочной книги о Кіевѣ. Съ другой стороны, такъ какъ г. Захарченко въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ ссылки не на источники первой руки, приходится сравнить его сочиненіе съ тѣми новѣйшими трудами, которыми онъ пользуется по преимуществу.

Авторъ нашъ ссылается на два источника первой руки: Лаврентьевскую лѣтопись въ изд. 1846 г. и «Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева в его окрестностей» 1874 г. Трудно понять, почему г. Захарченко пренебрегъ Ипатской и Пустынской лѣтописями и огромной массой матеріаловъ для исторіи Кіева, собранныхъ, напр., въ изданіяхъ кіевской комисіи для разбора древнихъ актовъ. Изъ новѣйшихъ авторовъ у г. Захарченка встрѣчаемъ ссылки на классическое «Описаніе Кіева» Закревскаго (1868 г.), трудъ Сементовскаго (1881 г.), Фундуклея (1847 г.), Полеваго (1880 г.), Карамзина (т. I), Соловьева (т. I), Горчаковой (1885 г.), брош. г. Малышевскаго о св. Владимірѣ (1888 г.), соч. митр. Макарія (1857 г.), брош. г. Н. Л. (1862—86 г.) и затѣмъ на справочныя книги, въ родѣ календарей, памятныхъ книгъ и т. п. Разъ авторъ добровольно съузилъ до такой степени кругъ своихъ пособій, намъ остается слѣдовать за нимъ.

Основной источникъ, къ которому неизмѣнно тяготѣетъ изложеніе г. Захарченка,—это упомянутое выше «Описаніе Кіева» Закревскаго. Сличеніе текста обоихъ авторовъ показываетъ, что добрая половина общей части разсматриваемаго сочиненія почерпнута у Закревскаго, при чемъ г. Захарченко пользуется трудомъ послѣдняго

нѣсколько своеобразно: иногда указываетъ свой источникъ, иногда— нѣтъ, какъ ему заблагоразсудится. Въ указателѣ именъ, приложенномъ къ удешевленному изданію, имѣется перечень ссылокъ на За- кревскаго, и одно уже это обстоятельство, повидимому, должно было бы заставить нашего автора нѣсколько осмотрительнѣе пользоваться чужимъ трудомъ, чтобы не вводить читателя въ заблужденіе. Поспѣшность ли составленія книги, или другія какія либо, неизвѣстныя намъ, причины приводятъ г. Захарченка къ цѣлому ряду промаховъ, ошибокъ и неуказанныхъ заимствованій, —нѣкоторые изъ нихъ ука- жемъ здѣсь, чтобы характеризовать способъ изложенія нашего автора и не навлечь обвиненія въ голословности. Вотъ нѣсколько при- мѣровъ:

Закревскій. т. I, стр. 5:
«начало Кіева скрывается въ ту- манѣхъ отдаленныхъ вѣковъ. Если мы встрѣчаемъ въ классическихъ историкахъ указанія на Днѣпровскія страны, то они столь не- удовлетворительны и баснослов- ны, что критикъ ничего досто- вѣрнаго изъ нихъ извлечь не можетъ».

Г. Захарченко, стр. 19 (безъ ссылки): «когда собственно возникъ Кіевъ, объ этомъ трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ начало и его, какъ и мно- гихъ другихъ городовъ, скрывает- ся въ туманѣ отдаленныхъ вѣ- ковъ».

На стр. 20 у г. Захарченка (безъ ссылки) находимъ любопытное свѣдѣніе, что въ мѣстности, гдѣ т. наз. варяжскія пещеры, «задолго до начала исторіи Кіева уже велась значительная торговля, при чемъ эти пещеры служили убѣжищемъ для купцовъ-пиратовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень удобнымъ мѣстомъ для храненія ихъ сокровищъ». У За- кревскаго, т. I, стр. 207 сл., приведено мнѣніе писателей XVII в. Сильвестра Коссова и Аѳанасія Кальнофойскаго, что варяги разбой- ничали по Днѣпру и имѣли притоны въ пещерахъ кіевскихъ. Отъ себя Закревскій добавляетъ: «какимъ образомъ ученые XVII вѣка пришли къ подобному мнѣнію, не беремъ рѣшить». Но за то, ка- жется, не трудно рѣшить происхожденіе мнѣнія нашего автора по этому интересному вопросу. Замѣтить должно, что и такое мнѣніе составилось у г. Захарченка благодаря посредству Полеваго, который осмотрительно снабжаетъ свою догадку словомъ «можетъ быть», что было извѣстно и г. Захарченку (стр. 95). О возможной принадлеж- ности кіевскихъ пещеръ людямъ каменнаго вѣка г. Захарченко не упоминаетъ (ср. стр. 30).

Закревскій, т. I, стр. 7:
«противъ Боричева въ старину
былъ чрезъ Почайну и Днѣпръ
перевозъ, называемый Кіевымъ;
почему нѣкоторые почитали Кіа
перевозчикомъ; но самъ Несторъ,
опровергая это мнѣніе, пишетъ»
и т. д.

Описаніе языческаго Кіева (стр. 28 сл.) заимствовано у Закревскаго безъ указанія источника, но съ попытками на изложеніе своими словами. Примѣръ:

Закревскій, I, 10: «Кіево-Подоль въ этомъ столѣтіи былъ еще незаселенъ. Покрытый топями и лѣсомъ, онъ представлялъ пустыню, въ которой однако жъ, какъ бы украдкою между деревьями, находилась церковь св. Іліи, выстроенная на берегу ручья Почайны близъ слободы Козарской; гораздо далѣе, на Оболони, стояло капище бога Волоса».

Закревскій, I, 13: «слава Кіева была сопряжена съ жизнію Ярослава. Умирая, онъ унесъ съ собою въ гробъ счастье Кіева и могущество Россіи».

Закревскій, I, 27: «татарамъ никто уже болѣе не сопротивлялся; нѣсколько дней яростно истребляли они все огнемъ и мечемъ... Нѣсколько монаховъ печерской обители, спасшихся отъ

Г. Захарченко, стр. 21 (ссылка на лѣтопись): «внизу города Кіева, противъ Боричева взвоза, помѣщался перевозъ, при помощи котораго въ старину населеніе нагорнаго праваго берега Днѣпра сообщалось съ его лѣвымъ берегомъ. Перевозъ этотъ, говоритъ Несторъ, назывался также Кіевымъ, что и дало поводъ нѣкоторымъ считать Кіа перевозчикомъ; но, затѣмъ, лѣтописецъ самъ же и опровергаетъ это мнѣніе» и т. д.

Г. Захарченко, стр. 28 (безъ ссылки): «вся эта низменность представляла въ тѣ времена незаселенную пустыню; только на Оболони, гдѣ, вѣроятно, были отличныя пастбища, стояло капище покровителя стадъ—бога Волоса. Да на берегу Почайны, какъ бы украдкою, между деревьями ютилась церковь св. Іліи».

Г. Захарченко, стр. 43 (безъ ссылки): «но слава Кіева была тѣсно связана съ жизнью Ярослава. Со смертію своею, онъ унесъ въ гробъ не только счастье Кіева, но и могущество Руси».

Г. Захарченко, стр. 50 (безъ ссылки): «никто уже болѣе не сопротивлялся татарамъ: они свободно расхаживали по городу и яростно истребляли все, что попадалось на встрѣчу... Только по-

меча татаръ, жили въ лѣсахъ, ископавъ себѣ уединенныя пещеры. Изъ привязанности къ святому мѣсту, тайно, по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся иногда по ночамъ, собирались отшельники на службу Божию въ одинъ малый придѣлъ церковный, который уцѣлѣлъ среди всеобщаго разрушенія... знаменитая праматерь градовъ русскихъ даже въ XIV и XV вѣкѣ представляла бѣдную деревню».

На стр. 83 у г. Захарченка встрѣчаемъ такую любопытную фразу безъ конца и безъ ссылки: «за этою то косою въ Почайнѣ нѣсколько повыше Хрещатика—тамъ, гдѣ для укрѣпленія берега были вколоты сваи и сдѣланы клѣти, и укрывались отъ бурь и на зиму всѣ рѣчные суда, отчего и самое мѣсто это стало называться Притыкою. Такъ велось это дѣло многія столѣтія, но вотъ для сокращенія пути порѣшили киевляне прорыть косу противъ Притыки. Дѣйствительно и направился со всей своей силой въ это мѣсто». Это мѣсто почеркнуто изъ описанія Берлинскаго (1820 г., стр. 143, цит. у Закр. II, 722), съ тою разницею, что 1712 г. Берлинскаго превратился въ «но вотъ» нашего автора и что стиль Берлинскаго не лишень изящества.

Легко понять, что при снѣжной работѣ неизбежны маленькія неточности въ ссылкахъ на источники. Какъ ни излагай лѣтопись, новаго ничего не придумаешь, и немудрено въ самомъ дѣлѣ столкнуться съ Закревскимъ даже безъ дурнаго умысла; но имѣть свои собственныя слова во всякомъ случаѣ обязательно для каждаго автора, или же, въ противномъ случаѣ, точно указывать заимствованія, или, наконецъ, не дѣлать никакихъ ссылокъ. Тогда было бы ясно съ перваго взгляда, что имѣемъ дѣло съ простой компиляціей, отъ которой требуется лишь толковость и ясность изложенія. Не ставя, поэтому, нашему автору въ вину указанныхъ выше, вѣроятно, невольныхъ параллелизмовъ, не можемъ не указать на нѣкоторые извращенія словъ Закревскаго, создающія путаницу просто безвыходную. Вотъ примѣръ. У Закревскаго, II, 886, читаемъ: «Исторію Оеодосіевской церкви можно начать только съ XVII вѣка. Первый пи-

томъ уже нѣсколько иноковъ пещерской обители, изъ привязанности къ святому мѣсту, стали по временамъ собираться изъ сосѣднихъ лѣсовъ по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся по ночамъ, въ уцѣлѣвшій среди развалинъ придѣлъ церкви. И долго еще Кіевъ представлялъ собою видъ бѣдной деревни».

сатель, который упоминаетъ о ней, есть почтенный отецъ Аѳанасій Кальнофойскій... Слова его приведены у насъ выше, на стр. 218». На этой страницѣ въ т. I Закревскій точно указываетъ, что «Тера-тургима» Кальнофойскаго принадлежитъ 1638 году. Между тѣмъ г. Захарченко, безъ ссылки, излагаетъ такую диковинную вещь: «Но собственно достовѣрная исторія Θεοδοσιέвской церкви можетъ быть начата едва только съ XVII вѣка, когда, по свидѣтельству А. Кальнофойскаго (писавшаго—то въ 1638 г.?!), въ 1700 году, казацкимъ полковникомъ Макиевскимъ была построена на мѣстѣ прежней, деревянной, новая, каменная Θεοδοσιέвская церковь» (стр. 147). Такое извращеніе Закревскаго тѣмъ болѣе пзумительно, что у г. Захарченка страницей раньше встрѣчаемъ такую фразу: «въ 1638 году монахъ Печерскаго монастыря А. Кальнофойскій, составляя планъ пещеръ св. Антонія» и т. д. Изъ стр. 219, т. I Закревскаго нашъ авторъ могъ бы узнать, что свѣдѣніе о Мокиевскомъ почерпнуто никакъ не изъ Кальнофойскаго, а изъ описанія лавры о. Павла Троцкого. Если справка съ Закревскимъ столь затруднительна, то можно бы обратиться къ описанію митр. Евгенія (Кіевъ, 1826 г., стр. 34), гдѣ именно сказано, что кіевскій полковникъ К. Мокиевскій отстроилъ церковные въ 1700, а въ 1696 г.; изъ «Сборника матеріаловъ для топографіи Кіева» 1874 г., отд. III, стр. 27, легко можно было бы также узнать время выхода сочиненія Кальнофойскаго, на которое столь неосмотрительно ссылается г. Захарченко.—Ниже увидимъ столь же печальные примѣры непониманія текста Закревскаго.

Исслѣдовать далѣе внѣшніе литературные приемы автора разсматриваемой книги было бы утомительно, такъ какъ параллели можно бы продолжать до безконечности. Не можемъ, однако, не отмѣтить, что г. Захарченко заимствовалъ описаніе Владимірскаго собора (стр. 233 сл.) изъ весьма толково составленнаго «Путеводителя по Кіеву» В. Д. Бублика (Кіевъ, 1888 г., стр. 67—70), впрочемъ, съ нѣкоторыми перестановками предложеній, и между тѣмъ тщетно стали бы мы искать въ нашей книгѣ ссылки на почтенный трудъ г. Бублика. Отмѣтимъ также фактъ чрезмѣрно широкаго пользованія брошюрами г. П. Л., которыя перепечатываются на протяженіи цѣлыхъ страницъ или перифразируются до крайности запутанно, такъ что, сличая эти труды съ книгой г. Захарченка (см., напр., описаніе лавры), можно прійти въ истинное отчаяніе.

Указанные выше промахи сами по себѣ, конечно, не могли бы лишить всю книгу присущаго ей достоинства, какъ сводки добытыхъ

ранѣ изученій по исторіи нашего города. Какъ ни скудны источники и пособія г. Захарченка, несомнѣнно, что и по нимъ возможно составить удобочитаемый общій очеркъ Кіева и его отдѣльныхъ учреждений,—для этого нужна однако нѣкоторая любознательность и интересъ къ предмету.

Трудъ нашего автора дѣлится на двѣ части, примѣнительно къ плану Закревскаго: общій очеркъ исторіи и современнаго состоянія Кіева и отдѣльныя описанія святынь, учреждений и мѣстностей города. Г. Захарченко въ высокой степени владѣеть искусствомъ группировать свой матеріалъ такимъ образомъ, что читатель рѣшительно лишается возможности составить себѣ сколько нибудь наглядное и вразумительное понятіе по самымъ интереснымъ вопросамъ исторіи и археологіи матери городовъ русскихъ. Археологія и этнографія Кіева, внутренняя жизнь кіевской общины въ эпохи разцвѣта и упадка, дѣятельность и отношенія вѣча къ князьямъ, роль козачества въ исторіи города, исторія просвѣщенія и литературы кіевской, дѣятельность лѣтописцевъ, исторія религіознаго движенія, архитектура, орнаментака и значеніе кіевскихъ святынь, торговля, промыслы, городовое устройство, наконецъ, политическая роль Кіева на всемъ протяженіи дивной его исторіи—все это предметы, о которыхъ ничего опредѣленнаго не узнаешь изъ книги г. Захарченка. Принятая нашимъ авторомъ система изложенія просто не позволяетъ ему остановиться сколько нибудь подробно на этихъ, во всякомъ случаѣ не лишенныхъ интереса, матеріяхъ. Все вниманіе историка сосредоточено на томъ, чтобы соединить разрозненные тексты своихъ пособій нѣсколькими вводными—замѣтимъ, крайне обманчивыми и высоко наивными—связками и затѣмъ перепечатывать безъ конца. При безпримѣрной неопытности автора въ пользованіи историко-археологическимъ матеріаломъ, неизбежно получается путаница просто неслыханная, которая дѣлаетъ трудъ г. Захарченка, скажемъ такъ, классическимъ.

Пояснимъ нашу мысль примѣрами. Возьмемъ факты въ порядкѣ страницъ, такъ какъ группировать ихъ—не стоитъ труда.

Послѣ описанія границъ полицейскихъ участковъ на трехъ страницахъ in-4^о, воспроизведеннаго буквально словами полицейскаго протокола и едва ли умѣстнаго въ историческомъ трудѣ, г. Захарченко сообщаетъ намъ любопытное свѣдѣніе, что «быстрое увеличеніе населенія Кіева» послѣ 1864 г. объясняется, между прочимъ, «замѣтно увеличивающимся приростомъ населенія» (стр. 18). Дока-

зательства давнихъ сношеній жителей Приднѣпровья съ греками г. Захарченко ищетъ у Полеваго (20). У Константина Багрянороднаго Кіевъ называется, будто бы, Кіоава и Кіавос (22). Лѣтописное: «и начаста владѣти польскою (вм. поляньскою) землею» передается: «не замедлили въ самое непродолжительное время покорить себѣ всю землю полянь» (23). Между тѣмъ, осторожный Закревскій, придерживаясь въ этомъ случаѣ изложенія г. Захарченка, прибавляетъ: «завладѣли, какъ должно думать, силою оружія». Угорское пренаивно сопоставлено съ уграми, а Ольга, задавшая столь тяжкій трудъ г. Малышевскому, оказывается, согласно съ Карамзинымъ, сельской дѣвицей изъ Пскова (24). «Такіе успѣхи Олега, какъ во внѣ, такъ и внутри государства, а еще болѣе обнаруженная имъ при этомъ хитрость и мудрость—были причиной того, что народъ русскій никакъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ и потому придумалъ для него чудесную кончину и составилъ цѣлый рядъ преданій о мѣстѣ его погребенія» (слѣдуетъ одно извѣстное преданіе) и затѣмъ: «такимъ то образомъ Кіевъ сталъ во главѣ русскаго государства» (25). Игорю, извольте видѣть, захотѣлось добыть славы: и вотъ онъ «предприинимаетъ цѣлый рядъ походовъ какъ внутри, такъ и во внѣ русской земли... Изъ этихъ предпріятій Игоря особенно интересны для насъ второй походъ его на грековъ: такъ какъ онъ окончился договоромъ между русскими и греками»... Въ чемъ заключался договоръ, неизвѣстно. «Ольга явилась какъ бы предтечей крещенія Руси... Но не пришла еще пора, и Святославъ продолжалъ коснѣть въ идолослуженіи» (26). «И дѣйствительно, идолослуженіе въ это время достигаетъ наибольшаго своего напряженія на Руси, Владиміръ, напр., желая воздать особенную благодарность своимъ богамъ и т. д. (27). Ольга «отличалась большою мудростію въ правленіи народомъ... Благодаря такой заботливости мудрой правительницы о своихъ подданныхъ» и т. д. (26). «Второй путь извѣстенъ былъ подъ именемъ дороги въ Вѣлгородъ» (29). Варяжскія пещеры составляли, «вѣроятно, самыя древнія убѣжища первобытныхъ обитателей Кіева» (31. У Закревскаго, I, 207—«убѣжища первобытныхъ обитателей *странъ кіевскихъ*»). Кіевляне, «видя, какъ потащили ихъ бога съ горы и бросили въ воду, стали горько плакать» (34). Авторъ воспроизводитъ недостоверную молитву Владиміра св. при крещеніи кіевлянъ и обходитъ молчаніемъ страшныя дѣянія его въ борьбѣ съ Ярополкомъ, отношенія его къ Рогнѣдѣ, содержаніе рабынь и другіе характерныя для современнаго быта факты, но упрекаетъ сыновей Владиміра въ неблагодарности,

такъ какъ они рѣшились пролить братскую кровь (35—37). Авторъ почему то умалчиваетъ о двукратномъ появленіи въ Кіевѣ XI в. поляковъ и избіеніи ихъ кіевлянами, о еврейскомъ погромѣ 1113 г., о дѣятельности кіевского вѣча и отношеніи его къ князьямъ, о переворотѣ 1068 г., объ ослѣпленіи кіевлянъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода скомкана на одной страницѣ, при чемъ характерными фактами въ жизни города выставлены междуусобія (что за причина междуусобій?), пожары, жары, моръ, нашествіе половцевъ, землетрясеніе, бездождіе— все это весьма глухо. Особенно любитъ г. Захарченко «ужасные» эпитеты: въ это время были «самыя ужасныя междуусобія», жертвой коихъ палъ великій князь Игорь Ольговичъ. «Вслѣдъ за симъ идетъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ разореній Кіева». «Самое ужасное изъ этихъ нападений относится къ 1204 году». Но наконецъ «грозное нашествіе Батыя повергло Кіевъ на долгіе годы въ безвѣстность» (44—46).

Дѣйствительно, нашему автору неизвѣстны работы Максимовича и г. Антоновича, съ убѣдительною ясностью изгнавшія эту «безвѣстность». По представленію г. Захарченка, въ 1240 г. «разомъ прекратилось на многіе годы все древнее бытіе приднѣпровской столицы, все ея величіе и вся красота» (49). Между тѣмъ работа г. Антоновича напечатана еще въ 1882 г. въ «Кіев. Старинѣ». Благодаря такому незнакомству съ предметомъ, г. Захарченко, заимствуя изъ Закревскаго (безъ ссылки: Зах., 53; Закр., I, 29), повѣствуетъ, что въ Кіевѣ все было разрушено послѣ Батыя, городъ превратился въ деревню, и затѣмъ съ удивительною легкостію переходитъ къ перечисленію именъ конца XIV в.

Литовскій періодъ представляетъ для нашего автора камень преткновенія, если возможно, еще большій, нежели періодъ удѣльно-вѣчевой. Почему ничего не сообщено читателю о кн. Скиригайлѣ, ревнителѣ православной вѣры и русской народности, этомъ «чюдномъ, добромъ князѣ Скиригайлѣ» лѣтописи? Потому что нѣтъ ничего у Закревскаго. Откуда взято, что «время намѣстничества (Г) Ольшанскаго было началомъ гоненій со стороны католическаго духовенства по отношенію къ православному духовенству и коренному населенію Кіева?» (53). Изъ непонятаго авторомъ и непрочитаннаго замѣчанія Закревскаго (I, 29). Въ столь щекотливомъ вопросѣ надлежало бы справиться съ источниками и узнать, что гоненій отъ латинянъ не было и быть не могло при Гольшанскомъ. Ничего не узнаемъ у нашего автора и объ учрежденіи въ Кіевѣ католическаго епископ-

ства. Періодъ 1482—1516 г. у г. Захарченка обрисованъ весьма невразумительно. Здѣсь сообщается, что сынъ Казимира Александръ, «заботясь еще болѣе о поднятіи Кіева, предоставилъ жителямъ этого города цѣлый рядъ правъ и вольностей, руководствуясь т. наз. магдебургскимъ правомъ, которое окончательно было введено въ Кіевѣ только при Сигизмундѣ I, грамотами отъ 1516 и 1544 г. Но съ этихъ поръ въ Кіевѣ завелись новые порядки, совершенно чуждые русскому народу» и пр. (55). По обыкновенію, г. Захарченко занимаетъ и тутъ у Закревскаго (безъ ссылки, I, 37), но не понимаетъ своего руководителя. Закревскій обстоятельно доказываетъ документами, что магдебургское право было дано Кіеву Александромъ ранѣе 1499 г. и Сигизмундомъ I лишь подтверждено. Можно подумать въ самомъ дѣлѣ, что г. Захарченко видѣлъ грамоты 1516 и 1544 г., на которыя столь смѣло ссылается. Дѣло просто въ томъ, что нашъ авторъ рискнулъ сократить поучительное изложеніе Закревскаго, привелъ заключительное замѣчаніе послѣдняго о несоотвѣтствіи магдебургіи съ русскими правовыми воззрѣніями — и вышла путаница нестерпимая: читатель остается даже въ недоумѣніи, что за звѣрь такой эта злосчастная магдебургія и почему это кіевляне такъ излюбили ее. На стр. 55 г. Захарченко повѣствуетъ, что только въ началѣ XVI в. нѣсколько возродился Кіевъ благодаря распорядженію кор. Казимира о поселеніи здѣсь 20 тыс. жителей. Но Казимиръ IV, сколько извѣстно, умеръ въ 1492 г.: опять непонятъ Закревскій (I, 36). Далѣе узнаемъ диковинную вещь: благодаря кн. Константину Ивановичу Острожскому (умершему, замѣтимъ, въ началѣ 40 хъ годовъ XVI в.) въ Кіевѣ вводится литовскій статутъ и даруются другія вольности, «благодаря Острожскому же кіевляне получили потомъ еще разныя привилегіи и отъ короля Стефана Баторія» (56 сл.). Вѣроятно, авторъ разумѣетъ грамоту 17 ноября 1576 г. Эта дупа возмущающая путаница произошла отъ непониманія Закревскаго, который именно говоритъ по поводу люблинской уніи: «для судопроизводства предоставленъ Статутъ Литовскій. Объ этихъ правахъ для кіевлянъ ходатайствовали наиболѣе Константинъ II, кн. Острожскій, и Александръ Черторыйскій» (I, 37). Такимъ образомъ ясно, что Закревскій толкуетъ о кн. Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, а никакъ не о кн. Константинѣ Ивановичѣ. Между тѣмъ, г. Захарченко, приписавъ послѣднему введеніе литовскаго статута въ Кіевѣ, поучаетъ, что и до сихъ поръ кіевляне хранятъ о немъ благодарную память: «въ Кіево-Печерской лаврѣ находится гробница съ изо-

браженіемъ сего князя въ бранныхъ dospѣхахъ и съ слѣдующею надписью» (которая, замѣтимъ, приведена у нашего автора и гласитъ о смерти князя въ 1533 году. Стр. 56 сл.). Excusez du peu! Для чего же, въ самомъ дѣлѣ, воскрешать мертвыхъ? Вѣдь благодаря такой манерѣ изложенія, читатель рискуетъ составить себѣ явно превратное представленіе о внутренней исторіи Кіева въ XVI вѣкѣ и окончательно отринуть хронологію.

Нашъ историкъ вѣритъ, что Петръ Могила сталъ митрополитомъ послѣ Іова Борецкаго (59), но къ какому же времени отнесемъ мы въ такомъ случаѣ Исаію Копинскаго, о коемъ находимъ у г. Захарченка упоминаніе на стр. 247? Дѣло въ томъ, что Закревскій (I, 54) глухо отзывается лишь о «неблаговидномъ Могилиномъ поступкѣ» относительно Исаіи, не поясняя, какъ вещь общеизвѣстную, въ чемъ сей поступокъ состоялъ. Между тѣмъ на стр. 247 г. Захарченко почерпнулъ изъ другаго источника—и вотъ объясненіе прискорбнаго недоразумѣнія. Для облегченія автора, укажемъ ему хотя бы на перечень митрополитовъ кіевскихъ въ концѣ II тома труда Закревскаго. На стр. 69 разбираемой книги узнаемъ, что Алексѣй Михайловичъ въ 1654 г. подтвердилъ всѣ права и привилегіи, данныя Кіеву королями польскими и малороссійскими гетманами: любопытно было бы знать, какія это привилегіи давали Кіеву гетманы до Хмельницкаго.

Эпоха Хмельницкаго изложена словами Закревскаго, безъ надлежащей ссылки. Вотъ доказательства:

Закревскій, I, 55 и 58: «Хмельницкій... велъ кровопролитныя и жестокія войны съ Польшею за притѣсненія православныхъ въ вѣрѣ и имѣніяхъ... Малая Россія, а съ нею и Кіевъ недолго наслаждались трудами Хмельницкаго, ибо со смертію сего знаменитаго гетмана (1657) вновь начались военныя бури и новыя бѣдствія, коихъ причиною былъ измѣнникъ гетманъ Выговскій».

Г. Захарченко, 68 и 70: «съ 1648 г. начинается рядъ кровопролитныхъ и самыхъ жестокихъ войнъ на Украинѣ между казаками и поляками за притѣсненіе послѣдними православнаго населенія края въ вѣрѣ и имѣніяхъ... Но не долго Кіевъ наслаждался трудами Хмельницкаго: лишь только послѣдняго постигла въ 1657 году смерть, какъ снова начались по всей Украинѣ разнаго рода столкновенія и стали подниматься (!) новыя военныя бури; главнымъ виновникомъ всѣхъ

этихъ неурядицъ на этотъ разъ
былъ самъ же гетманъ Выговскій».

На стр. 94 узнаемъ, что въ 1884 году было отпущено по повелѣнію покойнаго Государя Императора на постройку новыхъ университетскихъ клиникъ 200 тыс. рублей сер.: это невѣрно.

Дальнѣйшая исторія и «бытіе» Кіева съ конца XVIII в. отсутствуютъ въ книгѣ г. Захарченка.

Таковъ принадлежащій перу нашего историка общій очеркъ кіевской жизни въ теченіи десяти слишкомъ столѣтій.

Давно извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать популярныя книги, и вотъ почему изданія, подобныя настоящему, заграницей поручаются обыкновенно людямъ науки, специалистамъ по излагаемому вопросу, и выгодно отличаются отъ нашихъ отечественныхъ изданій. Западные популяризаторы не гонятся за учеными ссылками, тщательно избѣгаютъ ихъ даже. Владѣя своимъ предметомъ *en maître*, они въ цѣльныхъ, художественныхъ очеркахъ даютъ читателю тщательно провѣренную, продуманную сводку добытыхъ кровавыми усиліями результатовъ по излагаемой специальности, и обыкновенному читателю такіе очерки дадутъ болѣе, нежели цѣлые фоліанты ученыхъ изслѣдованій. Самый ничтожный нѣмецкій городокъ имѣетъ свою толково составленную исторію, которая прочтется съ интересомъ всякимъ любознательнымъ читателемъ. Не мѣшало бы и нашимъ издателямъ поучиться въ этомъ отношеніи у нѣмцевъ. Въ частности, относительно исторіи Кіева, должно сказать, что классическій трудъ Закревскаго не нашелъ подражателей. Составленный съ великимъ тщаніемъ и высокой добросовѣстностью, трудъ этотъ, при настоящемъ состояніи науки, во многихъ отношеніяхъ долженъ быть признанъ тѣмъ не менѣе устарѣвшимъ. Позднѣйшему историку предстояла благодарная задача, воспользовавшись съ признательностью работой Закревскаго, дополнить ее тамъ, гдѣ это необходимо, и дать читателю очеркъ удобочитаемый, сжатый и въ то же время полный, критически провѣренный по источникамъ и лучшимъ пособіямъ. Думаемъ, что г. Захарченко выполнилъ эту, обязательную для него въ виду объема его труда, задачу не вполне удовлетворительно, какъ это мы старались показать выше.

Если бы, придерживаясь принятой системы, мы прослѣдили и остальную часть труда нашего историка (стр. 95—276), содержащую описаніе и исторію отдѣльныхъ достопримѣчательностей Кіева, то пришлось бы написать большую книгу. Но несправедливо было бы

вовсе не коснуться этого отдѣла. Возьмемъ поэтому *ad libitum* нѣсколько экскурсовъ г. Захарченка въ спеціальныя области тяжелой его задачи.

Хотите ли узнать что либо о ранней исторіи нашей духовной академіи? Раскрываемъ книгу на стр. 245—249. Гальшкѣ Гулевичъ, задавшей такую работу г. Голубеву (Ист. кiev. дух. акад. вып. I стр. 119 сл.), г. Захарченко упорно отказывается въ настоящемъ имени и продолжаетъ величать неприналежащимъ ей именемъ Анны. Если вѣрить нашему историку, свой грунтъ эта Анна Гулевичъ пожертвовала спеціально подъ училище и «даже сама подыскала для школы хорошихъ учителей». Легко представить конфузъ г. Голубева при такомъ неожиданномъ открытіи, но этого мало. Оказывается, что ставропигія (что такое эта фатальная ставропигія?) даруется братству для защиты отъ латинства. Между 1620 — 22 гг. Захарченко изыскалъ небывалое гоненіе отъ латинянъ въ Кіевѣ, онъ же открылъ, что молитвенная коллегія и монастырь пришли въ упадокъ отъ борьбы съ поляками. Г. Захарченко не хочетъ также разстаться съ басней о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею. Въ чемъ состояли особенности внутренняго склада школы, сокрыто отъ читателя.

А вотъ исторія Выдубицкой обители (стр. 270 сл.). Основанъ монастырь якобы въ 1070 г., хотя Ипатская и Лаврентьевская лѣтописи ясно гласятъ, что въ 1070 г. монастырь Всеволодъ на Выдубичи уже существовалъ. По мнѣнію нашего историка, по смерти Всеволода Ярославича «обитель сія пользовалась особенною славою и постояннымъ покровительствомъ княжескихъ родовъ: вслѣдствіе этого» и пр. Но тутъ грознымъ обличителемъ новѣйшаго историка выступаетъ Ипатская лѣтопись, гдѣ подъ 1199 г., по поводу закладки каменной стѣны подъ церковью св. Михаила кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ, читается такое яркое *démenti*, очевидно по адресу г. Захарченка: «100 бо и 11 лѣтъ имать отнелѣже создана бысть церкви, и в толико лѣтъ мнози же самодержици придоша, держащеи столъ княжения Кіевского, отъ того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родовъ четири, и ни единъ же послѣдова любви его къ мѣсту тому». Кромѣ того, если, какъ говоритъ г. Захарченко, дальнѣйшія извѣстія о монастырѣ появляются лишь съ конца XV вѣка, то откуда же почеркнуто свѣдѣніе о покровительствѣ княжескихъ родовъ? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ полагаться до такой степени на извѣстія гг. В—нова и Антонова, писавшихъ въ 1882 году, когда можно располагать яснымъ лѣтописнымъ текстомъ. Г. Захарченко ни-

чего не сообщаетъ намъ и объ архитекторѣ Милонѣгѣ изъ Новгорода и объ игуменѣ Сильвестрѣ, которому приписываютъ Несторову лѣтопись. Нѣтъ извѣстій о Выдобичахъ до конца XV в.—а умильная картина посѣщенія монастыря Даніиломъ Галицкимъ, такъ мастерски описанная въ Ипатской лѣтописи подъ 1250 г., когда князь отправился къ Батюю, «вида бѣду страшну и грозну», и просилъ мниховъ молиться за его душу? Авторъ нашъ упрекаетъ уніатовъ за расхищеніе монастырскаго имущества, но, для равновѣсія, безпристрастный историкъ долженъ былъ бы упомянуть также и объ убіеніи козаками выдубицкаго уніатскаго игумена Антонія Грековича. Непростительно также пренебрегать до такой степени изслѣдованіями покойнаго Максимовича (соч., т. II) по исторіи обители, какъ это дѣлаетъ г. Захарченко, слѣпо вѣрившись гг. В—нову и Антонову.

Но перейдемъ въ Межигорье, на противоположную «окраину нагорнаго Кіева», по терминологіи нашего историка (стр. 272—274). На двухъ страницахъ казалось бы нелегкимъ дѣломъ соединить столько ошибокъ, извращенія фактовъ и незнанія, какъ это умудрился сдѣлать г. Захарченко. Въ этомъ случаѣ авторъ не дѣлаетъ никакой ссылки, и потому рискуемъ предположить, что все это—плоды его личныхъ изслѣдованій.

Если вѣрить автору, съ конца 12 по 15 в. объ обители нѣтъ свѣдѣній, а съ 1523 г. начинается ея процвѣтаніе, благодаря передачѣ монастыря Сигизмундомъ I игумену Михаилу Щербинѣ. Авторъ не потрудился даже взглянуть на подлинную грамоту, напечатанную въ отд. III, стр. 22 бывшаго у него подъ руками «Сборника» 1874 г., откуда могъ бы узнать, что игуменъ именовался Мисайломъ (Мисайло въ грамотѣ). Это пустякъ, конечно. Но о передачѣ обители Сигизмундомъ-Августомъ сперва на кіевскій замокъ, а затѣмъ коронному писарю Высоцкому нашъ авторъ ничего не сообщаетъ,—должно думать, что эти факты укладываются въ терминъ «процвѣтаніе». «Полное благоустройство» монастыря приписано московскому патріарху Іоакиму, который въ 1687 г. утвердилъ за монастыремъ ставропигію (что такое ставропигія, виравъ снова спросить читатель) и собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ здѣсь великолѣпный Преображенскій храмъ. На самомъ же дѣлѣ, ставропигія была дана монастырю еще въ 1610 г. архіеп. муромскімъ Матеемъ, въ 1617 и 1620 г.г. архіеп. маневасійскимъ Іоасафомъ и патріархомъ іерус. Теофаномъ и подтвержденіе 1687 г. было лишь результатомъ перехода кіевской митрополіи въ патріаршество московское. Преображенскій храмъ со-

оруженъ въ 1611 г. игуменомъ Аѳанасіемъ, отстроенъ вновь игуменомъ Ѳеодосіемъ Васковскимъ, а патріархъ Іоакимъ оказывалъ монастырю помощь деньгами и руклядью, о чемъ г. Захарченко могъ бы справиться въ изслѣдованіяхъ пок. Максимовича и Закревскаго.—Далѣе: процвѣтаніемъ своимъ монастырь обязанъ Хмельницкому и другимъ малороссійскимъ гетманамъ, «которые, какъ всѣ запорожскіе казаки, считались его ктиторами» и пр. Такъ было до 1781 года, если вѣрить г. Захарченку. Тутъ что ни слово, то грубая ошибка. Монастырь сталъ считаться войсковымъ только съ 1683 или пожалуй 1672 года, когда Богдана уже не было въ живыхъ; ктиторомъ считался кошевой атаманъ; Выговскій и Тетеря отнюдь не покровительствовали монастырю; между 1709—1734 г. запорожское войско отнюдь не могло считать Межигорье своимъ религіознымъ центромъ: припомнимъ эпизодъ съ Анатоліемъ Мелесемъ, епископомъ запорожскимъ; не могло войско считать Межигорье своимъ центромъ до 1781 г., ибо еще раньше войско было уничтожено. Если вѣрить нашему автору, въ 1781 г. по случаю преобразованія малороссійскихъ епархій, Межигорье назначено къ переводу въ Тавриду. Но епархія въ 1781 г. не преобразовывалась вовсе и Межигорье не могло быть переведено въ Тавриду въ этотъ году по легко понятной причинѣ: Крымъ присоединенъ въ 1783 г. Кому же неизвѣстно, что указъ имп. Екатерины II по этому предмету послѣдовалъ 10 апрѣля 1786 года? Автору слѣдовало бы взглянуть на стр. 159 отд. III бывшего у него «Сборника» 1874 г. Но распоряженію не суждено было осуществиться, повѣствуетъ авторъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданнаго указа монастырь сгорѣлъ. На самомъ же дѣлѣ, монастырь сгорѣлъ какъ разъ въ день, назначенный для посѣщенія его имп. Екатериною, слѣдовательно, въ 1787 году. Фаянсовая фабрика учреждена здѣсь не въ 1788 г., какъ утверждаетъ авторъ, а десять лѣтъ спустя. Новая каменная фабрика отстроена не въ 1811, а въ 1812 году. Объ учрежденіи въ монастырѣ архимандріи, о переименованіи его савропигією Синода, о борьбѣ съ Варлаамомъ Ясинскимъ ничего не узнаемъ. Наконецъ, какъ понять слова автора, что достопримѣчательность Преображенскаго храма, воздвигнутаго въ концѣ 17 в., составляютъ священныя облаченія, сохранившіяся здѣсь отъ 16 вѣка? Любопытно, что г. Захарченко, располагая обширнымъ изслѣдованіемъ Закревскаго о Межигорьѣ (т. II, стр. 455—501), возложилъ его столь непозволительнымъ образомъ, даже не сославшись на свой источникъ. Если сопоставить повѣствованіе г. Захарченка даже съ старой брошюрой: «Историчес-

кое свѣденіе о бывшемъ ставропиг. Кіево-Межигорскомъ монастырѣ (Кіевъ, тип. Лавры, 1830), то окажется, что писатели 1830 года обладали огромнымъ запасомъ точныхъ свѣдѣній, недостижимымъ для историковъ 1888 года.

Не будемъ касаться Спаса на Берестовѣ, Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и Печерской лавры, такъ какъ въ этомъ случаѣ г. Захарченко ограничивается перепечаткой in extenso брошюръ г. П. Л., безъ достаточныхъ, впрочемъ, ссылокъ на источникъ и съ искаженіями немилосердными. Замѣтимъ въ заключеніе, что для г. Захарченка нѣтъ ничего легче, какъ отнести дѣятели къ эпохѣ, когда его вовсе не было, какъ это онъ дѣлаетъ съ Гизелемъ, Тупталомъ и даже Юстиніаномъ Великимъ; что большинство сообщаемыхъ имъ свѣдѣній представляютъ простой внѣшній перечень, лишенный всякаго значенія; что сочиненіе написано отвратительнымъ языкомъ и грѣшитъ противъ орфографіи, словосочетанія и обязательныхъ въ русской грамматикѣ правилъ пунктуациі. Вообще, объ этомъ трудѣ по исторіи нашего города можно сказать словами Свифта: что въ книгѣ ново, то не вѣрно; что вѣрно, то не ново.—Жаль только, что новшества эти встрѣчаются въ чрезмѣрномъ изобиліи, и должно пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи, если таковое будетъ, были сдѣланы необходимыя исправленія, уничтожены всѣ ссылки на авторовъ и прибавлено объяснительное предисловіе, дабы не вводить читателя въ напрасное заблужденіе.

Книга въ художественномъ отношеніи издана такъ хорошо и изящно, что, не будь убійственнаго текста, ей можно бы пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. М.

В. К. Гульдманъ. Подольская губернія Опытъ географическо-статистическаго описанія. Изданіе подольс. губ. стат. комитета. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. 414+63+26 стр. IX табл. Ц. 2 руб.

Передъ нами послѣдняя работа г. Гульдмана по описанію подольской губерніи. Авторъ состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ губернаторѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывающимъ дѣлами подольскаго статистическаго комитета. Съ этой послѣдней должностію и вяжутся печатныя работы г. Гульдмана. Работъ этихъ мы знаемъ три, а именно: Отчетъ подольс. стат. комитета за 1885 г., Справочная книжка подольской губерніи 1888 г. и наконецъ книга,

указанная въ заголовкѣ. Первыя двѣ работы болѣе или менѣе отвѣчали своимъ заглавіямъ и, хотя вклеенныя въ Справочную книжку нѣкоторыя историческія замѣтки оказались далекими отъ исторической истины, тѣмъ не менѣе, онѣ не уменьшили практическаго значенія настольной книги. — эта работа автора по исторіи края носила черты такой умѣренности, что ошибки ея не обращали даже на себя вниманія, а потому пошибокъ автору ставить въ строку не было нужды. Настоящее же изданіе, какъ по заглавію, такъ и по содержанію и объему, претендуетъ на научность и самостоятельность, а потому считаемъ не лишнимъ дать о немъ читателямъ краткій отчетъ.

Наше отечествовѣдѣніе столь убого, что каждая попытка къ описанію нашего края встрѣчаетъ сочувственный пріемъ. Съ грустію однако сознаться должно, что всѣ подобныя попытки до сихъ поръ оказывались далеко не подъ силу авторамъ и въ большинствѣ случаевъ оказывались неудачными. Если исключить устарѣлыя, хотя и капитальныя, работы кс. Марчинскаго по подольской губ., а Похилевича по кievской, то въ цѣломъ ряду этихъ попытокъ мы не найдемъ ни одной серьезной. — Къ сожалѣнію, и трудъ г. Гульдмана приходится причислить къ той же категоріи неудачныхъ попытокъ, вносящихъ въ область точныхъ свѣдѣній путаницу и невѣрность.

Не зная совершенно края, автору поневолѣ пришлось ограничиться только тѣмъ матеріаломъ, который имѣлся подъ рукой и который можно было собрать путемъ справокъ черезъ мѣстные уѣздные органы. — Статистическій отдѣлъ основанъ на данныхъ статистическаго комитета, а географическій на матеріалѣ картографическомъ и работахъ прежнихъ изслѣдователей. — Все это авторъ скопировалъ въ XXXIII главахъ, составившихъ объемистую книгу. — Общій, слѣдовательно, характеръ работы г. Гульдмана чисто компилятивный, безъ всякихъ признаковъ самостоятельнаго изслѣдованія и изученія края. — И компиляція имѣютъ несомнѣнное значеніе, поскольку онѣ составляютъ систематическіе своды добытыхъ, но разбросанныхъ данныхъ. Но при составленіи такихъ компилятивныхъ работъ на долю автора, кромѣ собиранія матеріала, выпадаетъ трудная задача, а именно: критическая его обработка и оцѣнка. Свести въ одну кучу разнородныя свѣдѣнія и преподнести ихъ читателю, какъ нѣчто непреложное, и при этомъ лишить читателя возможности оцѣнить достоинство добытыхъ свѣдѣній, не указавъ на источники,

изъ которыхъ добывался матеріалъ—этого достаточно, чтобы работа оказалась безплодной. Такая работа вносить въ науку массу недоразумѣній, служить въ ней тяжелымъ балластомъ, не принося отечествовѣднію ни одного новаго извѣстія, для автора же можетъ послужить лишь поводомъ къ самообману, что онъ составилъ описаніе края.—Все это прямо можетъ относиться и къ работѣ г. Гульдмана.— Полное безучастное отношеніе къ собранному разнородному матеріалу, возведеніе всѣхъ данныхъ на одну общую ступень непреложной достовѣрности, смѣсъ вѣрнаго съ невѣрнымъ, дѣйствительнаго съ гадательнымъ безъ всякихъ критическихъ указаній для читателя— вотъ главный и крупный недостатокъ книги.— Недостатокъ этотъ усугубляется еще по слѣдующимъ двумъ поводамъ. Во первыхъ, самый предметъ изслѣдованія такого свойства, что читатель не въ состояніи лично провѣрить сообщаемыхъ свѣдѣній. Масса цифровыхъ общихъ данныхъ, безчисленное множество мелкихъ мѣстныхъ свѣдѣній могутъ быть провѣрены только путемъ другой подобной работы. Какъ напр. провѣрить вѣрность цифръ, относящихся къ цѣлой губерніи, не имѣя подъ руками матеріаловъ? Въ дѣлѣ фактовъ приходится все принимать на вѣру, полагаясь на автора.—Во вторыхъ, настоящая книга носитъ характеръ оффиціального изданія губернскаго статистическаго комитета, а потому болѣе всякаго другаго изданія подкупаетъ довѣріе читателя, привыкшаго принимать оффиціальныя данныя за непреложныя.

Указавъ то общее впечатлѣніе, которое производитъ книга г. Гульдмана, и не желая быть голословнымъ, я перейду къ подробностямъ. Мнѣ при этомъ приходится оговориться. Я повторяю, что провѣрить все содержаніе книги для рецензента нѣтъ никакой возможности. Я долженъ ограничиться только тѣми замѣчаніями, которыя я могу сдѣлать въ силу случайнаго моего знакомства съ небольшимъ уголкомъ подольской губерніи и на основаніи общихъ соображеній.

Первыя VIII главъ посвящены исключительно географіи губерніи. Кромѣ географической карты (вѣроятно, военно-топографической), авторъ знакомился съ губерніей только по разнымъ прежнимъ работамъ.—Къ болѣе обширнымъ статьямъ принадлежатъ геологическія данныя о губерніи—извлечены изъ отчета о поѣздкѣ въ Галицію, Волинь и Подолію проф. Барботъ-де Марни (1865 г.) и друг., и описаніе Днѣстра, главнымъ образомъ, по Аванасьеву-Чужбинскому. Кромѣ того, авторъ ссылается на статьи д-ра Ролле, кс. Марчин-

скаго, Балинскаго, Семенова и Симашкевича. Есть еще масса ссылок на польских хронистовъ и историковъ, Геродота, Страбона, Константина Порфирогенета и т. д. Всѣ эти ссылки проставлены для вѣщаго убѣжденія въ авторитетности, но ничему не учатъ и не объясняютъ текста, такъ какъ заимствованы изъ тѣхъ статей, которыя послужили для компиляціи.—До какой степени безучастно относится къ компилируемымъ свѣдѣніямъ авторъ, видно, напр., изъ слѣдующаго. Говоря о Медоборскихъ (а не Мѣдоборскихъ) горахъ, авторъ сообщаетъ, безъ всякой оговорки, что въ окрестностяхъ села Увси замѣчаются слѣды *ревнихъ вулкановъ*. Извѣстіе это взято у Марчинскаго, который говоритъ (Statystyka Podola, I, 210): «въ окрестностяхъ Увси есть много каменистыхъ довольно высокихъ горъ, есть и слѣды давнихъ вулкановъ». Хотя почтенный отецъ Марчинскій принадлежитъ къ числу серьезныхъ авторовъ, но принимая во вниманіе, что онъ составлялъ свою статистику въ 1819 г., когда понятія о вулканахъ и геологін стояли на очень низкой ступени, что самъ онъ упоминаетъ о слѣдахъ вулкановъ вскользь безъ всякихъ подробностей, слѣдовало бы автору, повторяя это извѣстіе 70 лѣтъ спустя, провѣрить его на мѣстѣ. Вѣдь это крупный фактъ для науки.

Гидрографія составлена, главнымъ образомъ, по Семенову, очень небрежно и съ массой ошибокъ. Для примѣра возьмемъ часть системы р. Буга въ винницкомъ уѣздѣ. Перечисляя притоки р. Буга, г. Гульдманъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ. У него правый притокъ «Бобка протекаетъ въ винницкомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Бугъ въ с. Клѣтищахъ литинскаго уѣз.». Между тѣмъ с. Клѣтище лежитъ на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Буга и никакой рѣчки тамъ нѣтъ. На военно-топографической картѣ указана рѣчка Бобка, вытекающая изъ с. Майданъ Бобрка и впадаетъ въ Бугъ ниже с. Гушинецъ винницкаго уѣз. Дѣйствительное (очень старое) названіе рѣчки *Бобрка*, а не Бобка.—Рѣчка Вишня у автора носитъ названіе еще *Винничка*; истоки ея указаны въ окрестностяхъ м. Юзвина и лѣвый ея притокъ названъ *Корчмать*. Въ дѣйствительности же Вишня никогда Винничкой не называлась, беретъ начало выше с. Лукашевки литинскаго уѣзда и одинъ изъ ея притоковъ называется *Корчманъ*. Есть самостоятельная рѣчка Винница или Винничка, вовсе пропущенная авторомъ. Это лѣвый, а не правый притокъ Буга, беретъ начало восточнѣе с. Писаревки и впадаетъ въ Бугъ съ самымъ г. Винницѣ.—Авторъ увѣряетъ, что при самомъ устьѣ въ Бугъ рѣчки Барана въ эту послѣднюю впадаетъ рѣчка Кудашевка, въ дѣйствительности же

Кудашевка составляет самостоятельный притокъ Буга и впадаетъ въ него въ с. Шершняхъ. — Изъ лѣвыхъ притоковъ указана Вербижевка или Стрижовка, впадающая въ Бугъ при м. Стрижовкѣ. — Надѣлѣ Вербижевка Стрижовкой не называется и впадаетъ въ Бугъ ниже мѣст. Стрижовки въ 3-хъ верстахъ. Но есть самостоятельный притокъ Буга Стрижовка, не лѣвый, а правый; беретъ онъ начало западнѣе с. Переорокъ и впадаетъ въ Бугъ въ самомъ м. Стрижовкѣ. — Въ винницкомъ уѣздѣ кромѣ этого пропущены еще рѣчки, какъ Черемошна, Тяжиловка, Чапля, Суныця — притоки Буга, притокъ Десны Кобыльна съ Хомутной и Нетягами. — Все это ошибки на пространствѣ одного только уѣзда, и всѣ онѣ могли быть избѣгнуты путемъ простой провѣрки по военно-топографической картѣ.

Съ IX главы начинается статистика губерніи, основанная на данныхъ статистическаго комитета. Трудно дать правильную оцѣнку этому разностороннему матеріалу. Достоинство его зависитъ отъ вѣрности собранныхъ цифръ. Система собиранія статистическихъ данныхъ, практикующаяся въ нашихъ статистическихъ комитетахъ, давно отстала отъ требованій науки. Она можетъ дать удовлетворительные результаты только по нѣкоторымъ вопросамъ, и то если дѣло ведется добросовѣстно. Можно примириться съ этой системой въ статистикѣ населенія, землевладѣнія, учебнаго дѣла, повинностей и налоговъ, судебной и т. п., словомъ, гдѣ явленія жизни оставляютъ за собой письменный слѣдъ и могутъ подлежать контролю, какъ исповѣдныя и метрическія книги и разные отчеты правительственныхъ органовъ. — Здѣсь комитетъ имѣетъ готовый матеріалъ, который остается подвергнуть переработкѣ и сведенію. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ статистика лишена этого матеріала и когда приходится оставить канцеляріи и обратиться за статистическими данными къ самой жизни, комитетъ уже безсиленъ, и долженъ обращаться къ помощи мѣстныхъ органовъ власти, обремененныхъ и безъ того отвѣтственными дѣломъ. Въ концѣ концовъ статистиками повсемѣстно являются, *horribile dictu*, господа урядники и волостные писаря. Каждый живущій въ провинціи хорошо знаетъ цѣну такой статистики. — Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Гульдмана не указанъ источникъ и способъ собиранія добытаго матеріала. Можно ли, напр., серьезно говорить о статистикѣ сельскаго хозяйства, торговли, фабричной, заводской и кустарной промышленности, если данныя основаны на донесеніяхъ урядниковъ и писарей! Я согласенъ, что при опытности и большой энергіи комитета можно всѣ погрѣшности подобной статистики до-

вести до минимума, но для этого необходимы не такія средства и силы, какими можетъ располагать комитетъ. Въ виду этого многія главы книги г. Гульдмана не могутъ имѣть никакого научнаго значенія. Остальныя, основанныя на болѣе точныхъ данныхъ, могутъ имѣть значеніе настолько, насколько правильны и точны работы канцеляріи комитета. Провѣрить это невозможно и поэтому приходится помириться съ необходимостью и вѣрить имъ.—Моя личная вѣра однако и въ эту точную часть труда г. Гульдмана отчасти подорвана по слѣдующимъ поводамъ. Авторъ исчислилъ все населеніе губерніи въ 2.470.142 д. об. п. (стр. 80), при чемъ число католиковъ «достигаетъ до 206 т. (или=9⁰/₁₀ всего населенія)» (ст. 90). Во первыхъ 206 т. по отношенію къ общей цифрѣ населенія составитъ всего 8⁰/₁₀%,—для статистики это крупная разница. Во вторыхъ число католиковъ—206 т. показалось мнѣ сомнительнымъ. И дѣйствительно, по отчетамъ луцко-житомирской епархіи за 1887 годъ по исповѣднымъ книгамъ значится прихожанъ католиковъ въ подольской губерніи 240.921 д. об. п., т. е. на 35.000 больше. Но и цифра епархіальнаго отчета не обнимаетъ всего числа католиковъ; въ ней указаны только прихожане, а вѣдь въ губерніи найдется еще много католиковъ подвижнаго люда, о которомъ приходской причтъ можетъ и не знать. Если теперь принять цифру г. Гульдмана всего населенія за точную, то католики составятъ почти 10⁰/₁₀%.—Почему явилась такая крупная разница, я объяснять не берусь, но по неволѣ приходится скорѣе повѣрить исповѣднымъ книгамъ, чѣмъ автору.

Еще болѣе подрываетъ довѣріе къ сообщеннымъ г. Гульдманомъ даннымъ слѣдующее. Обширная XXXIII глава посвящена описанію уѣздовъ. Просматривая описаніе винницкаго уѣзда, я совершенно случайно обратилъ вниманіе на слѣдующую фразу: «всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ винницкомъ уѣздѣ насчитывается 516, въ томъ числѣ одинъ городъ и десять мѣстечекъ» (стр. 350). Работая лично надъ описаніемъ винницкаго уѣзда и зная каждое въ немъ поселеніе, я былъ пораженъ цифрой 516.—По тщательно составленному мною и лично провѣренному списку оказывается, что въ 10 волостяхъ уѣзда имѣется 11 мѣстечекъ (изъ нихъ одно еще не утверждено и носитъ названіе поселка Жмеринки), 113 селъ, 32 деревни и 32 приселка и хуторовъ, а всего 188 поселеній, если же не считать приселковъ, то всѣхъ поселеній самостоятельныхъ окажется только 156. Сравнивая цифру г. Гульдмана 516 съ моей 156; я сначала готовъ былъ эту громадную разницу объяснить простой типографской опе-

чаткой. Но каково было мое удивленіе, когда я, заглянувъ въ описанія другихъ уѣздовъ, встрѣтилъ и тамъ громадные и несообразныя съ очевидностью цифры. Самое меньшее число поселеній показано въ литинскомъ уѣздѣ—502, самое большее въ балтскомъ—829. По этимъ цифрамъ во всей губерніи г. Гульдманъ насчиталъ 7,207 поселеній, среднимъ числомъ по 600 поселеній въ уѣздѣ. Сравнивалъ эту цифру съ пространствомъ губерніи, выйдетъ, что на каждые 5 кв. верстъ или 534 десятины приходится одно поселеніе. Чѣмъ объяснить подобную несообразность? Статистическій комитетъ не можетъ не имѣть самыхъ точныхъ данныхъ о числѣ поселеній. Источниковъ для этого масса въ казенной палатѣ, въ крестьянскомъ присутствіи, въ губернскомъ правленіи и т. д. Положимъ, что авторъ не пожелалъ рыться лично въ сыромъ матеріалѣ и потребовалъ отъ мѣстныхъ органовъ донесеній о числѣ поселеній. Но и это допустить трудно,—какъ трудно допустить, чтобы всѣ 12 полицейскихъ управленій сговорились дать невѣрные цифры, увеличивъ ихъ противъ дѣйствительности больше, чѣмъ втрое. Приходится допустить одно, что авторъ просто ставилъ цифры наугадъ, сообразуясь съ пространствомъ уѣздовъ. Въдѣ списокъ поселеній самая существенная часть описанія географическаго, а его нѣтъ и помину въ книгѣ. Человѣческое поселеніе это такая важная единица, что на ней то главнымъ образомъ и должно основываться всякое толковое описаніе края. Безъ опредѣленія количества, характера, развитія и размѣра поселеній невозможно дать яснаго представленія о краѣ, о его жизни и фیزیономіи. Въдѣ г. Гульдманъ имѣлъ передъ собою весьма цѣнный образецъ—Статистику кс. Марчинскаго, который 70 лѣтъ тому, при самыхъ неблагопріятныхъ для такихъ работъ условіяхъ, отмѣтилъ каждое село, указалъ, сколько въ немъ жителей, назвалъ владѣльцевъ и сообщилъ о каждомъ поселеніи все, что только могъ узнать.

Если авторъ не захотѣлъ сосчитать такого важнаго явленія въ губерніи, какъ число поселеній, а вставилъ до несообразности неудачно цифры, то можно ли довѣрять той массѣ цифръ, которыми испещрена его книга?

Перелистывая книгу, я случайно остановился на статьѣ о садоводствѣ. Надо сказать, что винницкій уѣздъ издавна славится, какъ самый богатый садами и фруктами. Огромные винницкіе хутора и многія деревни, какъ Лука, Порпуровцы, Соловѣвка, Кошаровъ и многія другія—это силосные сады отборныхъ фруктовъ. Слава винницкихъ садовъ еще въ прошломъ вѣкѣ доходила до Москвы, отсюда

и по сіе время являются сюда купцы ежегодно. Г. Гульдманъ самымъ серьезнымъ тономъ ставитъ винницкій уѣздъ по богатству садовъ девятымъ въ числѣ другихъ уѣздовъ, насчитываетъ въ немъ подъ садами только 2,102 дес. 1,141 кв. с. (какаа, скажешь, точность!), а садовъ владѣльческихъ, имѣющихъ свыше 5 дес. каждый, только пять. Я лично не считалъ и не мѣрилъ всѣхъ садовъ, но свидѣнія г. Гульдмана до того далеки отъ истины, что каждый обыватель винницкаго уѣзда, прочитавъ ихъ, только улыбнется. Въ одной Винницѣ съ хуторами наберется до 2.000 десятинъ подъ садами.

Каково бы ни было мое личное мнѣніе о книгѣ, можетъ быть я и ошибаюсь во многомъ, умаляя ея достоинство, но я полагаю, что читатель не погрѣшитъ, если отнесется къ работѣ г. Гульдмана съ величайшей осторожностью.

Ц. Нейманъ.

В. В. Докучаевъ. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи (Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 окт. 1888 г.). Спб. 1889 г.

Разбирая различные методы для рѣшенія вопроса о существованіи лѣсовъ въ южной степной Россіи въ прежнее время, авторъ приходитъ къ заключенію, что наиболѣе надежнымъ нужно считать *почвенный* методъ. На основаніи многочисленныхъ изслѣдованій предшественниковъ и своихъ собственныхъ, авторъ устанавливаетъ то положеніе, что рѣшительно во всѣхъ уголкахъ *черноземной* Россіи есть не мало лѣсныхъ площадей, подъ которыми черноземъ отсутствуетъ, будучи замѣненъ *лѣсными почвами*. Такія почвы, по мнѣнію автора, настолько характерны, что не утрачиваютъ своихъ признаковъ и послѣ культурной обработки ихъ. Примѣняя этотъ принципъ къ полтавскому уѣзду, авторъ находитъ, что въ прежнее, вѣроятно до-историческое время, на степномъ правомъ побережьи Ворсклы лѣса занимали пространство въ 60—70 тыс. десятинъ, тогда какъ въ настоящее время ихъ здѣсь находятся максимумъ 12—14 тыс. Подтвержденіемъ такому выводу служить и то обстоятельство, что въ области древнихъ лѣсовъ полтавскаго уѣзда не встрѣчается кургановъ и древнихъ могилъ, а въ подпочвѣ не наблюдается *кротовинъ*.

Въ заключеніе авторъ указываетъ, что для рѣшенія вопроса: *были ли лѣса въ южной степной Россіи и какую площадь они зани-*

малы, безусловно необходимо произвести возможно точное и возможно детальное изслѣдованіе русскихъ почвъ вообще и южно-русскихъ въ особенности.

М. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. Съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями (Кіевъ, 1889 г.). Стр. 291+VI. Ц. 2 р.

Въ «Кіев. Стар.» 1882—1884 гг. напечатаны были замѣтки К. Березы и д-ра Пирожкова о покойномъ арх. могилевскомъ Анатоліи и его переписка. Этотъ матеріалъ, въ связи съ рукописными данными, находящимися въ архивѣ мѣстной духовной академіи, сочиненіями покойнаго, нѣкоторыми личными свѣдѣніями и случайными литературными указаніями, послужилъ главной основой для добросовѣстной и обстоятельной монографіи г. Едлинскаго.

Покойный пр. Анатолій, по своимъ литературнымъ заслугамъ, былъ однимъ изъ выдающихся іерарховъ русской церкви. Многолѣтняя его дѣятельность въ качествѣ сперва сельскаго священника подольской губерніи, учителя уѣзднаго училища въ Каменцѣ и намѣстника каменецкаго монастыря, преподавателя кіевской духовной академіи (по окончаніи курса послѣдней въ 1827 г.), затѣмъ ректора бурской и новгородской духовныхъ семинарій и настоятеля новгор. Антонія Римлянина монастыря, далѣе—епископа екатеринбургскаго, викарія пермской епархіи (съ 1840 г.), епископа острожскаго, викарія волинской епархіи (съ 1841 г.), наконецъ, архіепископа могилевскаго (1844—1860 г.), жизнь преосвященнаго на покое въ бесарабскомъ Гербовецкомъ монастырѣ—обрисованы авторомъ съ рѣдкой добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Отношеніе покойнаго къ католицизму, раскольникамъ, взгляды его на положеніе православной церкви въ юго-западномъ краѣ и въ Россіи вообще разъяснены въ очеркахъ живыхъ и интересныхъ; при этомъ авторъ снабдилъ свой рассказъ достаточно подробными экскурсами по исторіи раскола въ волинской епархіи и положеніи православія въ краѣ. Изложенію этихъ свѣдѣній посвящена первая часть книги г. Едлинскаго (стр. 1—142).

Во второй части находится подробное обозначеніе богословскихъ историко-полемиическихъ и публицистическихъ трудовъ покойнаго іерарха, также указаніе на его работы въ области церковной живо-

писи. Особенно тщательно разсмотрѣнію (стр. 179—275) подвергнуто главное сочиненіе пр. Анатолія: «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду», изданное въ 1857—64 гг. подъ псевдонимомъ Авдія Востокова. Разбору предпосланъ обзоръ историко-полемиической церковной литературы въ Россіи до появленія упомянутаго труда.

Недостаточность матеріала, къ сожалѣнію, не позволила автору выяснить въ подробностяхъ практическія стороны дѣятельности покойнаго іерарха и заставила его ограничиться въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ гаданіями. Сколько можно судить по сочиненію г. Едлинскаго, мѣропріятія пр. Анатолія для поднятія уровня православнаго духовенства въ могилевской и волынской епархіяхъ и усиленія духовнаго авторитета церкви, борьба съ католическими вліяніями и расколомъ—не имѣли прочныхъ и даже сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ. Къ заслугъ автора должно отнести, что онъ съ своей стороны даетъ читателю достаточный матеріалъ для заключенія о возможныхъ причинахъ неудачи; причинахъ, которыя до известной степени крылись и въ особенностяхъ характера покойнаго іерарха: человѣкъ живой, впечатлительный, отзывчивый, онъ въ то же время, повидимому, лишенъ былъ яснаго руководящаго плана въ своей практической дѣятельности, легко подчинялся личнымъ, не всегда благимъ вліяніямъ и легко успокаивался отъ заботъ и огорченій, изливъ ихъ краснорѣчиво въ частной или оффиціальной перепискѣ. Предложенныя пр. Анатоліемъ мѣры къ возвышенію православія въ краѣ лишены творческой мысли и носятъ слѣды явнаго подражанія приемамъ католической церкви, чего, впрочемъ, не скрываетъ и самъ покойный іерархъ въ своей перепискѣ.

Въ книгѣ приведены трогательныя доказательства любви покойнаго къ мѣсту своей родины—сс. Мясновка и Хрустова ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Отмѣтимъ здѣсь, что отецъ пр. Анатолія былъ сперва униатскимъ священникомъ и въ 1793 г. присоединился къ православію, мать—молдаванка.

Трудно согласиться съ заключительнымъ замѣчаніемъ почтеннаго автора, что «печатное слово преосвященнаго шло въ неразрывной связи и полномъ соотвѣтствіи съ его практическою дѣятельностью» (стр. 291). Столь завидная участь никогда еще не была удѣломъ человѣка на землѣ, и сочиненіе г. Едлинскаго даетъ лучшія

тому дозательства: укажемъ на мѣропріятія пр. Анатолія при борьбѣ съ расколомъ въ пермскомъ краѣ и могилевской епархіи (стр. 40, 93 сл.), мѣропріятія, стоявшія въ явномъ противорѣчіи съ теоретическими воззрѣніями покойнаго іерарха.

Н. М.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Редакція «Кіевской Старины» въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, какъ извѣстно читателямъ, вела постоянно обозрѣніе журналовъ и газетъ съ цѣлью дать возможность навести справку библіографическаго характера относительно всего, касающагося археологій, исторій, литературы и этнографіи юга Россіи. Не отказываясь и впредь вести это дѣло, редакція считаетъ необходимымъ однако нѣсколько измѣнить систему прежняго обозрѣнія — и вотъ по какимъ мотивамъ.

Библіографическій указатель тогда только можетъ представлять интересъ, когда наводящій справку будетъ гарантированъ, что дѣйствительно все касающееся даннаго вопроса не ускользнуло изъ этого указателя, когда, такимъ образомъ, онъ не вынужденъ будетъ наново пересматривать тотъ же матеріалъ, который разъ уже пересматривался, — однимъ словомъ, когда библіографическій указатель отличается полнотою и систематичностью. Между тѣмъ, опытъ двухлѣтняго веденія редакціей библіографическаго обозрѣнія показалъ, что поручиться за эту полноту въ немъ нельзя. Поэтому, для достиженія желаемыхъ результатовъ, редакція нѣсколько сократитъ кругъ обозрѣваемаго матеріала, но за то надѣется представить его безъ всякихъ пропусковъ и нелючтовъ, располагая библіографическій указатель въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Ежемѣсячно будетъ печататься обзоръ журналовъ съ указаніемъ въ нихъ тѣхъ статей, которыя касаются юга Россіи, при чемъ въ нѣсколькихъ словахъ будетъ сказано о сущности содержанія каждой такой статьи, не ограничиваясь однимъ заглавіемъ. Въ началѣ такого обозрѣнія каждый разъ будетъ указано, какіе именно журналы и какіе номера были разсмотрѣны въ данный мѣсяцъ; такъ что еслибы какой нибудь журналъ совершенно не далъ ни одной статьи, касающейся юга Россіи, то и тогда онъ будетъ указанъ, чтобы являющаяся библіографической справкой былъ увѣренъ въ просмотрѣ его.

2) Два раза въ годъ — въ іюнѣ и въ декабрѣ — будетъ помѣщенъ обзоръ всѣхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей юга Россіи, при чемъ полугодичное обозрѣніе дастъ возможность представлять матеріалъ этотъ не въ разбросанномъ видѣ, а въ извѣстной системѣ.

3) Перечень вновь выходящих книгъ, касающихся юга Россіи, по прежнему будетъ печататься ежемѣсячно; но такъ какъ болѣзнь и смерть прежняго редактора-издателя были причиной перерыва въ правильности этихъ сообщеній въ послѣднее время, то для перваго раза редакція помѣщаетъ этотъ списокъ книгъ въ видѣ пополненія прежнихъ указателей, начиная съ № 11 прошлаго года; въ дальнѣйшемъ же указатель книгъ будетъ составляемъ на основаніи, главнымъ образомъ, сообщеній «Правительственнаго Вѣстника».

Что касается ежедневныхъ мѣстныхъ газетъ по югу Россіи, которые прежде входили въ обозрѣваемый объемъ, то опытъ указалъ, во 1-хъ, что достигнуть желаемой полноты этого обозрѣнія редакція не можетъ, а во 2-хъ, что къ сожалѣнію мѣстная газетная литература даетъ слишкомъ мало подходящаго матеріала, вслѣдствіе чего трудъ обозрѣванія не окупается результатами. Въ виду этого редакція совершенно не будетъ впредь представлять библиографическаго обзора мѣстныхъ газетъ; но въ то же время болѣе выдающіеся факты, сообщаемые газетами объ исторіи, археологіи, литературѣ и этнографіи края, разсчитываетъ помѣщать въ отдѣлѣ «Извѣстій и замѣтокъ».

1) „Вѣстникъ Европы“ 1889 г., № 9—12; 2) „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1889 г., № 9—12; 3) „Историческій Вѣстникъ“ 1889 г., № 9—12; 4) „Русскій Архивъ“ 1889 г., № 5—12; 5) „Русская Мысль“ 1889 г., № 8—12; 6) „Русская Старина“ 1889 г., № 9—12; 7) „Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1889 г., № 3 и 4; 8) „Филологич. Записки“ 1889 г., вып. III—V.

Вѣстникъ Европы 1889 г. № 9—12. *Русское славяновѣдѣніе въ XIX столѣтіи. А. Пытина* (окончаніе, № 9, стр. 257—305). Начало этой статьи, появившейся подъ другимъ заглавіемъ «Обзоръ русскихъ изученій славянства» (№№ 5 и 6), а также и продолженіе ея подъ даннымъ заглавіемъ (№№ 7 и 8) знакомятъ съ положеніемъ изученія славянства въ Россіи въ 18-мъ и въ 1-ой половинѣ 19-го вѣка до 40-хъ годовъ. Данное окончаніе этой статьи затрогиваетъ наиболѣе живые вопросы славяновѣдѣнія въ Россіи, такъ какъ ведетъ рѣчь о дѣятельности многихъ славястовъ, нашихъ современниковъ. Тутъ встрѣчаемся мы и съ именами дѣятелей нашего юга, изъ каковыхъ назовемъ А. Котляревскаго (стр. 272—275).

Тимошъ. *Историческая повесть Д. Мордовцева* (№ 11, стр. 154—180; № 12, стр. 691—712). Сравнительно въ краткихъ наброскахъ повесть эта рисуется не столько бытовые подробности жизни 17-го вѣка, сколько эффектные моменты, касающіеся жизни такихъ дѣятелей, какъ Богданъ Хмельницкій и сынъ его Тимошей, или Тимошъ, являющійся героемъ разсказа.

Въ отдѣлѣ «Изъ общественной хроники» помѣщена небольшая замѣтка о столѣтіи существованія г. Одессы, при чемъ приводится выдержка

изъ обширной рѣчи преосв. Никанора, посвященной этому событію (№ 10, стр. 871—874).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи: 1) Галицко-русская библіографія XIX ст. *Сост. Иванъ Левицкій* (№ 10, стр. 837—839); 2) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издав. *гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ*. Вып. 2-ой. (№ 11, стр. 423—426); 3) *Этнографическое обозрѣніе*. Периодическое изданіе Этнографич. отдѣла Императ. общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Вып. 1 и 2-ой (№ 12, стр. 876—880).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1889 г., № 9—12. *Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. П. О. Бобровскаго* (окончаніе: № 9, стр. 85—123; № 10, стр. 214—272; № 11, стр. 66—134; № 12, стр. 305—379). Эта обширная работа автора, начавшаяся печатаніемъ еще съ № 6 текущаго года, въ данныхъ номерахъ излагаетъ ходъ событій въ исторіи греко-уніатской церкви, начиная съ приготовленій къ борьбѣ бѣлаго духовенства противъ замысловъ базилианъ (№ 9, глава 5-я), продолжая разсмотрѣніемъ поводовъ къ реакціи въ духовномъ и общественномъ образованіи въ Россіи въ то время (20-е годы), при чемъ характеризуются библейскіе комитеты, масонскія ложи и тайныя общества (№ 10, глава 6-я), излагая, затѣмъ, ходъ борьбы брестскаго капитула съ базилианами по поводу устройства греко-уніатской церкви (№ 11, глава 7), и заканчивая пораженіемъ базилианъ и его ближайшими послѣдствіями (№ 12, глава 8-я).

О построеніи крѣпости Саркеля. В. Васильевскаго (№ 10, стр. 273—289). Это — полемическая замѣтка по поводу статьи *Θ. Успенскаго* въ «Кіевской Старинѣ» (1889 г., № 5—6) «Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X в.»; при чемъ авторъ замѣтки становится на защиту извѣстія Константина Багрянороднаго о времени, мѣстѣ и цѣляхъ построенія крѣпости Саркель, между тѣмъ какъ г. Успенскій отнесся критически къ этому извѣстію. Продолженіе этой полемики находится въ № 12, гдѣ помѣщенъ въ отдѣлѣ критики отвѣтъ *г. Успенскаго «О миражахъ, открытыхъ В. Г. Васильевскимъ»* (стр. 550—555) и тамъ же «*Отвѣтъ на статью Θ. Успенскаго*» *В. Васильевскаго* (стр. 555—557).

Борьба Польши и Литвы. Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. И. Филевича (№ 11, стр. 135—187; № 12, стр. 281—304; продолженіе слѣдуетъ). Эта статья преслѣдуетъ задачу распутать вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Польши по поводу выморочнаго съ 1340 года галицко-владимірскаго княжества. Съ этой цѣлью авторъ въ 1-ой главѣ въ общихъ очеркахъ указываетъ тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы (при

чемъ нельзя было миновать и татаръ), отъ которыхъ зависѣло ихъ дальнѣйшее столкновеніе (№ 11), а во 2-ой главѣ переходить уже къ очерку военныхъ дѣйствій 1340—1387 годовъ, обозрѣвъ пока событія 1340 года (№ 12).

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *K. Gorzycki. Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza W.* Реценз. *И. Филевича* (№ 9, стр. 131—138); 2) Памятники древняго православія во Владимірѣ-Волинскомъ. *Е. Дверницкаго* (№ 10, стр. 356); 3) Русскія древности въ памятникахъ искусства. Издан. гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ*. Реценз. *К. Бестужева-Рюмина*. Вып. 2-й (№ 11, стр. 249—251); 4) Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795 г. *Яковлева В.* (№ 11, стр. 259—260); 5) Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. *Д. Баалля* (№ 12, стр. 559—560); 6) Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ великаго княжества кievскаго (№ 12, стр. 562—563).

Историческій Вѣстникъ 1889 г., № 9—12. *Секретное дѣло объ одной газетной авизіи 1732 г. И. Луцкаго* (№ 9, стр. 577—587). Это—преинтересная страничка изъ временъ тяжелыхъ допросовъ «Слова и дѣла»; тутъ рассказано, какой переполохъ произошелъ въ Кіевѣ по поводу доноса газетной авизіи, переданной подполковницей Вишневецкой полковницѣ Веревкиной.

Гдѣ дѣвались запорожскіе войсковые клейноды. Д. Эварницкаго (№ 11, стр. 394—403). Установивъ, какіе именно предметы именовались клейнодами, авторъ описываетъ нѣкоторые изъ нихъ, находящіеся теперь въ Преображенскомъ соборѣ и Императорскомъ Эрмитажѣ.

Въ отдѣлѣ «Изъ прошлаго» помѣщена *В. Буцневичемъ* маленькая замѣтка «*Пребываніе шведскаго короля въ г. Ромнахъ*» (№ 10, стр. 230—231).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» помѣщены слѣдующія замѣтки: 1) Археологическія раскопки въ Херсонесѣ (№ 10, стр. 235—236); 2) Находки въ екатеринославской губ. (ibid., стр. 236); 3) Древнія типографіи на Волынн (ibid., стр. 236); 4) Столѣтній юбилей г. Одессы (№ 11, стр. 450—451); 5) «Древній замокъ и городище»—сообщеніе г. Голкевича о замкѣ кн. Спесона Одельковича (№ 12, стр. 679); 6) Еще объ отношеніяхъ Гоголя къ матери. *Шенрока* (ibid., стр. 683—688).

Въ приложеніи къ № 12 находится «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» *Д. Языкова*, вып. 6-ой, гдѣ находимъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ нашихъ южанахъ: 1) Думитрашковъ Конст. Дан. (стр. 50—51), 2) Раевскій Петръ (стр. 106—107); 3) Ухачъ-Охоровичъ Конст. Франц. (стр. 119).

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Анатолій Мартыновскій*, архіепископъ моголевскій и его литературные труды. *М. Едлинскаго*. Рецензія *Н. П.* (№ 10, стр. 201—202); 2) *Верхбицкій*. Краткое описаніе города Житомира. Т. 1, изд. 2-ое. Рецензія *Вл. Б—скаго* (№ 10, стр. 215—216); 3) *Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ*. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 1 и 2. Реценз. *П. Полеваго* (№ 11, стр. 404—407); 4) *В. Мясотинъ*. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Реценз. *Б. Г—скаго* (№ 11, стр. 410—413); 5) *Н. Карповъ*. Надѣніе Польши въ исторической литературѣ—реценз. *Н. С. К.* (№ 11, стр. 416—419); 6) *В. Яковлевъ*. Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795 г.—реценз. *Н. П—ова* (№ 11, стр. 426—428).

Русскій Архивъ 1889 г., № 5—12. *Письма митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу* (№ 5, стр. 21—84; № 6, стр. 161—236; № 7, стр. 321—388). Въ этихъ письмахъ встрѣчается масса мелкихъ замѣтокъ о языкѣ, исторіи, археологіи и пр. юга Россіи; особенно интересны замѣчанія Евгенія о Ходаковскомъ въ письмахъ 1819—20 гг.

Въ статьѣ «*Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій*» *А. Зиссермана* въ главѣ X-й говорится объ упраздненіи особаго черноморскаго козачьяго войска (№ 6, стр. 268—284), въ главѣ XI-й—о польскомъ возстаніи и о проектѣ Барятинскаго перенесенія столицы Россіи въ Кіевъ (№ 7, стр. 431—434).

Сотникъ Горбатко и его сподвижники 1862 г. Сообщилъ *Н. Палимпсестовъ* (№ 11, стр. 353—375). Это страничка изъ славныхъ подвиговъ черноморскихъ козаковъ, рассказанная войсковымъ старшиною кубанскаго козачьяго войска *Н. И. Вишневецкимъ*.

Разказы изъ недавней старины. *И. Листовскаго* (№ 12, стр. 491—498). Нѣсколько случаевъ изъ жизни митрополита кіевскаго Филофея и бывшаго кіевск. генералъ губернатора *А. Р. Дрентельна*.

Русская Мысль 1889 г., № 8—12. Въ статьѣ «*Были ли у насъ газеты для народа?*» *Е. Некрасовой*. Говорится о газетѣ «Другъ Народа», издававшейся въ Кіевѣ (№ 12, стр. 76—79).

Въ отдѣлѣ «*Внутреннее обозрѣніе*» посвящено нѣсколько строкъ памяти покойнаго редактора «Кіевской Старины» *А. С. Лашкевича* (№ 11, стр. 223; см. также въ отдѣлѣ библиографіи, стр. 508).

Въ библиографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Энеида*, перелицованная на малороссійскій языкъ *И. Котляревскимъ* (№ 9, стр. 379—380); 2) *Pokucie. Obraz etnograficzny. Oskar'a Kolberg'a*. Т. 3-й (№ 10, стр. 430); 3) Сборникъ

по хозяйственной статистикѣ полтавской губ. Т. 7-й. Кременчугскій уѣздъ. Т. 8-ой. Хорольскій уѣздъ. Вып. 1-й (№ 10, стр. 435—436); 4) Календарь сѣверо-западнаго края на 1890 годъ, издав. подъ редакціей *М. Запольскаго* (№ 11, стр. 500); 5) «Кіевская Старина», май—октябрь (№ 11, стр. 507—508); 6) Монетные клады въ кіевской губ. *Н. Бяляшевскаго* (№ 12, стр. 524—525); 7) Памятники древняго православія въ г. Владиміръ-Волинскомъ. *Е. Дверницкаго* (№ 12, 525).

Русская Старина 1889 г., № 9—12. *Дневникъ А. В. Никитенки.* Сообщ. *С. Никитенко* (продолженіе; № 9—12). Въ этомъ интереснѣйшемъ дневникѣ, начатомъ печататься давно уже (еще съ 1888 г.), помѣщены свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ наукѣ или литературѣ нашего юга; въ данныхъ номерахъ находимъ извѣстія о Гоголѣ (№ 9, стр. 527—529).

Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера. Сообщ. *Лопатинскій* (№ 9, стр. 559—578; продолженіе будетъ). Это—продолженіе записокъ, начатыхъ печатаніемъ еще въ № 6; въ данныхъ главахъ (12—17) идетъ рѣчь о Товянскомъ и его сектѣ, объ игуменѣ Макринѣ, разыгравшей заграницей роль страдальцы за католичество, о папѣ Піѣ IX и о проектѣ возсоединенія церквей, о княгинѣ Зинаидѣ Волконской и объ учрежденіи Восточнаго общества.

Въ «*Воспоминаніяхъ Теобальда*» (продолженіе) 2 я глава посвящена замѣткамъ изъ послѣдней польской смуты (1862 г.) въ Царствѣ Польскомъ (№ 10, стр. 77—87), а 3-ья—замѣткамъ изъ одесской жизни (№ 10, стр. 87—94).

Осипъ Максимовичъ Бодянский въ его дневникъ 1849—1852 г. Сообщилъ *И. Павловскій*. (№ 10, стр. 123—141). Хотя дневникъ этотъ, начавшійся печатаніемъ еще въ 1888 г., по содержанію не представляетъ особеннаго интереса, но имя О. М. Бодянскаго вполне оправдываетъ занесеніе дневника на страницы бібліографическаго указателя.

Рѣчной и морской военный походъ в. кн. Владиміра отъ Кіева до Херсонеса и обратно въ 988 году. Кн. *Н. С. Голицына* (№ 10, стр. 185—190). Въ этой замѣткѣ опровергается мнѣніе проф. А. Соболевскаго о томъ, что въ лѣтописи Нестора неправильно походъ отнесенъ къ 988 году.

Къ исторіи русскаго общества 1807—1849 г. (№ 11, стр. 361—371). Это—сжатая выдержка изъ обширной записки неизвѣстнаго лица, которое записывало всякія правительственныя распоряженія. Здѣсь находимъ извѣстіе о томъ, что въ 1846 г. іюня 19 циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ Черовскаго приказано запретить и изъять изъ продажи сочиненія: *Шевченка*—Кобзарь, *Кулеша*—Повѣсть объ украинскомъ народѣ, *Украина*,

Михайло Чарнышенко; *Костомарова*—Украинскія баллады, Вѣтка (стр. 367), а также о томъ, что въ 1847 г. марта 24 состоялось особое повелѣніе, при возвращеніи изъ заграницы командированнаго туда *Пант. Кулеша*, задержать его на границѣ, опечатать всѣ бумаги и вещи и отправить въ III-е отдѣленіе (стр. 368).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1889 г., № 3 и 4. *Купало. А. Соболевскаго* (№ 4, стр. 184—189). Здѣсь основательно отрицается древность Купала въ смыслѣ древне-русскихъ божествъ и указывается на то, что на югѣ Россіи не упоминается нигдѣ Купало, какъ языческій богъ, ранѣе 17 вѣка, а на сѣверѣ Руси даже имени этого вѣтъ въ памятникахъ. Выводъ тотъ, что существовало народное названіе праздника «Купалы» (множественное число), ставшее потомъ эпитетомъ къ имени Ивана Предтечи.

Еще къ вопросу о положеніи русской женщины по бытовымъ пльнямъ народа. Е. Будде (№ 4, стр. 195—244). Статья эта представляетъ отвѣтъ на давній разборъ г. Брайловскаго (Филолог. Записки 1886 г. № 1) статьи упомянутого автора, посвященной вопросу о положеніи женщины. Сущность возрѣнія г. Брайловскаго такая: не во всѣ періоды и моменты жизни русская женщина находится въ безотрадномъ положеніи, но есть и «отрадная сторона». Сущность возраженія г. Будде сводится къ доказательству этой безотрадности, при чемъ авторъ касается также вопроса о положеніи малорусской (чаще галицко-угорской) дѣвушки. Кажется, было бы правильнѣе рѣшать этотъ вопросъ, не смѣшивая народностей.

Отношеніе чудовскаго инока Евѣмія къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдеву. С. Брайловскаго. (№ 4, стр. 262—290). Статья представляетъ разработку одного изъ моментовъ той упорной борьбы, которая велась московскими книжниками 17 в. съ юго-западно-русскими учеными изъ-за охраненія первыми яко-бы чистоты православной вѣры отъ привнесенія вторыми въ нее латинской ереси.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ краткій разборъ книги г. Нумменна «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи» (№ 3, стр. 167—168).

Филологическія Записки 1889 г., вып. III—V. *Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: «собравшие кости вложашу ѡ судину малу и поставяшу на столпъ на путехъ, еже творять Вятичи и ныне».* И. Четыркина (вып. V, стр. 1—19). Самое заглавіе достаточно выясняетъ содержаніе статьи; рѣшается вопросъ на основаніи признанія особаго божества *Чура* (образъ умершаго предка), оформившагося потомъ въ видѣ обрубка дерева, что и есть, по объясненію автора, *столпъ*.

Въ отдѣлѣ *библіографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе *Евгенія Пытухова* (вып. III—IV, стр. 1—7); 2) *А. Пытинъ*. Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. (тамъ же, стр. 7—9); 3) *Е. Шмурло*. Митрополитъ Евгеній, какъ ученый (тамъ же, стр. 10—18). Всѣ три рецензіи написаны *Сергіемъ Ольгинимъ*.

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Веневитиновъ М. Хожденіе Данила игумена въ изданіяхъ И. П. Сахарова. (Изъ XIII т. «Древностей»). М. 4 д., 103 стр.

Захарченко М. Исторія кievскаго института благородныхъ дѣвицъ. К. 8 д. 163 стр.

Историческій очеркъ Одессы. Къ столѣтнему юбилею со дня завоеванія. Одесса. 8 д. 52 стр.+8 рис.

Кievскій календарь на 1890-й годъ. Съ адресъ-календаремъ г. Кіева и съ планами городскихъ театровъ. Редакторъ *В. Фабриціусъ* Кievъ 1890 г., 8 д., 16 нenum. + 221 + нenum. 35 стр.

Леонидъ, архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая кн. Ольга?». (Оттискъ изъ «Кievской Старины»). Кievъ 1889 г. 8 д. 8 стр.

Лисенко С. Первые шаги шелководства въ черниговской губ. Черниговъ. 1889. 8 д. 53 стр.

Луцкевичъ А. Памятная книжка кievскаго учебнаго округа. Ч. III. Волинская губернія. К. 8 д. 171 стр.

— Памятная книжка кievскаго учебнаго округа. Часть IV. Черниговская губ. Съ приложеніемъ карты учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв. черниговской губ. Кievъ 1889 г., 8 д., 180+XXIII стр.+1 карта.

Мальшевскій И. Происхожденіе русской вел. княгини Ольги. К. 8 д. 71 стр.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія уложенія. Изд. «Кievской Старины». К. 8 д. 292+XX стр. п. 2 р.

Панаженко И. Историческая записка о новгородсѣверской гимназій. К. 8 д. 172+II стр.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Императ. общ. любителей естествознанія, антрополо-

гін и этнографія подь редакц. *Н. Янчука*. (Оттискъ изъ XIII я кн. Трудовъ этнограф. отдѣла). М. 1889 г., 12 д., VII+147 стр.

Ронталеръ Э. Отчетъ о состояніи новгородсѣверской гимназіи за 1888-й годъ. Вып. 5-й. Киевъ 1889 г., 8 д., 96 стр.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. II. Древности скифо-сарматскія. Съ 147 рис. 4 д. 160 стр. ц. 1 р.

Святославскій В. Фабричный рабочій. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. Варшава. 8 д. 288 стр. +1 табл.

Скальковскій А. Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея 1764—1787. Изд. городское. Одесса. 8 д. 38 стр.+1портр.+1 карта+1 планъ.

Талко-Гринцевичъ. Народное акушерство въ южн. Руси. Изд. журнала «Земскій Врачъ». Черниговъ. 8 д. 54 стр.

Franzosa K. E. Aus. Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrussland und Rumänien. 2 B-de. 3 Aufl. Stuttgart. LXII+419 s.

— Aus der grossen Ebene. Neue Culturbilder aus Halb-Asien. 2 B-de.

Харузинъ М. Програма для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. (Оттискъ изъ VIII-го т. Трудовъ отдѣла этнографіи). Москва 1889 г., 12 д., IV+XXVII+335 стр.

Харьковский сборникъ. Подъ ред. В. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1889 г. Вып. 3-й. Харьковъ. 8 д. 248 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 117 i 118. Tom X. Warszawa 1889 г., 4 л., 641—800 стр.

Ч—въ П. Алупка. Краткій практический указатель для прїѣзжающихъ. Од. 16 л. 55 стр.

Шевченко Т. Катерины. Изд. 2-е В. Уточкина. Од. 8 д. 32 стр.

Шейковскій К. Толкованіе слова «Русь» и его разновидности. Юбилейное изд. Мензелинскъ. 8 д. 14 стр.

Этнографическое обозрѣніе. Періодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Кн. 2-я. Подъ редакц. *Н. Янчука*. Москва. 1889 г., 8 д., 1 + 239 + вѣнум. 1 стр.+1 портр.

Яковлевъ В. Къ исторіи заселенія Хаджибея (1789—1795). Къ столѣтію завоеванія Хаджибея. Изд. город. Од. 8 д. 57 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“ на 1890 годъ.

„Судебная Газета“ будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права — матеріальнаго и процессуальнаго — будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлю выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассационныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціей.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получать ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 руб.; на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 50 коп.; на 3 мѣсяца 3 руб. и на 1 мѣсяцъ 1 руб. Заграницу 10 руб. въ годъ.

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧКОЮ необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе — въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

№ 1. 3—3.

Редакторъ-Издатель Ф. В. Де Векл.

Объ изданіи журнала „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

Съ 1-го января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевского и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ Н. О. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Коркунова, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“. Задачею журнала поставляется, во первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; во вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждая шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.
№ 2. 3—3.

ОБЪ ИЗДАНІИ въ 1890 году ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ ДЕСЯТИ книгъ въ годъ, до ДВА ДЦАТИ листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.		съ пересылкою въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. 8 р. 50 к		за-границей 12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 р. съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассацион. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ касс. рѣш 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», С.-Петербургъ, улоу Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, В. Морская, 30 и Чичинадзе М. Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1889 гг. по 9 руб., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

№ 3. 3—3

Редакторъ: В. М. Володиміровъ.

Съ 1-го ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

новый журналъ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества,

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Изданіе А. А. Абрикосова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, — опытная и фیزیологическая психологія, психопатологія; 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа специалистовъ по философіи: проф. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, Іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гиляровъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. П. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерп. ун.), Э. О. Масарикъ (проф. пражскаго унив.) и др. лица, — 2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, Н. П. Аксаговъ, проф. Д. П. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, О. П. Герасимовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Григмутъ, Д. А. Дриль, проф. Г. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, д-ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Э. П. Шереметевскій, Н. И. Шишкинъ, В. И. Штейнъ, 3) проф. В. И. Данилевскій, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** въ годъ 6 р., и 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій — 4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к. — Подписка принимается съ 1 сентября нн. г. въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; В. Н. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, и Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи Владиміра Соловьева (Красота въ природѣ), проф. А. А. Козлова (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ области естествознанія), кн. С. Н. Трубецкого (О природѣ сознанія), Н. Н. Ланге (О дѣйствиіи гашиша: психологическая замѣтка), Н. Я. Грота (Отчетъ о сѣздѣ фیزیологической психологіи въ Парижѣ) и другія.

ГОДЪ БОЛЬШОЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ ГОДЪ
 VII. „КОЛОСЪЯ“ 1890.

въ 1890 г. будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ и въ предыдущіе шесть лѣтъ Цѣль редакціи — за недорогою цѣну дать такой богатый, разнообразный, живой и интересный матеріалъ для чтенія, какой могутъ представлять лучшіе большіе журналы.

Въ каждой книжкѣ „КОЛОСЪЕВЪ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотвореніе, драмы и комедія, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Въ программу журнала входятъ и художественныя рисунки (фототипіи и фотогравюры).

Подписная цѣна въ въ 1890 году остается прежняя:

8 РУБЛЕЙ. Подписка принимается: На годъ 8 р.
 въ СПБ., въ конторѣ журналы „КОЛОСЪЯ“, Пушкинская, домъ № 10-й. На полгода 4 р.
 № 5. 2—2. Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

1890 ГОДЪ. О ВЪ ИЗДА Н І И 1890 ГОДЪ.
 УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

- 1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
- 2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
- 3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
- 4) Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
- 5) Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
- 6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
- 7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
- 8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.
- 9) Годичные отчеты по Университету.
- 10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
- 11) Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія награды, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертационныя

12) Рѣчи, пропозисимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—официальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неофициальная: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II—юридическій; отдѣлъ III—физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій, отдѣлъ V—критико-библіографическій—посвящается критическому обзорнѣю выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), отдѣлъ VI—научная хроника заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣденія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы переводы сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за **12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ** безъ пересылки **6 руб. 50 коп.**, а съ пересылкою **7 рублей**. Въ случаѣ выхода **ПРИЛОЖЕНІЙ** (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **ИЗВѢСТІЙ**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 р. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

№ 6. 2—2.

Главный редакторъ *В. Иконниковъ*.

ВЪ 1890 ГОДУ

При Кіевской Духовной Академіи

БУДУТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ И ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церквей западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3/12 февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ — 7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписаться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглобина, въ Кіевѣ, на Крещатику, — 2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакцію можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII, (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. Воскресное Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 руб. за за экземпляръ съ пересылкою.

Епархіальныя Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1889 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к. съ пересылкою 80 коп.; 1874—1889 гг. по 1 руб. № 7. 1—3.

Открыта подписка на 1890 г. на политич., литер. и художественную

„ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА“.

„ГАЗЕТА“ выходитъ въ объемѣ 2—3 листовъ въ недѣлю; въ важныхъ случаяхъ — два раза въ недѣлю.

Въ 1890 г. «Газета» будетъ значительно расширена и улучшена. Редакція ея обновлена новыми силами и уже заручилась содѣйствіемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ.

Въ учено-литературномъ отдѣлѣ „ГАЗЕТЫ“ примутъ участіе: профес. В. Б. Антоновичъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Л. П. Бѣляевъ, А. П. Веселовскій, Н. Я. Гротъ, И. И. Иванюковъ, М. К. Јогель, профес. Ѳ. Е. Коршъ, И. А. Линиченко,

Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Стороженко, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и друг.

Въ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ „Газета“ сообщаетъ всѣ политическія и общественныя новости, распоряж. правительства, провинціальн. извѣстія, новости торговля, биржевыя и техническія, свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ, искусствъ, ремеслъ и проч.

Въ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ „Газеты“ печатаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, популярныя историческія и естествоислѣдовательскія статьи, путешествія и проч. Многія статьи иллюстрируются рисунками. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „ГАЗЕТЫ“ посвящается, главнымъ образомъ, текущимъ замѣчательнымъ СОБЫТІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. Каждое выдающееся событіе немедленно иллюстрируется на страницахъ „ГАЗЕТЫ“. Кромѣ того, въ „ГАЗЕТѢ“ помѣщаются ПОРТРЕТЫ всѣхъ выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей, государственныхъ людей писателей и пр., а также КОПИИ КАРТИНЪ извѣстныхъ художниковъ.

Въ теченіи года „Газета“ дастъ слѣдующія бесплатныя приложенія и преміи:

1) ШЕСТЬ КНИГЪ избранныхъ романовъ и повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ. Каждая книга заключаетъ въ себѣ отъ 6 до 10 печатн. листовъ.

2) МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, выходящій шесть разъ въ годъ отдѣльными выпусками со множествомъ рисунковъ и полиптижей, съ образцами работъ, выкройками и проч. Кромѣ послѣднихъ модъ, дается множество свѣдѣній по домашнему хозяйству.

3) ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДРАМЫ ШЕКСПИРА. Большой томъ съ изящными англійскими иллюстраціями.

4) КРЕСТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 годъ (при № 1 „Газеты“) со множеств. иллюстрацій и при немъ стѣнной календарь.

Кромѣ перечисленныхъ приложеній и премій, редакция, въ виду увеличившагося распространенія „Газеты“, дастъ своимъ подписчикамъ ГЛАВНУЮ ПРЕМІЮ:

БОЛЬШУЮ ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТИНУ.

Главная премія „ГАЗЕТЫ А. ГАТЦУНА“ представляетъ собою дѣйствительно превосходное художественное произведеніе. Она рѣзко отличается отъ премій другихъ газетъ и журналовъ и можетъ занять мѣсто въ каждой гостиной, какъ прекрасное украшеніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Газету“ со всѣми приложеніями, преміями и главной преміей съ пересылкой и доставкой:

На годъ . . . 5 р. $\frac{\times}{2}$ На полгода . . 3 р. $\frac{\times}{2}$ На $\frac{1}{4}$ г. 1 р. 75 к.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ выдается годовымъ подписчикамъ. Подписчики, желающіе получить эту премію, прилагаютъ за пересылку и доставку ея 1 рубль. Разсылка премій начнется немедленно, по порядку полученія подписныхъ денегъ, такъ что лица, подписавшія заблаговременно, могутъ получить ее въ текущемъ 1889 году. Требования адресуются: въ Редакцію „Газеты А. Гатцуна“. Москва, Никитскій бульваръ, собств. домъ.

БИБЛІОГРАФЪ

1890.

ВѢСТНИКЪ

Годъ VI.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

Журналъ библиографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. — Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библиотекы духовныхъ семинарій и училищъ. — По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библиографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библиографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ периодич. изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. О. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. О. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. И. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣдовъ, проф. П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. Н. Карѣевъ, Д. О. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Н. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, П. Н. Оглобинъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташницкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за границу 6 р.
отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—8 р.: $\frac{3}{4}$ стран.—6 р. 50 к., $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к. $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1. р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. — Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., домъ № 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библиографа“ за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 коп. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Мефодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библиографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова II. Библиографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып. 4) Библиограф. списокъ литерат. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 8 2—2.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

Объ изданіи въ 1890 году ежемѣсячнаго журнала

„СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА.“

НА ГОДЪ 2 р., 1/2 ГОДА 1 р.

Редакціей „Пантеона Литературы“ предпринято, съ 1 января 1890 г., изданіе новаго общедоступнаго какъ по цѣнѣ, такъ и по содержанію ежемѣсячнаго журнала.

„Семейная Библиотѣка“ будетъ заключать въ себѣ: избранныя романы, повѣсти, рассказы, собранія стихотвореній извѣстныхъ писателей, драматическія произведенія, путешествія и пр.

Въ каждомъ томикѣ будетъ помѣщено цѣлое произведеніе; болѣе обширныя произведенія займутъ нѣсколько послѣдовательныхъ томиковъ.

Назначеніе „Семейной Библиотѣки“—доставить самой небогатой семьѣ возможность, за ничтожную плату, имѣть библиотѣку избранныхъ авторовъ, чтеніе которыхъ по содержанію своему было бы для всѣхъ доступно и интересно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	2 р.	1 р.	25 к.

Подписка принимается: въ редакціи „Семейной Библиотѣки“ въ С.-Петербургѣ, Захарьевская ул., д. № 19. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5%.

№ 9 1—3

Редакторъ-издатель А. Чудиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 ГОДЪ.

(Третій годъ изданія).

„ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ“.*ежемесячный историко-литературный журналъ.*

Въ предстоящемъ году „Пантеонъ Литературы“ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Въ числѣ произведеній, предназначенныхъ къ помѣщенію въ первыхъ книжкахъ журнала, назовемъ слѣд.: 1) Полное собраніе сочиненій **Василія Петровича Боткина**, автора „Писемъ объ Испаніи“ и пр., 2) **Поэмы Оссіана**, перев. съ примѣч. и предисловіемъ **Е. В. Ваземановой**, 3) **Письма темныхъ людей**, перев. **А. И. Кирпичникова**, 4) **Чосеръ, Контерберійскіе рассказы**, перев. **М. И. Кудряшева**, 5) **Аріосто, Неистовый Роландъ**, поэма, перев. **С. Ф. Уварова**, 6) **Л. Н. Майкова**, Матеріалы для біографіи **Вал. Н. Майкова**, 7) **М. Гюйо**, Современная эстетика, и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	8 р.	5 р.	1 р.
Съ перес. за границу	10 р.	—	—

Выписывающіе „Пантеонъ Литературы“ за 1888 и 1889 гг. уплачиваютъ: за всѣ три года—20 р., за два года—15 р. Разсрочка платежа—по соглашенію.

Подписка принимается: въ редакціи журнала „Пантеонъ Литературы“ въ Спб., Захарьевская, д. 19, а также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5%.

№ 10 1—3.

Редакторъ-издатель **А. Чудиновъ.****ОТКРЫТА ПОДПИСКА**

НА

новый журналъ для
акушеровъ, фельдше-
рицъ и фельдшеровъ.

АКУШЕРКА

На годъ **3** рубля
На 6 мѣс. **2** рубля.
На 3 мѣс. **1** рубль.

Изданіе посвящается акушерству, женскимъ, дѣтскимъ и общимъ болѣзнямъ и вообще всѣмъ отраслямъ медицины, входящимъ въ кругъ дѣятельности **АКУШЕРОВЪ, ФЕЛЬДШЕРИЦЪ И ФЕЛЬДШЕРОВЪ**. Журналъ будетъ выходить съ 1-го Января 1890 года, дважды въ мѣсяцъ.

Редакція заручилась сотрудничеством: гг. преподавателей и врачей С.-Петербургскаго (надеждинскаго) и московскаго родовспомогательныхъ заведеній и повивальнаго института въ С.-Петербургѣ, а также другихъ врачей специалистовъ по разнымъ отраслямъ медицины.

Подписка принимается:

Въ Брянскѣ (орловской губ.) въ Редакціи журнала „Акушерка“.
Въ Спб. въ книжномъ магазинѣ К. Риккеръ Невскій просп. № 14.
Въ Москвѣ въ книжн. магазинѣ А. Лангъ, Кузнецкій мостъ.

№ 11 1—3.

Редакторъ-издатель *Амброжесичъ*

"АПТЕКА ДОМОВАЯ СРЕДНЯЯ

Часть 2¹⁾ домашних лѣкарствъ, на поратованія члвческаго и бидлячого здорова господамъ и всякой кондиціи "особамъ служащая.

Лѣкарства, которія всегда заживати подобаетъ, разсмотряючися, и що по троху или по мѣри заживать принадлежить, противное противному старатися, подобное подобному принадлежить.

Терпливость есть лѣкарство на всякие хори; заживати его, на аптеку кому не стало би.

Апетитъ зопсований направуютъ виннѣ чорные свѣжіе и сухіе, вареніе або сиріе, когда хто уживаетъ; також алекс(и)р проприетатисъ²⁾ по колко кроплей.

1) Быть можетъ, 1-ю часть этой аптеки составляетъ стараніе избѣгать грѣховъ, перечисленныхъ, какъ бы въ видѣ эпитафіи, на внутренней сторонѣ обложки, тѣмъ же почеркомъ:

Седмь грѣховъ смертнихъ: 1, гордость; 2, лакомство; 3, блудъ; 4, зависть; 5, обжирство; 6, гнѣвъ; 7, лѣниство.

4 грѣха вопиющихъ до Бога: 1, волное члвкоубойство; 2, блудъ содомскій; 3, озлобленіе убогихъ вдовъ и сиротъ, обиди или утѣсненіе; 4, удержаніе или несовершенное мзди отдавша дѣлателямъ и наемникамъ.

Противъ Духа Святаго шесть: 1, отчаяніе, еже невадѣлится на милость; 2, излишнее упованіе на милость Божию; 3, сопротивленіе истинѣ познани... писаніемъ стихъ догматовъ о вѣри, апостоли и свѣти(и) отци утвержденныхъ; 4, зависть во духовнымъ блага(мъ), яже(е) пріймуютъ ближняя (?) отъ Бга; 5, вгрьсѣ пребываніе и сосарѣніе в злобѣ; 6, верадѣніе о показаніи до отшествія жизни своей.

²⁾ Флоринскій, Русс. простонар. травн. и пр. 220.

До якої-коловекъ рани: свинячого пузиревого свіжого сала, живиць, воску молодих пчол, 'бляви, б'блку з яйця курячого, и всего того по равнимъ частямъ сложивъ на пановку или на що-коловекъ, присмажить в легкомъ огнѣ и с того учиня пластеръ, при-к'ладать до рани.

Утроба устане, коли хто козлового лою роспустивши шмать, змѣшавши з пшениною м'юкою, и зробіт(и) якъ кашу и зисти.

Також вращати при утробѣ здорово есть, при лѣкарствѣ:

взяти воску гишпан'ского червоного и крейди белой, печини з печи по шматку м'ѣрному, стерти то все в мозчиру мякько и на тилецъ ножа взявши в тепломъ пивѣ або винѣ на-дше на и ноч пит(ь); поможеть.

також: взять муки житной сколько ложокъ. вбити до ней два жов'т'ки от яйца, двѣ мушкатные галки и толко ж бобчаного насѣня, стерши всею то вкупу, змѣшат(ь) на переру унек'ти и дат(ь) хоро-му зисти.

Також порохъ курячого калу бобки або кров сушеная всякаго звѣра вишит(ь), и усемирят утробу.

Також и камень червоний в молоцѣ стерти, пить.

Також очереть, что по озерахъ ростет(ь) силит(ь) на порох, а пересѣявши хорошо, дать пит(ь) хорому; на тотъ часъ овощей анѣ трупковъ горячих нежизивать, печистие толко потрави уживать, а пиво пить—аби толко посилился.

Також взят(ь) молока свѣжого з шевлѣю переварит(ь), пѣ-чого большъ непридаючи; учинит(ь) великую помощь.

Илляне насѣня товченее, або зерно розинковое, або насѣня бобчанее пит(и), або исти бобъ вареній, або жизивать конфектъ пин(?)олній.

Боки болящіе такъ лѣчат(ь): часнику головокъ з-колко у винѣ уварит(ь), тепло на ночь пит(ь), укрытися и спочит(и);

Салату с чорнобилнимъ цвѣтомъ при потравахъ уживать; алексѣрь проприетатись в винѣ або в пивѣ жизиват(ь).

На бородаки: листомъ вербовимъ оные ок'ласти з оцтомъ; або з гною телячого поцель упаливши, змѣшать з оцтомъ аби тепло, и на бородавки прикладать от години до години.

Кармазиновимъ албо тежъ червонимъ шовкомъ бородавки завявши, добре стиснуть, и такъ нехай будетъ долго, поки не усахнетъ и зъ того мѣста з коренемъ винадетъ.

Медъ з галуномъ змѣшат(ь) и тымъ имароват(ь) оные; або цибулею, або жолоткомъ (sic) яецъ змѣшанимъ з шафраномъ. або олѣйкомъ сосонковимъ (?) мазати, поможеть.

На удумѣ незастарѣлое: кмѣну з оцтомъ уварити и тепло под подошви прикладать;

албо четверть фунта терпентини, масла свѣжого несолоного змѣшати, исти на-дще поча(ст)цѣ орѣха.

На фебру: конского калу с нивом или з виномъ напитис(ь), процѣдивши чисто, сточит(ь);

албо взять ложку пива, вина, оцту, оливи, соли пшатовѣ, змѣшат(ь) в купѣ и пере(д) бранемъ оное выпить;

албо взять кореня бобки зѣлля, оскромадит(ь) и добре покрешит(ь), на-дще и на ночь исти всегда;

албо орлового камня¹⁾ наскромадивши, в винѣ албо горѣлцѣ винит(ь).

На горла бол(ь)ние: кашу ячную уваривши добре рѣден'ко, потомъ лѣтепла оцту приливши, полоскат(ь) губу часто и горло, ковтаючи по троху.

Ремезовое гнѣздо або пилиховое или ластовиное на порох збити, пересѣяти, с цибулею печеною стовѣши и з медомъ прѣснимъ змѣшавши и илястръ зробивши, горло ок'ладати;

Или ячмѣнь в колосахъ на поцель спалить, з медомъ и калом собачимъ змѣшавши, ок'ладать;

Или перестушень корень в молоцѣ парить и пить;

Або шкарпетки з ног знявши на ночь на шію обертит, что ѿ слиногора заховеуть;

¹⁾ Флоринскій, Р. простонар. травн. 159—60.

Або пить в молоцѣ албумъ грекумъ ¹⁾.

На болячки въ горло: дать чого пити или исти, даби вомѣтовалъ;

Ужева голова висушенная, на шіи голо(й) ношенная боронит(ь) от сляногора ²⁾;

Сова со неѣи спаленная, попелъ оній пивши или ластовняій вареній в водѣ или в винѣ з фигами—поможет(ь).

На глисти или робаки: Горѣлки доброй (пропускъ?) змѣшать и тимъ жолудокъ и ноздри шмароват(ь);

Или часнику зтовк'ши нашмаровать грѣнку хлѣба и на самій пуцъ приложити, неоднимаючи, хоча и прик'ло будетъ;

Такожъ и крейду в молоцѣ или в винѣ пит(ь).

На голову болящую и горячку: Воду кронкову прикладать до пулсовъ;

Или хлѣбъ горячіи мякушку вмочити в оцетъ моцній и прикладат(ь) до головы;

Или салати наварит(ь), теплою прикладать;

Или рожовой водки ³⁾, оцту к'репкого по чарцѣ, бѣлокъ отъ яйца стовкши в купѣ, въ хусту (s) в оное вмочат(ь) и прикладиват(ь) тепло; ю гори(я)щѣ то помогаетъ;

Или упуши(ть) грѣнку з хлѣба з оцтом з кмѣном полить и тепло до головы привинути,

а бросквинное зерно з пивомъ вистилимъ (s)увертѣти и на чоло приложит(и), боль умирае и сон подаеъ;

или женское молоко з оливою змѣшат(и) и з оцтомъ добримъ, на чоло прикладат(и).

На голову болѣзненую от слянца или от чаду: кровь пустит(и), но толкож на другій день хороби;

Гречание крупы сиріе, або ячние з бѣлком розтерти, рожовой водки прилить и змишавши на пулси до рукъ и ногъ прикладать отжѣняючи часто.

¹⁾ Album graecum и просто *album*, бѣлый собачій казъ.

²⁾ *Slinogorz*, angina.

³⁾ Водка всякая перегнанная вода, сокъ, отваръ, въ отличіе отъ юрѣлки, ниже водки изъ брум. вм. горѣлка.

На болячки: болячки твердіе от мила теплого, з медом теплым же ростерши, отмячают. (?) болящіе окладат(и) цибулею печеною, з масломъ свѣжимъ несолонимъ тепло змѣшавши.

Р. Ежели кого врачъ (s. в, а не с) нападетъ: цвѣтъ липовій або. . . . на порох стовѣши, въ криничной водѣ, пити; подушку з рути здѣлат(и) ярой и на ней всегда спати и оною куритись рано и вечер;

сокомъ такъ же з рути в носѣ шмаровать;

горчичное насѣня з сокомъ угорковимъ пити;

олѣйку цегляного ¹⁾ в носѣ впускать и голову мазать, от чего память прирастает;

или ментугу—рибу варит(и) в горшку новом поливяном, щобъ кости отпали, которіе кости спалит на порох и в чомъ колвекъ пити перед нападеніемъ.

На камень: порохъ, бобу на порох спалит(ь) и пить;

или кров лисичую з виномъ пить;

или клей от дерева вишневого исти;

или прошокъ з бруштину и з ракових рожновокъ (s) лит(и);

постернакъ уживати часто;

часнокъ з горѣлкою пит(и);

кров козловую порох з виномъ;

непришки (?) з масломъ свѣжимъ варит(и), на ночь и на—дще исти;

ванну зогрѣвши и вложивши свиначую вошъ, купатись;

сокъ лимоновій з олѣйком мигдалевим змѣшат(ь) и пит(и);

сокъ з редки витиснут(и) и з медом змѣшат(и) и пит(и);

или пит(и) пулверумъ дидретикумъ.

На кашель збитний сухой: Кору з дерева грушового стовѣти и пит(и) з вином на ночь;

или сѣрки зтовѣши, яйце вареное мягко уложивши а бузини придавши, зминать и пить надще и на ночь в чомъ колвекъ,

¹⁾ Флоринскій, Р. простонар. травн. и лѣч. 142—3.

или часнику зтопѣни з саломъ и яйцемъ сиримъ присмажит(и) на огню и мазать подошви и хребетъ на ночь;

или рожу смажит(и) з водкою рожовою зогрѣвши, по лозце на ночь и рано заживать;

или ганусу доброго кваргу отмѣрити и влить води полгарца и зсипат(ь) обое в горщикъ и затушковат(ь) добре, на жару варит(ь) поки упрѣе до половини, потомъ висипавш и процѣдити чисто, до него же приложити фунтъ сахару лодяного, знову смажит(и), которое заживат(и) на день и на поч разъ;

такоеж цибулѣ великой сиекти, дробно покришавши, цукру ложку, оливи пол ложки придаты и присмажит(ь) и исти теплое или по...умъ (?) заживать.

Паки от кашлю: Печеніе яблока с сахаромъ утоляют(ь) кашель и очищаютъ грудь;

албо нѣсколько смоквей положит(ь) в к'репкое судно и до них насипати сахару и, дополня крепкою водкою ¹⁾ жажечъ, и до тѣх жествъ горѣла бѣ, пока самая стухнет(ь), и того оставшогося соку рано и в вечер по ложки принимат(ь);

или илдяное масло употреблять.

О болячках в роту и опуху во горло. Вареной з шовковичних ягод сокъ оные болѣзни лѣчать.

На колку: Зубъ вепровій великій на порох стерши пить в винѣ или в пивѣ;

албо щоку щучую или языкъ гусиний стерти, пить.

О грудной болѣзни и одишки: Взят(ь) нѣсколько смоквей и в анисной албо в простой чистой водѣ настоят(ь) и по вся ранки по двѣ смоквѣ исти.

От болячокъ и пухлинъ: Взять сирую, или испек'ти смокву и столько жъ до нея приложит(и) печеноѣ цибулѣ и оное столочъ, прикладати на болячки, пухлину и всякие вреди.

На коштуны: Видровіе (?) внутренности зсушит(и), на порох стерти, в пивѣ пит(и);

¹⁾ т. е. горѣлкою.

или достат(я) озика (=ожика) живого, зваривши его зисти;
или спалит(и) в вершку (?¹) цѣлкомъ на попель, уробити
лугъ з оного пошелу, которимъ всегда мнется (митися?);

или саломъ ботилковимъ (?)—птици голову шмаровать;

или ожиковимъ такожь;

или заживати тхори, яко ся...

На кровъ з носа текущую: Взять от точила от коваля
гуши з коритця з гореть, змѣшат(ь) з оцтомъ, випить и на зад
шій посипат(ь), или до оной приложит(ь);

да в ноздри соку цибульного впусит(ь) и тимъ кровь пере-
стане.

На крижъ болящій: Рожовою водкою шмаруй.

На судурги: В рѣчной водѣ варить нагашенную вапну, по-
томъ соли всипать и оливи, змѣшавши мазать судоргу;

Сливою на-дще или лосиннимъ конитомъ тое мѣ(ст)це натирать.

Отъ квартанія фѣбри: Взять рослого павука, вложить его
в школеруцу (?) орѣха волоского, залѣнит(ь) добре воскомъ и в
немъ провертѣвши дѣрку, шнуркомъ проволоки на шій то носит(и)
над самимъ жолудкомъ;

или полинь з соллю вкупѣ ввертѣти в що и з онихъ сокъ
витиснувши напиться предъ трасениемъ хвороби.

На лишаи и подлите²): тѣло натѣрять олѣйкомъ наперо-
вимъ (цапѣр в трубку згорнувши, налити на ложцѣ цѣнованой,
олѣекъ буде).

На ломане в составахъ: Рахитис от всякихъ хвороб волним
чинит(ь).

На обложенную хворобу: (и в моровомъ повѣтрѣ сие жъ
потребно):

достат(ь) голуба живого и под криломъ правимъ кровь впу-
стит(ь) и оною всѣмъ в дому мазатся и пить по мѣрѣ с пивомъ
албо з виномъ. Найпервому в той хворобѣ дать зернять бузиновыхъ,
стовченихъ в тепломъ пивѣ, ложку или пол ложки випит(ь);

¹) въ горшку?

²) Пидлиття (як кого пидлито). Ср. Чубин. I, 137.

или цеглу новую роспалити, якъ огонь, оцтомъ моцнимъ полить, даби пара по хатѣ розійшлась;

или давать всѣмъ пить прошокъ сердечній бѣлій albo червоній.

На золотникъ: Боброви стрей в чемъ колвекъ пит(ь);

Чортово лайно нюхать.

На меланхолию. З людьми веселыми перестават(ь) или прохляживатис(ь) (s) по зеленыхъ мѣстахъ;

горѣлку перепаляную з половой (s.) рути прошкомъ пити;

алкермес, хина хине заживат(и)

Мишы и шури чимъ вигоняют(ь) Взять проху з пиловання желѣза у слюсара, з кислимъ тѣстомъ то умѣшат(и) и в дѣрки мяшачие понакладат(и).

На боле.. (от) разнихъ причинъ в ногахъ. Горѣлки моцной з солюю змѣшавши, хусту умочит(и) и на самое привязать болящее мѣстце;

или водкою дивиновою тепло обвинут(и);

или пиво с масломъ согрѣвши, купат(и) ноги;

или розовою водкою натирать; а на пухлину в ногахъ слимаки товкти з шкоролюпами и окладат(и).

Когда кому пухнутъ ноги и струпнѣют(ь): Мезкою липовою или листомъ окладат(и);

или оные в водѣ варит(и) и полоскати тепло и окладат(и).

Отъ перечосу: достати отъ пчоль молодыхъ з улья шуму бѣлого ярачаго (s.), розмѣчтити еній, чисто на пластеръ намазавши, прик'ладат(и), щоденно перемѣняючи.

На очи хто хоруе: Очи чирвоніе и болящие хто имѣеть, а при томъ и на голову болѣеть, когда утробная недуга на тотъ часъ принадесть, оздоровѣть на очи;

ругу ярую з бобками, в усьтахъ держачи, гривти и якъ найчастѣй хухать на очи; отпуееть (?) тимъ билмо;

или водкою з сен'чковаго зѣлля очи промивать з виномъ венгерскимъ;

или яйце убивши, пачесы умочивши в оное, на потилицу прик'ладат(и);

или руту свѣжую в меду варит(и) и тимъ коло вѣкъ мазати.

Такожъ, хто би билъ звгляду (s.) слабого, под-час дня теплого лѣтного нехай бо(со)ю ногою часто зраня по росѣ ходить; знову ж аби всегда в чоботѣ сухо било и ноги сухіе; руки на ночь и на день мить;

хлѣба пшеничного середину намочит(ь) в розовой водцѣ чрезъ ночь, перецѣдивши чрезъ чистую фусту, очи промивать

На перемерзліи животѣ: Руты натовк'ши, ок'ладати;

или сокомъ яблек;

или воску; оливи, сала роспустивши вкупѣ, присмажить и прикладат(ь) на животъ.

На припадане тѣла: шмаровать олѣмъ иллянимъ или олѣйкомъ з желткомъ.

На воспу: шафраномъ в молоцѣ моченом (s) да коло очей обвертѣт(ь); в хатѣ теплой бити всегда; грубихъ потравъ нежаживать; пулверемъ пан'нонѣкумъ употреблять.

На паралѣж: оцту доброго кислого змѣшавши з солю по половинѣ, якъ устоятсѣ соль, изливши оцтъ, пить;

или горѣлки леванц(л?)овой, левлѣвой, шпигинаревой и галановой по равной части змѣшавши, пить потроха и члонки зараженіе мазать;

горѣлкою горчичною такъ же,

или прошокъ шевлѣвой з пивомъ пить;

или ак'вамъ паралѣтикамъ заживать.

На блохи: Полин з кмѣномъ уваривши, з желчу якою колвекъ змѣшать и тимъ хату часто кропит(ь);

или чорнушѣу вимочивши, лужко покропит(ь) и хату;

или вапну негашени(у)ю потовк'ши, посипат(ь) землю.

На огонь некелий, то е(стѣ) канцеръ: Каусти кислой, борцу сирового или тѣста кислого бѣлкомъ самимъ, з яецъ випустивши, розбитъ вкупѣ, галуны мало придавши на начасы (s) намазат(ь) и прикладать на мѣстце хорое;

или сметани з бѣлкомъ розбивши либо желтку, з солю змѣшавши добре, прикладать;

шкурку бузиновую промиваючи прик'ладат(ь).

На перси болячие: Пива з прошкомъ филлковымъ корени зогрѣвши, шафрану з цукромъ рано заживат(ь);

або прик'ладать омплэструмъ..... (?);

или (унг)вентум (s.) нек'торале.

Циво щобъ некисло било: нехай непереребаєть и добре ува-руєть и положить в него кариофиллатемъ (? *caruophyllatum?*).

На блохити: Полинь или полиновимъ олѣйкомъ натират(ь) лужко;

или пивокъ висушити и стерши курити ложко оними и хату; такожъ взявши жолчи, оцту, полиню, сѣрки, живого срѣбла з са-ломъ кабанячимъ разстерши (s.) змѣшат и щилини натирать.

На подагру и гирагру: урину пить;

понецу насипать и на ногахъ носити;

взять масла свѣжого, горѣлки доброй, оливи, цукру, всего мѣ-рою, присмаживши на огню, тепло прик'ладать на день сколько разей;

или дубовую на ночь то(ж?) водку а курачого земли в оцту намочивши, прикладат(ь);

или сокъ с шевлѣи в чаю и в чомъ тепломъ почаству, а паче по утрамъ пить;

или пшеничные отруби с ук'сусомъ смѣшавъ, прик'ладат(ь) к' но-гамъ;

або свѣжею пшеницею до коленъ ноги всипат(ь).

Даби спотѣль: Нехай, на постелѣ лежачи в хатѣ, душно добре ук'риється, а фляшу цѣнованую, горячою водою наливши, в ноги ставить до подошовъ, а двѣ по бокамъ;

или зогрѣти камене, обязавши хустою, такожде.

На повѣтрі моровос: На каждій день хату курить сѣркою, такожъ постелю, кошуль, одежду рано и на ночь; всякие напитки тим же курить и сосуди, в оние напитки вливаючи;

такожъ сѣрку товкти з мукою и з виномъ моцним змѣшавши, шмароват(ь) недужихъ;

или сѣрчанимъ прошкомъ в нихъ (s.) посипать;

или сѣрку утерши, з водою розпустивши, оних обмиват(ь), а потомъ, усушивши зернят бузиновых 24, имъ беру з виномъ растерши и въсоливши, оное пить.

О чиряхъ и поврежденія: Пшеничная мука с медомъ умягчает(ь) вреди и прориваетъ чиря.

На бол(н)ные моровое (s.): Листя копитнику прикладат(ь) на долонѣ в руках, на ступнѣ у ногахъ и на очах, а приложивши в годину толко на-дѣще отнят(ь) и в землю для смраду закопат(ь).

Когда укуситъ пчола, оса или шершень и про^е: натерти зараз мухою, поймавши, мѣстце укушеное, или олѣйкомъ св(я)тоянским.

На пухлину: шевлѣя горсть, полиню горсть зварит(ь) в полгарцу вина, ажъ поки до половини википит(ь) и пить рано и на ночь;

риби неисти и напитоковъ якихъ колвекъ пить якъ наимиѣй;

или матор дук^ншу (матери душку?) зѣлля варити и пити;

или сокъ з зѣлля три булке (tribulus?) пить;

руту з оливою и сол^ю лю утерти, тим натират(ь) пухлину;

суменокъ (?) зо всѣмъ коренемъ в винѣ мочит(ь) и пить;

или майран заживат(ь) прошок, пургансу (пургансу?).

Ежели хто ораненій: человекъ имѣючи рану в головѣ, ежели неможеть дивитися на свѣтло или на свѣчку запаленную, умереть.

Собачую голову сналивши, понеломъ оной всякие рани людямъ и бидлу засипат(ь) рано, а на ночь чистою водою перебиват(ь); поки загоится;

или корень з кропивы з солю зстерши, на рани прикладывать.

На робаки в пашнѣ: Часнокъ в росолѣ зваривши, засѣки или судна кропить

и мѣшей мочить такожъ, чтобъ нешкoдили в стодолах;

когда женцѣ в поле идуть жать, даи каждому по шматку ситой полтини или старой солонини, даби серпи шмаровали.

На рожу: Свѣжій нанер лазуровій от цукру натерти густо крейдю и прикладати на мѣстце жол^а челивое;

или шафранъ терти размочит(ь) в водѣ и тимъ хусти добре помочит(ь), которые потим хороше вису(ши)вши, на мѣстце болячое прикладат(ь) що раза отминяючи.

На рунтуру: Воскъ, живицю росустивши на огню и при-
синавши до того ведлугъ потреби прошку живокосту, курячого зѣлля,
змѣшат(ь) на масть, которою шмаровать тое мѣстце, з которого по-
чинается рунтура.

На рѣзачку, или когда урина запрется: Сокъ з бузино-
вих ягод змѣшавши з виномъ, пить;

или хебтовое однодѣтка молодого листвѣ ¹⁾, зтовчен'ное з бѣ-
лим виномъ; заживать олѣвекъ святоянский.

Если кто неможетъ спать: шмаровати чоло и виски мо-
локомъ женскимъ; жовткомъ свѣжого яйца; тлустію черной, от вер-
така млинового albo колеса взявши; олѣйкомъ маковымъ или муш-
катовимъ, и купатся в теплой водѣ з маковками чрезъ колко вecho-
ровъ по пол години;

или заживат(ь) реквіємъ...

От болення сердца: руту ярую в руках стерши, вином ста-
рим вен(герскимъ) покропит(ь) и на сердце приложит(ь);

або вино доброе старое зогрѣвши и хусту вмочивши, к сердцу
привязуват(ь);

или рано и вечеръ з гвоздѣика (s.) и яйца курячїе свѣжїе з
имберомъ исти;

или шкарлатомъ натерши хусту, или теплимъ виномъ или
алкermесомъ или дряквою ²⁾, или водкою сердечною, и до сердца
привязать, або ворокъ червоних золотих.

На слезіону: Боль окладать теплыми хустами;

или воду з овсомъ и всякими землями змѣшавши и зогрѣвши
тое, купатись добрую годину;

або поливъ, ячную муку, насѣня иллінее варивши з оцтомъ,
тепло до боку прикладат(ь);

¹⁾ n. *chebda*, *sambucus ebulus*.

²⁾ n. *drygiakiew*, *theriaca*, знаменитое до XVIII в. замѣчат. сложное лѣкар-
ство, приготавливавшееся преимущ. въ Венеціи. Ср. Флоринск. 1. с. 223.

Ма.... (з маслянку) свѣжую пить и прикладывать емпластрум сп(л)енетикум.

На струне или шолудѣ: Сляжъ-зѣлля ¹⁾ вареное пить или оным окладат(ь) на день по два раза,

да и к тому ж конопляного насѣня свѣжого сколько пригореть з горѣлкою доброю змѣшавши добре, в горщикъ новій висипать, а другій горщикъ, такъ же новій, поставивши на огнѣ порожній, накрыти пок'ришкою з дѣркою на версѣ пок'ришки, которій горщикъ з матеріею наложить на той горщикъ, которій с пок'ришкою, и все обмазать кругом або... глиною или тѣстомъ, и такъ окладать или жаромъ осинать, даби з верхняго в spodній олѣвекъ вийшолъ, котрым олѣйкомъ струне мазать; и скотомъ сляжъ росчесавши наперед мазат(ь).

На сухоти: Зѣлле подбѣлъ и(ли?) фарфиру-зѣлля ²⁾ по мѣри змѣшавши, з солониною и яйцами усмажит(ь), якъ яечню и исти оное ~~чрезъ~~ 9 день надще, храняся потравъ грубихъ и гарячихъ трунковъ;

такожъ прошокъ внеринусъ (viperinus?) помагаеть;

или ноги бараніи свежіи или шкуру барана нехолощаного попорубавши дробно, варит(ь) и купатис(ь) в томъ годину или полтори, а вийшовши з ван'ни ничимъ не втиратися, але, увинувши(сь) скатертею, заснути;

такожъ козиное молоко пит(и) з цук'ромъ рано и вечер;

или оливи полкварті мѣшат(ь) поки збѣлѣть и тою мастю шмаровать хребетъ и иніе члонки рано и на ночь.

На свербѣ: Корости или лишай лѣчит(ь) ванна (v. ван'на?) водяная з дубовимъ листыємъ;

такожъ лугъ з вапною учиненій, конская пѣна, насѣяня ляннее з прѣснимъ медомъ змѣшанное, сѣрка или уневентум (s.) делѣта...

От шаленства: Голову оголивши, окладать хрѣном на хуцѣ розтертой;

або курку живо разрѣзаную на половину, тепло прикладывать;

¹⁾ n. *slaz* — malva.

²⁾ *Подбѣлъ*, *fussilago farfara*.

або хлѣбъ теплій, свѣжо упеченій, з масломъ, рутою и кмѣномъ змѣшаній;

такожъ макъ бѣлій змѣша(й) з виномъ, водкою розовою и оцтомъ и межи двома хустами до головы прикладай.

От икавки: зяжъ грѣнку ияберомъ посинаваю.

Оттрута щурей и мишей: Взять вап'ни негашенной з гореть, мѣлко утерти. муки гореть змѣшавши вкупу, осолодит(ь) зверху цукромъ, и поставитъ при томъ мису воли.

На утружденіе: неситъ ниякого трукну мощного запальющого и з свек'ли сокъ з селѣтровою змѣшавши. охолодивши, тим ся шма-роватись.

Когда ури на лицу естѣ: Бобъ бѣлій мочать в оцѣ мощномъ, а коли вимок'нетъ, облунит(ь) и добре висушивши, на муку стове'ти, потомъ з водою рѣчною розмѣшавши, на ночь умиватись.

На трутизну: Молока козяного, скоро только почуветь трутизну, свѣжого выпить по зможности, а в недостатку оногo, заживат(ь) и коровячогo.

Когда укуситъ що ядовитое: Вк'ругъ той рани пуцадломъ натявши, рожок поставит(ь), даби ядъ витягъ;

или тоежъ самое, что вкуситъ, поймавши, ростерти, приложит(ь).

Когда паукъ укуситъ или опаскудит(ь), найскорѣй взят(ь) цибулѣ или часнику, ростерши, и приложит(ь) на тое мѣсце; велии (?) же вкушеніе ядовитое шмароват(ь) недвиядковим олѣйкомъ.

У кого з губи смердитъ: Розмаринъ варить з виномъ, до того цѣнамоу, губу полоскат(ь) или пить на-дще, и гвоздики исти.

Коли кто струсится или ворвется или упадетъ с чего: Якъ найскорѣй вимочитися и кров пустит(и);

вина или оцту. а в недостатку води з яйцемъ змѣшавши на-питис(ь);

раковою мастю ¹⁾ мазатис(ь),

или сало конское з каменемъ утерѣтим червонимъ рано и на ночь пить;

¹⁾ Флорин. I. с. 223.

или з росѣходниву уробит(и) ма(сть) и мазатис(ь) где болят(ь);
или горѣлки сколко ложокъ, оцту ложку, меду прѣсного ложку,
айце свѣжое сирее, соли шмат убити добре оное и дати на дще
алѣ бо на ночь выпить, и укритис(ь) щобъ испотѣл.

(На уста пощепаніе)¹⁾.

На рязачку или бѣгунку: Маслянку свѣжую пит(ь) или
прикладат(ь).

Коли кто наѣбит врацает: з яйца свѣжого бѣлокъ выпу-
стит(ь), а на тоє мѣсце влить горѣлки, уварит(ь) оное, зиста или
заживат(ь).

На затвердѣніе жолудка: Кто терпять велми вол... (?) и
затвердѣніе жолудка, пиво пит(ь) теплоє з олѣйком миндалевим:

яйца в смятку вареніе исти;

розинки маліе исти;

маслянку пит(и)

намочит(ь) в винѣ или в горѣлцѣ през цѣлій мѣць среббла жи-
вого, потомъ сколко ложокъ зливши (v. змивши) з оного щолоку для
пургансу заживат(ь) подлугъ мѣря;

или воловою жолѣчею доколо пуна пшмароват(ь);

по землѣ велготной босими ногами ходит(ь), а потом в теп-
лой водѣ перемивать.

На зубовъ боленіе: Корень з кропивы мочит(ь) чрезъ два-
надцать день в горѣлцѣ и в пивѣ, на слонцѣ сушит(ь), прикла-
дать на зубъ болящій;

или ладавѣ з часникомъ стовк'ши прик'ладат(ь);

или оцту зогрѣвши, взят(ь) в уста тепло и держать якъ наи-
болше, такъ чинячи по три рази;

или молоко свѣжое, мало пригрѣтое, з мякушкою пшеничного
хлеба в устахъ держат(ь) якъ наиболее;

или селѣтру перепоцерован'ную змѣшавши з криничною водою,
тепло тимъ зуби полоскать, поки перестанеть болѣти;

имбѣрь, полный кмѣнѣ, сол(ь) по части стовк'ши мяко в оцтѣ
приваривши, прикладат(ь);

¹⁾ Зачеркнуто.

такоежъ вареной з шовковичних ягодъ сокъ употреблять(ь);
к тому жъ половину сирой или печеной смок ви на болное
место положит(ь);

албо жадного ран'ка зуби натирають шевлѣю и оной сокъ въ
чаю албо в другом трунку (пить);

албо з бумаги клончатой здѣлать маленькой якой (s.) в табач-
ном соку намоча, на зубъ болній положить.

На згагу: Мупкатовую галку ск'ринивши и солю потру-
сивши, и гризти;

или квасное яблоко зисти;

или к'рейди настругавши сунтелно, з вином оцтомъ роспус-
тивши, якъ тѣсто учинит(ь) и мерою заживають того тѣста якъ
зерно бобовое или гороховое;

или заживають конфекту пѣвонѣвою.

На животъ болящій: мяту и руту равную часть пригрѣвши,
витиснути сокъ, тепло в трунку пит(ь);

или горѣлки ганусковой под чарки доброй, присипавши не-
чени (s.) и трома палцами вколотивши, випить;

или и(з) дряквою горѣлки зогрѣвши, якъ пластырь на жи-
вотъ прик'ладать, а потомъ теплою серветою ок'ладать;

или аркушь наперу, умочивши в горѣлку з товченимъ пер-
цемъ, на животъ прик'ладать;

или имберу, хій... (?) полинекового вина, дряк'ви, олѣйку
кмѣнкового в цукрѣ або в водѣ заживають(ь);

волового и коровячого калу з оцтомъ змѣшавши, процедить и
випить;

или дряк'ви римской зисти.

На жолтую хоробу: Лина живого росплатавши, под по-
дошви привязать;

сокъ с цибулѣ печеной витиснути, з шафраномъ пить;

з судна золотого албо позлацаного нанитокъ заживають;

валую кропиву, нагодки, календулю уваривши з масломъ (?)
часто уживають и дрякву пить.

Паки от каменнои болѣзни. По вся утра по три смокви, перцемъ посипавши исти, такожь и жженою солю. Хто потолкожь смоквей по вся утра употребляетъ, тотъ худого воздуха и каменнои болѣзни не боится, то е'то после того два или три ножевих вострей той же жженой соли особливо с'есть.

О скоромъ рожденіи младенца. В родинахъ женамъ печеніе смокви исти, и чтобъ в той избѣ, где таковыя жени суть, яблокъ ни под какимъ видомъ не било, того прилежно смотреть, яко яблочной духъ родѣльницамъ такъ тяжолъ, что она чрезъ то не скоро свободится.

От водяной болѣзни. Петрушку часто употреблять албо по груди свѣжою пшеницею осипатся, или по нѣсколко часовъ стоять или сидѣть.

О кровавомъ поносе. В молоцѣ намочить рижъ, потомъ роспалить камень опоку и в томъ молоцѣ охолодить, и тотъ камень мѣлко настругать и з водкою пить.

На болячку. Цибулѣ, оливи, муки пшеничнои, меду прѣсного, смоквину великую, соли, тое все стовкн и намазать плястру и прикладывать к болячки.

Мастъ на рани ножные. Взять пива доброго, козиной кровѣ по ложцѣ, олѣи илляной такоже, воску бѣлого з улля нечищенного, то есть вошинъ бѣлих, оливи, живицѣ, блейвасу, каждого по ложцѣ, до того яйце кураче з жолткомъ убить, измѣшать в купу, а змѣшавши на волномъ жару присмажить в ринцѣ, от чего мастъ станетъ, которую прохолодивши, на пластеръ накладывать и привязовать к ранамъ на ночь и надень свѣжою. К тому жъ нечить горѣлки, меду, вина много, но мѣрою пиво бѣло(е) и вистоялое; по холоду неходить и ногами непрацовать.

Бидлячое лѣкарство. Коли бидло кровю мочить, свинцю нового (?) наскромадить немало и, на конецъ ножа взявши, в хлѣби давать до трохъ день, албо грѣн'ку спек'ти и дати с воскомъ исти, а потому мочу человѣчего (?) дати напиться.

Якъ вбодметя скотина, оцту с перцемъ и з имберомъ ис солю по части змѣшавши, влити в горло;

такоежъ часнику накришити или зтовкти з оцтомъ и мукою дать випить.

На лишии бидляччи. Сала растопить з горѣлкою змѣшавши помазовать.

На ноги коли бидло впадетъ: чеснокъ з собачим калом змѣшавши, обвертовать ноги; албо горяцѣ бѣлой, часнику, бидлячого калу змѣшавши до купы, стовкти и з оцтом розвѣвши бидляти влить в горло;

такоежъ росол з мяса веирового то есть (?) бидлячим давать.

Овци даби нездихали. Ванни часть а двѣ части соли змѣшавши дати на тарчицяхъ исти;

или баранній жолудокъ в винѣ зварить и примешавши води теплои давать пить;

или з ванни пегашенной зробить лугъ и в ономъ жито ярчое (s)вваривши, з соллю давать исти;

или сѣмянное (?) корѣння уваривши з соллю давать на-дще.

Разнимъ скотамъ лѣкарства. *Конь доброй такъ познается:* малій в собѣ есть головою; уши корот'кие, которіе стоят просто; кругліе и веселіе очи, ротъ размѣрной, ноздерь широких и просторихъ, такой же и морди, языкъ неочень товсть и тонокъ, шіи вынесенной и крутой, гривы густой, персей и крижа широкого; стан плотной и поджаристой; ногъ сухихъ, чистих и пространих; копыты маліе, кругліе; жилу маеть у заднѣх ногах тонкую; доставать до ушей недаеться; хвостъ крутой, широкая и короткая рѣшца; между остатнимъ ребромъ от останого (s.) ребра невеликое мѣсце до костей крижових. Пробують старого и молодого такъ: ущипнуть на щоцѣ; когда вскорѣ шкура тая розійдется, то молодій, а слы нескоро, то старій.

Волъ доброй познается такъ: Долгого стану, выгнутой спины, полних пахов, широкихъ грудей, широкого крижа, долгой шіи, болшого подбородка, веселого взору, на ушах и на лбу много волосовъ, короткихъ и толстихъ ногъ.

Баранъ добрый такъ познается. Долгого и високого стану, толстого хвоста, широкого лоба, большихъ глазовъ, мягкой и короткой шерсти, длинныхъ ушей, просторной груди, витихъ роговъ и поджаристого бруса.

НВ. Когда задавится коневъ бѣльмо. Взять соли о...оватой (?) и гусиныхъ яицъ пшкорулуниъ, высушивши стовк'ти добре, змѣшавши до купи, засипать;

или перепеличимъ жиромъ око шмаровать.

Когда конь на оку лѣ(вомъ), имѣетъ дефектъ, всипать соли в правое ухо, до троухъ день завязать; или когда в правомъ, в лѣвое всипать, такожде до троухъ дней.

Когда черви в ранѣ якого коня. Оцту з соллю змѣшавши, поваливши коня, черви выбрать и тимъ засипать;

или дегтомъ теплымъ заливать;

или аргестемъ ¹⁾ зѣллямъ зваренимъ вимивать.

На дишавицу коневъ. Мясо вовчее змѣшавши з овсом, давать; или мураве в мощномъ оцту варить, перецѣдивши, коневѣ влити в горло квартъ 3, потомъ не дай оному пить целій день и сѣна на ночь.

На камень конскій. Рогъ еленя запалить и зтерши оній в пивѣ давать пить, или влить ложку добрую.

На кашель конскій. Редки в овесъ накришивши дробно, давать исти; води зимной не давать криничной или болотняной, но воду рѣчную, всипавши мало муки пшеничной албо ячной, селѣтри трохи до тогожъ пристроживши (s.) давать пить.

Копито конское даби отросло. Руту варить з вепровимъ саломъ и чоботъ коневѣ здѣлавши и матеріи в овій наливши, обути коня, даби стоялъ недель двѣ, перемѣняючи оную матерію, и чтобы всегда тепла била;

или свежихъ натовкти раковъ змѣшат з илляним насѣнем и с прѣсным медомъ такъ же в чобот оную матерію наклавши, обути коня.

Конь даби мѣлъ до подкованя и ходу доброе копито,

¹⁾ Польск. *rdest*, *polygonum persicarin*.

гнуо волового самого з оцтомъ росправивши, тепло на ночь при-
кладать що години.

Когда конь носатый: курячое зѣлле з коренем и з листом и
бѣлой (?) бузины вкупѣ изварити, а уваривши добре, когда при-
стигнуть, дати пити коневѣ, а зѣле тожъ пок'ришивши, давати в
оброкъ цѣлій тиждень;

или чемерицу черную чрезъ ночь мочить во горолицѣ (s.) и
тамъ нап'искиват коневѣ ноздри.

На охватъ води коневъ. Ростопити цибул сколько и при-
сипат оцту, добре росколотивши влит в горло, даби проковтнул
усе, потомъ в поле проводит годинъ 6, недаючи исти.

На охватъ з вѣтру. Мила устругат и дат з чимъ лит;
кровѣ оному недават пустит между ушима.

На пархи конские. Дрожчи пивные зогрѣвши, перемиват, а
обмивши, коли осхне(ть), сѣрки, галуны, купервасу з старимъ са-
ломъ змѣшавши, рано и на ночь шмаровать.

На пискудникъ конскій. Хлѣба житного, соли, бавелни,
пороху змѣшавши, уробит(ь) з того галку и вложит(ь) в око, а
потом порох з солію змѣшавши в подвѣйко всипат(ь).

Когда ноги опухнуть конские. Мякини конопляные и па-
чеси змѣшат(ь) з пивом а варит(ь) такъ долго, поки загусне; тим
пухлину окладать до трохъ дней.

Коня пурговат(ь) такъ есть. Яйце цѣлком в горло коневѣ
впустят(ь), потом змѣшати оливи, горѣлки, часнику, соли, товче-
ной горчицѣ и улит(ь) в горло;

или мила табличку з оцтом варивши, тепло влит(ь) в горло.
такожъ козиного молока тепло улить.

На черви конские з носа: Шкаруникъ з яецъ сухих на
порох з цѣноброю желѣзною змѣшавши, стерти и перцю з оцтом и
горѣлкою тепло примѣшавши вливать оному.

Садно конское свѣжое, посипат(ь) порохом курячого зѣлля,
шо разу оц том перемиваючи.

На огонь в саднѣ — достат(ь) макуху лляную, з бѣлком ячним и оцтом збитъ добре и умѣшат(ь), прикладать привинувши од годѣни до години.

Конь змордований когда неистъ, натерти оному зуби, языкъ и губи солю, и теплимъ пивом вишмаровати, потомъ дать оному сѣна и оброку свѣжого.

Селезену такъ лѣчить коневѣ: Взяти посторономъ под пупдро и ис(?) тяхти какъ найлутше. Кылка разей. Такъ учинит(ь), потом оного проведи(ть).

На сухоти кон'ские. Овесъ, ячень вису(ши)вши добре, випалявши его добре и бобъ товченій змѣшат(ь), по горсти в оброку дават(ь).

На тилчакъ конскій. Желѣзомъ запалением обчертит(ь) тое мѣсце, а потомъ самое палить.

От корости конской: Чмиромъ¹⁾ горѣлчаным вибиват(ь), а змивши, свѣжимъ маслом албо сметаною шмаровать;

пурганъ съ дать; кров в таком разѣ ненадобно пускат(ь).

От идиини, когда коня вкуситъ или от чего ободметя:

Перцю зернят 30 стокети, з вином старим змѣшавши, влить коневѣ до горла;

албо ластовокъ молодых з гнѣзда взявши пороздират(ь) оные, приложить до мѣся вкущенного;

или взяти землѣ от мурашокъ и замѣшавши в водѣ, дать коневѣ пити;

так же учинивши з гною (?) землѣ мѣсто помазovat(ь) пухлину.

На волос собачій в коня. З оселедця молоко в пивѣ добре переполоскат(ь), да nebude(ь) солоно, стерти на маст(ь) и тия мѣся, идѣ же сѣ власи собачіе, намазиват(ь);

такожъ хлѣбъ упеченій з ячной муки и з горячою макушкою, волоси тіе натира(ь) и обложит(ь), от чого когда пропадутъ, мѣсце тое шмароват(ь) оливою;

¹⁾ Мр. чмиръ (нѣм. Schmiere), густой послѣдъ, между прочимъ табачный сокъ въ чубукѣ и трубкѣ.

такъ жъ гной свѣжей члвѣчий размазати на хусту и на тоѣ мѣсце привинуть от години до години.

На затрамане (s.) мочи конской: До кошари оногъ запровадити и там подержат(ь) з годину, и такожъ взять товченого имберу и бобков, змѣшати з пивомъ, а добре уваривши, дати вицить.

На тоєжъ: Зогрѣти води и дати оному якъ **найскорѣй** напиться;

такожъ гной чловѣчий свѣжій з пивом или з вином змѣшавши, дати выпити.

На вивихненне ноги конской: Пиво з медомъ зогрѣвши, или з оцтомъ, парит(ь).

От заузденія конского: Сосенковимъ олѣйкомъ горлчимъ напустит(ь) рану терпентиновимъ, зверху заскварити козловимъ лосемъ албо масломъ несолонимъ.

От запаленія з бѣгу коневъ: селѣтру з водкою розмочить и напоить оногъ повагомъ, перериваючи; пиво такожъ холодить, соли (коли?) имъ напоить.

От повѣтру конского: Медвежее мясо порубавши дробно, в оброцѣ дават(ь);

или назбѣрат(ь) кори ясиновой, которую намочивши водою рѣчною, в коритѣ, з оногъ уставичне нахай (s) пют(ь) конѣ и всякая товарица.

На задратованіе конское: Копито перемит(ь) отцом теплимъ, потом засипат(ь) гришпаномъ, а салом перетоплюванім намазivat(ь) часто и сциклинами свѣжими заливать.

На залози конские: Взят(ь) сала старого на чотирѣ пал'цѣ величиною, росходнику стовѣ ши оній вкупѣ усмажити з макухи (?) суков(ь)ой рогтерши, якъ най теплѣй прикладать на залози чрезъ колько день, поки помягчиют, а якъ помягчиют, натовѣти з старимъ саломъ часнику, пуцадломъ насѣкти залози, тепло прикладать поти, поки витечет тот гной; потом же гозири жита ярого варити и охолодити в головки (?) и на самой землѣ давать коневѣ в тих же ночвахъ пяти; такожъ розбитъ чотири бѣлки от яецъ, всипать до того товчени(я?) надила (?), змѣшавши влить в горло.

На овечое бидло и конское: каменемъ синѣмъ око натирать незотикаючи во... сыйй или инберъ з солю змѣшат и тимъ засипать.

Лѣкарство свинямъ: В коритахъ, в которыхъ ядятъ и пьютъ, да будетъ всегда лѣсяя або псяя голова, заржавое желѣзо, или перо гусяное спалить...

(продолженія недостаетъ).

(Тѣмъ же почеркомъ, на обложкѣ той же тетради):

Зеліе от зубовъ у лѣсѣ рѣзати, его корѣня черное.

Бодринець кровъ чистить. Деревѣй отъ уг'роби его кореня.

Жовчъ товарища потрѣбна, когда запоръ, то намазать платочокъ и приложить до пуна.

№ II.

Лѣкарства зраку темному и затмѣлому. Взяти пригорщъ ишеници, товкти в мужчиру, и галки в томъ же муциру мосяжному, луку бѣлого, вына доброго, и дать тому, накрывши, немалій часъ вымокнуть; потомъ, чрезъ чистую хустку процѣдивши, по двѣ краплѣ каждаго дня въ очи пускать.

Помогаетъ же коростѣ и вреди внутренныя лѣчить рута. Заживають ея в потравы и въ напою сухой, зеленой. Можеть иты (?) взрокъ улѣчуеть, истерши мягко съ виномъ пыты, помагаеть.

Рутаній сокъ с бѣлимъ медомъ, придавши болшіе соку з кропу волоского, а найпаче молоко женское, дитя годующее хлопца, въ очи пускати зракъ чинить ясній.

Отъ курячої слѣпоты: Вареной руты въ водѣ впаръ добре, въ очи пушай.

Руту въ устахъ жоваты¹⁾ часто, тимъ очи помазовати.

Руту свѣжо зелену съ ячною мукою утерши мягко, на очи пластиромъ прикладати.

Цибуля печена съ ячною мукою; прикладати на чоло на слабые очи.

¹⁾ Отсюда—другой, болѣе ранній почеркъ.

Взявши дриакви венецкой зъ орѣхъ лѣсковій, вложить до кварти вина и тимъ очи промивати.

Если уха болятъ: Хлѣбъ житній, свѣжо печеній, на двое разрѣзавши, тепло прикладывать до ушей; умиряетъ боль.

Когда что въ ухо впадетъ: Учини чмиханья перцемъ, им-беромъ;

или чемерицѣ стерши, и затули ноздри, чмихай, и отъ чмиханья випадетъ;

альбо конецъ шпички зъ дерева лоемъ albo покостомъ намажъ и вложи въ ухо, аби пригнуло (?);

Сухо баньку надъ ухо поставить.

На болѣнне скронь, т. е. віска: чеснокъ гореній растерши прикладывать.

На болѣнне зубовъ: Глисти земные въ оливѣ варити и в квѣрошнѣ въ ухо пускати.

Чорнушку варити и зуби полоскати. Зогрѣти вина и галки, на зубовѣ держати.

Взяти часнику головку, истопивши, приложити, гдѣ локоть починается; випуститъ злую материю.

Вари изопъ зѣлѣя и полоскати зуби,

Бѣлую горчицю въ оцѣ варити и держати въ зубахъ.

Лайно оробячое съ оливою стерши, въ очи пуцай; гризти будетъ, але поможетъ.

На кашель лѣкарство: Цибулю смажену съ масломъ исти, сухимъ кашлемъ помагаеть.

Горчицю бѣлу зелену въ водѣ варити и дѣтямъ малимъ давать от кашлю съ часникомъ уваривши, пити.

Корень фиалковій гризти велми ползуетъ;

Глисти заморивать: Бѣлую лободу, посоливши, съ медомъ пити, хочъ и съ водою.

Смажити руту въ оливѣ и, процѣдивши, пити.

Часникъ въ оцѣ варити и пити зъ мѣдной судини.

Свѣжую цибулю чрезъ ночь въ водѣ мочити и тую воду на-тще пити.

Ганусу часто уживати от глистовъ и робацтва.

Буз-дерево въ водѣ варити и пити оную юху.

Горчицю въ горѣлцѣ albo въ оцѣ пити.

Юзифъ варити въ водѣ albo в пивѣ пити.

Горохвини въ оцѣ варить и трохи крейди примѣшати и дати пить.

Отъ бѣгунки: Ильянное насѣнья пити, ганусъ часто заживати, бѣгунку заставляеть.

Ядерця виноградовихъ ягодъ и родзинковъ великихъ стерши, унекти и давати пить.

Учинити коржъ зъ ячной муки и съ оцтомъ исти.

Бобъ исти.

Василки стерши, пити.

Подорожникъ варити и пити.

Насѣнья бедринцевое тую жъ моцъ маєть, что и корень съ виномъ всякую бѣгунку усмиряеть.

Шальвю съ полинемъ варить, червону бѣгунку лѣчать.

Бобичное листьа уваривши, съ оцтомъ уживати.

Цвѣтъ ожинній на порошокъ спалить и пить.

Мочить немогущимъ: Ванну учинити: наварити в водѣ ліону, хотя зеленого, albo сухого.

В полинѣ пареномъ митя и окладатся.

Прикладати корѣнья фиалковое.

Слюзь варить и животъ окладать.

Бедринцю взять добрую ложку и висипать в віно и пить тепло.

Болячки въ горлѣ лѣчить: Гнѣздо ластовиное въ оцѣ растерши, до горла прикладать.

Павиное лайно стерши, у винѣ варить и, присоливши, якъ найтеплѣй дати пити.

Слину плинущу. Цибулю стовкши съ гнѣздомъ ластовинымъ и с медомъ, учинити плясторъ и зъ верху приложити.

Псее лайно съ медомъ, шафраномъ и с водкою рощинити и пити давати; выпадець з горла въредъ.

Сокъ журавлинъ кислихъ и листьа ихъ исти—добрій способъ

на рани, которые бываютъ въ устахъ альбо далѣй в горлѣ, также на слину и на давленья, которое бываетъ въ горлѣ.

Матероній (? ¹⁾) теплой лотъ въ оцѣ вишнѣ.

Попель з ластовокъ паленихъ з медомъ смѣшавши, и тимъ горло оладать,—впелые болячки в горлѣ лѣчить.

Также изопъ въ оцѣ пареній, гди его заживаетъ, то той, что слинить, латво побудеть.

Еще жъ чрезъ стебло любистковое трунки уживать, — слину гашуеъ.

Персей тяжкость. Шалвѣю, а увертѣтъ съ перцемъ, и потомъ варити въ винѣ или въ пивѣ и пити на-тще, и на ночь помазовать перси мигдалевимъ олѣйкомъ, и пити мигдалевій олѣекъ.

Взять сала каплунового и масла молодого, олѣйку мигдалевого заровно, роспустити и помѣшати, и тѣмъ перси мазать.

Часникъ вареній альбо печеній съ цукромъ смѣшавши, камень отгонить и тяжкость персей.

Кашлямъ: уставичне кашляющимъ есть знаменитимъ лѣкарствомъ корень подбѣлу великого и омановаго; по два лоти обоихъ, взявши, проторнику, изона, лободи по полгарця, лѣкрицѣ якъ полъ лота, ганусу полъ лота, фигъ сухихъ мясистихъ осемъ, то все в ситѣ медовой варити и пити часто на ночь и рано по кубку.

Клей вишневиъ развѣвши, пити.

Сълюзъ класти в молоко и пити, прудко кашель усмиряетъ.

Варити листья и головки маку зеленого в водѣ, ажъ до половины варити, потомъ, винявши, стовкети и варити въ мѣди, и поживати.

Подбѣлъ варити и пити; зеленые шишки сѣновие (сосновіе?) варити и пити съ родзинками, давній кашель отлучаетъ и сухоти.

Бобъ исти—кашель застарѣлій зъ студеной причини лѣчить.

Мяту въ оцѣ намочену на ночь пити.

Часнику съ саломъ веоровимъ утопити, тимъ подошви на ночь у теплѣ предъ огнемъ часто натирати.

¹⁾ Материнки?

Прошокъ з листь буквичнаго и цвѣтъ зъ кислимъ пити отъ кашлю, альбо съ прѣснимъ медомъ уживати, для зазѣблихъ персей.

Отъ кашлю—овсянихъ круповъ въ водѣ варити, пеньюлоскавши съкилко разовъ каждого (?), потомъ въ дойницѣ увертѣвши добре, чрезъ сито процѣдити, масла вложить и соли в мѣру, уживати юху. Иншиє цукоръ альбо медъ вмѣсто масла кладутъ а тепло пьютъ

Ламанью в члонкахъ альбо составахъ. Полиню четвертку лота по килко дней уживати въ трунку дважди на день.

Натовчи раковъ, а сокъ з нихъ витисни; такожъ утовчи листь дубоваго и тисни (s.) сокъ зъ него; той сокъ змішавши, помазуй состави, гдѣ болять.

Сухотамъ. Въ сухотахъ часнокъ ужитечній съ половиною бобковою ростерши пити.

Взяти корѣнья бедринцоваго мягко утертаго четире лота, меду изшумованнаго лотовъ 12, смѣшати добре, на-тще уживать того по полъ лота, и водку того корѣнья диктилованнаго (=дистилёваннаго) по 6 лотовъ выпивати.

Тожъ чинить позинковое (позичковое?) листь изъ свеклянами, (?) а потомъ изсѣкти дробно, якъ капусту, варити съ родзинками дробними и поживать.

Подьбѣлу зеленаго листь стерши, любъ корень на иголку низати и чрезъ легкій димъ питъ,—сухимъ каплямъ и тяжкому диханию помогаетъ.

Урокамъ: Корень дягловій при себѣ носить, альбо чернобѣль. уроки и чари отгоняетъ.

На рожу: Руту усушивши, курить ноги, и залчій щавей утопивши, прикладать—вытягаетъ огонь.

Укушенью пчель: Насѣнья слюзу високаго, съ оливою смѣшаннаго, приложить на вкушенное мѣсто. Также—и жуковъ вкушенья.

Жолтой немочи: Щавей въ бѣломъ винѣ варить, а то вино питъ, лѣчитъ жолту немочь зъ зѣмнои причини.

Сокъ буряковій, альбо само листьа з листьамъ лободяниѣмъ варить и оную поливку исть.

Водку, витисненую в (= зъ) редки съ виномъ дати пити.

Шалвѣю варить в винѣ и давати чить.

Бруштинѣ зѣтопити съ виномъ, чить.

На сверблячку ѣжкарство: Горѣлки, пороху, дегтю, масла испустити и пустити на воду воску, и всего того по равной части положить и усмажити, и тѣмъ мазатись.

На коросту конску и товарячу: деготь добрый, сѣрка, порошокъ, сало и молоко. Что чимъ заправлять: деготь варить, чтобъ закипѣлъ, а сѣрку, стерши, вѣщать въ деготь, а сало скваривши и тое въ деготь, и такъ все варить и теплымъ мазать всего.

Масъ на сверблячку челоуѣку: Сребра живаго четверть золотника, мида барскаго два золотника. мишаку три золотника, оливи малую часть и тое все смѣшать и здѣлать з того мило и, спарившись в лазнѣ, тѣмъ митись въ духу, а потомъ, посидѣвши немало в духу, ополоскаться теплою водою и убраться в лазнѣ, в тое чинити до трехъ разъ.

Аппетитъ чинити: Листья полиню свѣжаго наслатъ под голими подошвами, то до ядзенья возбуждаетъ; и потреба каждаго дня свѣжо поповлять.

Щербцю уживати, шалвѣю съ потравами уживати, альбо потрави нимъ посинати охоту до ядзенья побуждаетъ.

Сечь запертую кто в себѣ имѣетъ и неможетъ удержати: Рутянаго насѣнья припраженнаго взять четверть лота, чрезъ седмь дней чить.

Бораль червоній на порошокъ стерти, съ водкою бабичною на ночь пить.

Ѧжкарство, когда кто сухой бываетъ: Грѣнки поливши виномъ некиянимъ, альбо свѣжимъ, зъ житнаго свѣжаго хлѣба даби они били усушени, и посипавши цукромъ исти натще, хотя на ночь.

Пива съ цукромъ нагрѣвши пить, вельми в нутрѣ отъ того

ситость дѣлается, печунки засыхае уздравляются и кровь во всемъ тѣлѣ родится.

Постернакъ в козьяномъ молоцѣ свѣжомъ затушковавши, смажить, и исти на тще, — полза велика.

У кого сухоти били и есть: Надобно берегтися, чтобъ неисти риби вялой солоной, оселедцовъ, олѣи, оливи старой, всякихъ напитковъ непити, кромѣ пива; сала свиннаго весма берегтися; масло когда случится съ чимъ исти, даби перетопленное било; и кислаго и солоннаго весма неисти; сира солоннаго и горкаго ничего нежвяти; яецъ печенихъ, свинини (понеже от свинини — тяжесть персамъ), шукн-риби (бо от нея флягма велика родится, и кашель возбуждается) и от солонини — такожде. И лини сухотамъ неочень в ползу: хотяй би его и неисти. Окуня, карася, плотицу, леща, судака свѣжаго, осѣтра — хорошо исти: сии риби найздоровѣйшіе всякому человѣку, не только имущему сухоти.

У кого вгри на лицѣ: Чесночной попель зженой смѣшати съ медомъ прѣснимъ, и будетъ аки масть житная, и тѣмъ помазывать тѣло и лице, коросту с тѣла и угри с лица съгонить.

Аще кто глухъ: Возми молока женскаго, коя отрока кормить послѣ роду десяти дней, и к тому прибавивши травы чесноку дякаго по разсуждению, и то болящій пускай каплей по двѣ или по три въ ухо, утро и вечеръ, тако слухъ явится.

О диняхъ: Сѣмя динное варить в водѣ и тою водою лице и руки умивать, тогда тѣло чисто и бѣло станетъ.

У кого зубы болятъ: Сѣмя черной горчицѣ в ротѣ жовати съ укусомъ вельми пристойтъ отъ всякой немощи зубной.

У кого бѣльмо на окѣ: Сокъ горчицной пущенъ въ око бѣльмо стонить.

У кого голова болитъ: Стерши раки съ деревяннѣмъ масломъ, да напозати на платъ и привей къ головѣ гороздъ (s.), какъ можно терпѣть, и оной поможетъ вельми.

Аще жена родитъ дитя, и у нея мѣсто останется и она ходитъ при смерти: Возми сорочаго мозгу да раствори его въ водѣ и дай пити, и оной отъ того исцѣляется.

О совѣ птицѣ: Аще кто сову съестъ, ино у того человѣка очи будутъ зрячѣ и тѣмъ очамъ никакой болѣзни небудеть.

У кого будетъ трясавица: Возми совину ногу правую, и она отъ того скоро покинетъ.

О чистотѣ личной: Овесъ безъ лускинь, варенъ в водѣ и потомъ толченъ смѣшанъ, да противъ того всего положить муки овсяной сѣяной и все вмѣсто поварить в водѣ, и тѣмъ аще лице умывать, и станетъ бѣло и свѣтло ¹⁾).

У кого бородавицы: Цибуля товчена съ солью, прикладываемъ (s.) к бородавицамъ, и тако они погибають и язвы заживають.

У кого насморкъ: Соезъ из луку вижать и в ноздри пущать — насморкъ и инія нечистоты изъ главы выведетъ сморканиемъ и чханьемъ.

У кого в головѣ воши: Сокомъ чесноковымъ помазуй главу, воши и гниди умирають и власи на главѣ укрѣпляются.

У кого облива на лицѣ: Мука пшенична съ уксусомъ подсиченимъ, и тѣмъ помазуетъ обливу на лицѣ, и лице чисто станетъ ²⁾).

У кого на тѣлѣ короста: Лукъ толченъ и разваренъ уксусомъ, и тѣмъ помазуетъ свербѣжъ и коросту тѣлесную, и тако тѣло гладко станетъ.

Ногамъ рукамъ albo опухлимъ: Руту съ оливою и солью утерти и тѣмъ шатировать (s. вм. шмаровать); боздерево утерти съ оливою и тѣмъ жили в рукахъ и ногахъ съ содію плистировать.

У кого очи играютъ: Смородиннаго листу съ дождевою водою сварить и процѣдить сквозь платъ чистѣй, и тою на ночь поставить, заспунтовавъши въ дѣчъ, в духъ легкий, и тою жъ водою очи помазать.

Листъ буквичній сваривши, и взявши съ окроку, приложить на очи на цѣлую ночь, и на взнякъ лежать.

¹⁾ *Hortus amoenus.* Флоринск. Рус. престоуар. травн. 23.

²⁾ *Облива, ехѣра;* См. Флоринск. I. с. 21, 25.

№ III и IV.

Записки о лѣнарствахъ на разные болѣзны.

1) *От кашлю*: льяное насѣни выражати, потомъ стерти и питиимъ медомъ розвести, процѣдивши пить тепло; весьма ползуетъ.

2) *От катару*: пива доброго не кислого пол кварты, цукру и шафрану по малой части пригреть гораздо, какъ можно стерпѣть, и выпить, лягши на постелѣ, и веритись и(з) головою; будетъ потъ пресилный, свободится отъ катару, болю в костяхъ.

3) *От кольки*: рути зварить в новомъ горшке, насипать пшеничныхъ висѣвокъ, пригрѣть, какъ можна стерпѣть, скрозь платъ прикладывать на болное мѣсто.

4) *От болѣзни зубной*: хлѣба житного осередокъ вмочить в горѣлку простую, посипать солю и приложить до щоки, где болной зубъ.

5) *На болѣзнь головы*: муки житной всеѣяном упрягши в новомъ горшчку, и смѣшать з оцтомъ крѣпкимъ и приложить до головы; заразъ болѣзнь перестанетъ(ь).

6) *От воньновъ частихъ*: взять мяти, истерти, измѣшать з ладаномъ и з оцтомъ, мазать платокъ и приложить на персахъ под ложечку; ползу великую приноситъ(ь).

7) *От проносу кривавого*: взять двѣ чарки водки, небольшую часть селѣтри, столько ж и сѣрки, всипать у водку, запалить чтобъ вигорѣло половиную часть и теплое выпити.

8) *На тожъ*: натерти камени червоного густо, положить часть дрякви, розвести виномъ или водкою и выпить.

9) — Назбирать листьковъ подорожнику, выдавить сокъ и выпити.

10) *От поносу не кривавого*: дубовой жолудь стерти, посипать грѣнку, усушеную з розоваго хлѣба, и въ день три рази, ровно в полдень и вечеру изести.

Такожъ *от поносу* галуны часть перепалить, и жорновокъ стерти и з горѣлкою выпить, ползуетъ.

11) Ежели у кого здѣлается *констунація*, до... (горсть) маку бѣлого стерти и напиться с того маку молока: заразы про- несе в четверть часа неотмѣнно.

12) *От воньтовъ*: хрѣнь терти и пити в горилки.

13) *От утробы*—молоко солодкое круто с перцем пити, или росаду капустаную стерти, змѣшати з горѣлкою круто и пити.

14) *На лишай*: горчицѣ бѣлой столкти змѣшати з приснижъ медомъ, положить на лишай.

15) *Рану* добре гонть уголья березовое. Стовчи и засипай рану: дивно гонть.

NB 16) *Масъ* здѣлать ~~от раны~~ ~~масма~~ добрую: олива, живица, козиной лой по равной части сѣсучать и прикладывать.

NB 17) *На зубную болѣзнь*: столчи насѣня кропового, измѣшай з оцтомъ и класти на болные зубы.

NB 18) *На шолутдѣ* лѣкарство: лугъ з попелу греча- ного робити и мити голову, и взять водку сѣмяную и мазати, згонть.

19) *На мерзкое тѣло или рану*: убить кота сѣтого, ви- нять з него сала, натовчи вербового листа, истерти рути, змѣшати, класти до раны.

20) *Медъ* варить з хмелемъ и придать материнки, будетъ хо- рошъ и вкусенъ.

21) *От гадини*: ежели гадина вкусить, намазать сѣркою з уха, небудеть пухнуть.

NB 22) Ежели *воспа* у дѣтей, свинячимъ молокомъ ма- зать и давать пить дитинѣ.

23) *На бѣльмо конское*: ежели у коня бѣльмо, у противное ухо соли всипать.

24) *На рану збитую на нозѣ*: воску ярого, оливи, ла- дану, все тое на паперѣ над свѣчкою знажъ и на полотнѣ ветхомъ здѣлай пластирь, прикладывай.

25) Ливандовый квѣтъ у винѣ пити вигонить урину.

26) *От жовтяницъ*: в розинокъ вложить вошь головную или з кошулѣ, дать потаенно зисти, весма ползуетъ.

И. Зозули, Н. О. Добротворского, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховского, И. Ж., О. Каминского, проф. И. Г. Карпинского, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залтесского, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкого-Богдановича, Л. П., Л***, П. Котицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грипцевича, Кравченко, П. Г., Л., А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановского, П. Левицкого, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библиографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. И. Степовича, О. Л., П. В. Голубовского, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. О. Г. Миценка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, О. Н., Проф. Н. О. Сумцова, Арк. Лищенко, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тилинского къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ О. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щенкина въ роли Чулуруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографія по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житенкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. I. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Содичанство въ Польшѣ и Югозан. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. н. 60 к.

— Анна-Алоиза. княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и униа, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волинскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Сѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старини“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе наѣты и записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о новъхъ выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратныя высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 5 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй.

За редактора Е. Кивлицкій.